

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»

На правах рукописи

Ли Цзин

**Деривационный потенциал цветообозначений
в актах фразеомообразования**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Катышев Павел Алексеевич

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4–12
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.....	13–162
ГЛАВА 1. Основные направления исследования цветообозначений	13–46
1.1. Понятие концептуальной и языковой картин мира	13–18
1.2. Цветообозначение как фрагмент языковой картины мира	18–36
1.2.1. Подходы к изучению языковой цветовой картины мира	20–29
1.2.2. Цветообозначения как самостоятельная лексико-семантическая группа	29–36
1.3. Цвет как гносеологическая сущность. Понятие цветосимвола	36–45
Выводы по главе 1.....	45–46
ГЛАВА 2. Когнитивно-ономасиологический подход к изучению фразеомообразования	47–79
2.1. Теория номинации как раздел языкознания	47–52
2.2. Традиции изучения фразеологизмов в теории номинации	52–60
2.2.1. Фразеологизм как особое номинативное явление	53–55
2.2.2. Специфика фразеологического значения.....	55–60
2.3. Основа ономасиологического описания фразеомообразования	60–77
2.3.1. Ономасиологическая сущность фразеомообразования	60–68
2.3.2. Фразеомообразование vs словообразование	68–71
2.3.3. Когнитивные механизмы фразеомообразования	71–77
Выводы по главе 2.....	78–79
ГЛАВА 3. Деривационная специфика цветообозначений в создании фразеологизмов	80–162
3.1. Цветообозначения в составе фразеологической системы	80–83
3.2. Деривационный потенциал цветообозначений в составе фразеологических единиц.....	84–162
3.2.1. Фразеологизмы с цветообозначением «черный».....	84–102
3.2.2. Фразеологизмы с цветообозначением «белый».....	102–118

3.2.3. Фразеологизмы с цветообозначением «красный»	118–131
3.2.4. Фразеологизмы с цветообозначением «желтый»	131–138
3.2.5. Фразеологизмы с цветообозначением «зеленый»	138–147
3.2.6. Фразеологизмы с цветообозначением «синий»	147–150
3.2.7. Фразеологизмы с цветообозначением «голубой».....	150–155
3.2.8. Фразеологизмы с цветообозначением «серый»	155–160
Выводы по главе 3.....	160–162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163–168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	169–188
ПРИЛОЖЕНИЕ А	189–196
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	197–207

ВВЕДЕНИЕ

Цветовая картина мира как одна из центральных категорий общей картины мира активно разрабатывается учеными в различных сферах научного знания (в биологии, культурологии, психологии, языкознании), а также в междисциплинарных исследованиях (в психолингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике).

Цветообозначения (далее – ЦО) – вербальные единицы со значением цвета – находятся в центре внимания лингвистов достаточно давно. Повышенное внимание к изучению ЦО объясняется тем, что они представляют собой многомерный объект, характеризующийся богатством культурной нагрузки, ассоциативных связей и стилистических возможностей, способностью указывать на материальные признаки, явления действительности и ментальный мир человека. Исследование ЦО позволяет понять особенности зрительной модальности восприятия и ее отражение в сознании человека.

Фразеологическая подсистема в качестве особой знаковой системы давно привлекает внимание лингвистов (Н. Н. Амосова, Н. Ф. Алефиренко, А. Н. Баранов, В. В. Виноградов, С. Г. Гаврин, Ю. А. Гвоздарев, Д. О. Добровольский, М. Л. Ковшова, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, З. Д. Попова, В. М. Савицкий, В. Н. Телия, И. И. Чернышева, Н. М. Шанский и др.). Фразеологические единицы (далее – ФЕ) – это особое номинативное явление, они способны образно и экспрессивно изображать фрагменты картины мира, играя роль инструмента познания. Несомненно, для понимания процесса лингвокреативного мышления человека в первую очередь необходимо обратиться к процессам вторичного знакообразования, в том числе и фразеомообразования, имеющего различные функциональные возможности. Хотя за последние годы появилось достаточное количество работ, посвященных исследованию механизмов образования фразеологизмов (Н. Ф. Алефиренко, Е. Н. Ермакова,

М. Л. Ковшова, Ю. А. Гвоздарев), нельзя сказать, что данная проблематика полностью изучена. Все это определяет **актуальность** нашего исследования, которая обусловлена:

- возросшим интересом ученых к изучению деривационного функционирования языка в аспекте семиозиса, в том числе фразеомообразования;

- необходимостью дальнейшего изучения вопросов, касающихся формирования фразеологической системы как небазисного уровня, существующего за счет межъязычного взаимодействия языковых единиц;

- стремлением лингвистов к изучению мотивационных корреляций между фразеологизмами различных тематических групп и мотивирующими их классами;

- разработкой когнитивных моделей описания фраземосемиозиса, учитывающих структурно-семантические особенности фразем;

- отсутствием комплексного рассмотрения деривационного потенциала ЦО и их классов как источников формирования фразеологической системы русского языка.

Объектом исследования являются ФЕ, содержащие в своей структуре прилагательные-цветообозначения: БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый, ЖЕЛТЫЙ, ГОЛУБОЙ, СИНИЙ, СЕРЫЙ. Необходимость такого ограничения обусловлена тем, что другие ЦО являются «периферийными», не обладающими выраженной деривационной продуктивностью при образовании устойчивых оборотов.

Предметом исследования является деривационный потенциал колористического кода, участвующего во фраземосемиозисе современного русского языка.

Материалом исследования послужил корпус колористических фразеологических единиц современного русского языка, составленный с опорой на материал словарей, а также отдельных статей, представляющих

примеры семантизации ФЕ (см. список источников). Анализу было подвергнуто 317 ФЕ. Источниками материалов выступают толковые и фразеологические словари русского языка (Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Тихонов А. Н., Ломов А. Г., Королькова А. В. Справочное издание: В 2 т. Т.1, 2. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.; Бирих А. К. Русская фразеология: ист.-этимол. слов.: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005; Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / Федоров А. И. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.; Фразеологический словарь русского языка/ сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стереотип. М.: Рус.яз. Медиа, 2007. 334, [2] с.; Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; Баранов А.Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д.О. и др.; [под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского]. М.: Эксмо, 2009. 704 с.; Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / Ридерз Дайджест; авт.-сост. И. С. Брилева и др.; отв. ред. В. Н. Телия. М.: 2012. 781, [1] с.; Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 304 с. и др.).

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области фразеологии (Н. Н. Амосова, А. Н. Баранов, В. В. Виноградов, Д. О. Добровольский, В. И. Зимин, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, В. М. Савицкий, В. Н. Телия, И. И. Чернышева, Н. М. Шанский), фразеомообразования (Е. Н. Ермакова, Н. Ф. Алефиренко, Ю. А. Гвоздарев, М. Л. Ковшова, А. Р. Попова, Е. В. Саванкова), теории номинации (Н. Д. Арутюнова, Э. С. Азнаурова, В. Г. Гак, Л. С. Ковтун, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева), а также работы, в которых отражены результаты изучения ЦО (Р. В. Алимпиева,

Н. Б. Бахилина, А. В. Боровкова, А. П. Василевич, А. Вежбицкая, Е. М. Иссерлин, В. Г. Кульпина, Н. Ф. Новиков, Р. М. Фрумкина, Ф. Н. Шемякин, Е. А. Юрина В. Berlin, Р. Kay). В исследовании использованы основные положения теории фразеоморфизма Ю. А. Гвоздарева, который системно излагает типологию фразеоморфизма и особенности данного процесса в диахроническом и синхроническом аспектах.

Целями настоящей работы является установление когнитивных механизмов фразеоморфизма, отраженных в одном из его источников – колоративах, а также комплексное описание потенциала семантического расширения ЦО, реализованного в актах фразеоморфизма.

Степень разработанности темы исследования. Обобщение существующих трудов, посвященных изучению ЦО, доказывает, что подсистема единиц в основном изучается в границах

- исторического и этимологического подходов к изучению цветовой лексики (Р. В. Алимбиева, Н. Б. Бахилина, Е. М. Иссерлин, Ю. В. Норманская, Ф. Н. Шемякин и др.);

- психолингвистического подхода к изучению наименований цвета (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина, П. В. Яньшин и др.);

- лингвокультурологического подхода к исследованию единиц цветового кода (Н. Ф. Новиков, Е. А. Решетникова и др.);

- когнитивного подхода к изучению семантики ЦО (А. Вежбицкая, О. Б. Ермакова, Е. В. Рахилина, С. А. Фетисова и др.);

- сопоставительного описания ЦО в разных языках (А. К. Башарова, В. Г. Кульпина, И. В. Макеев, Т. Ю. Светличная и др.);

- фразеоцентрического подхода, связанного с изучением ЦО, представленных во фразеологической системе языка (Н. А. Завьялова, Ю. В. Зольникова, Е. В. Люкина и др.).

Между тем до настоящего времени не осуществлен системный анализ ФЕ с компонентом-цветообозначением, учитывающий комбинаторные

особенности составляющих ФЕ; недостаточно описаны когнитивные механизмы образования колористических ФЕ.

Рабочая гипотеза состоит в предположении системной мотивированности исследуемых фразеологизмов когнитивными механизмами преобразования исходных единиц, включая единицы колористического кода.

Поставленная цель и выдвинутая гипотеза предполагают решение следующих задач:

- 1) определить роль ЦО в языковой картине мира;
- 2) описать основные когнитивные механизмы, задействованные в процессах создания фразеологизмов с ЦО в составе;
- 3) проанализировать фактический материал с целью выявления структурно-семантических особенностей фразеологизмов, включающих в свой состав ЦО;
- 4) выявить ономаσιологические сферы, получающие выражение во фразеологическом значении;
- 5) охарактеризовать семантическое пространство, покрываемое компонентами-цветообозначениями в актах фразеомообразования.

Для решения общей цели и конкретных задач применены следующие методы исследования:

- процедуры когнитивного анализа, направленные на выявление механизмов семантической трансформации, установление роли ЦО в концептуализации ментальных сущностей;
- компонентный анализ, значимый для выявления смысла фразеологизмов (их значений и потенциальных сем составляющих их компонентов);
- структурно-семантический анализ, использующийся для изучения структурно-семантических особенностей ФЕ;

- анализ словарных дефиниций, релевантный для установления лексических значений, в частности, денотативных и коннотативных компонентов семантики ФЕ;

- элементы количественного анализа материала, помогающие выяснить степень продуктивности исследуемых языковых единиц и сопоставить частотность использования отдельных ЦО в процессе образования фразеологизмов.

Новизна диссертационной работы обусловлена тем, что исследованы особенности фразеомообразования с учетом когнитивно-ономасиологического аспекта; впервые представлена разработка различных когнитивных моделей трансформации семантики ЦО во фраземосемиозисе; детально описан деривационный потенциал (семантических приращений и символических наращений) колористического кода в актах фразеомообразования.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении деривационных закономерностей фразеологизмов, включающих колористический компонент. Основные положения и выводы диссертации углубляют теоретико-методологические основы когнитивного моделирования семантики фразеологизмов и ономасиологического исследования явлений фразеологической номинации.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты диссертации могут быть использованы на практических занятиях по современному русскому языку и общему языкознанию, а также в спецкурсах по фразеологии и фразеологической номинации.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Категория цвета выполняет важную роль в категоризации и восприятии мира. В языковом континууме цветонаименования рассматриваются не только с номинативной, но и с конструктивной точки зрения – как элементы, определяющие фрагмент языковой картины мира, выполняющие эстетическую и символическую функции. Образность

цветосимвола, психологические ассоциации ЦО, их оценочные элементы и их активность в концептуализации ментальных сущностей обуславливают высокую степень частотности и значительный фразеомообразовательный потенциал исследуемых единиц.

2. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления устанавливает концептуальные отношения по аналогии (фразеомообразование метафорического типа), по смежности (фразеомообразование метонимического типа) и по категории (фразеомообразование путем сужения значений). Образование колористических фразеологизмов связано именно с этими тремя когнитивными механизмами семантической трансформации, которые позволяют создать вторичные языковые знаки, обозначающие широкий спектр явлений действительности.

3. ФЕ с компонентом-цветообозначением, как правило, оказываются устойчивыми оборотами с живой образностью. Значения в их составе являются мотивированными. Поэтому в данной совокупности лексических единиц отсутствуют фразеологические сращения. Особенности семантического переосмысления исходных единиц определяют степень идиоматичности, при этом ЦО в связи с их различной степенью семантического слияния с другими составляющими отличаются неравномерностью при формировании фразеологических единств и фразеологических сочетаний.

4. Исходная область концептуализации – сфера-источник «цвет» проявляется в различных областях референции, так называемых результативных зонах, которые могут быть сведены к концептуальным категориям – «человек», «социум», «артефакт», «натурфакт». В каждой из этих категорий выделяется набор субкатегорий. ФЕ с включенным колоративом участвуют в вербализации различных концептуальных областей, что позволяет обнаружить перспективы семантического преобразования

прилагательных-цветообозначений и тем самым спрогнозировать формирование новых колористических фразеологизмов.

Достоверность и обоснованность результатов и выводов обеспечиваются обращением к широкому кругу источников, представляющих теоретическую базу исследования; детальной разработкой лингвистических методов описания эмпирического материала; высокой репрезентативностью эмпирического материала.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на научно-практических конференциях: на Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX и XX и Кирилло-Мефодиевские чтения» (май 2018, май 2019, май 2021 гг., г. Москва, Россия); на Международной научно-практической конференции «Глобализация и языковая картина мира» (май 2019 г. Фергана, Узбекистан). Результаты исследования нашли отражение в шести статьях, три из них представлены в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка источников и приложения. Основные результаты исследования обобщаются после каждой главы, в заключении подводятся итоги исследования, намечаются его перспективы.

Во Введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, цели и задачи диссертационного исследования, характеризуются материал исследования и его источники, устанавливаются теоретическая база и методы анализа, формируются положения, выносимые на защиту, представляется теоретическая и практическая ценность работы.

Первая глава «Основные направления изучения цветообозначений», состоящая из 3 параграфов, посвящена определению роли ЦО в категоризации действительности и конструировании мира, описанию структуры лексико-семантической группы ЦО, характеристике

подходов, получивших развитие при изучении класса ЦО, рассмотрению понятия цветосимвола.

Во второй главе «Когнитивно-ономасиологический подход к изучению фразеомообразования» отражены ключевые понятия теории номинации; рассматриваются особенности фразеологической номинации и актов фразеомообразования; характеризуются различия и сходства во фразеомообразовании и словообразовании; раскрываются теоретические предпосылки когнитивно-ономасиологической интерпретации ФЕ.

В третьей главе «Деривационная специфика цветообозначений в создании фразеологизмов» рассматриваются когнитивные механизмы образования колористических фразеологизмов, исследуется отражение сферы-источника «цвет» в различных понятийных сферах, характеризуется деривационный потенциал наиболее продуктивных ЦО (ЧЕРНЫЙ, БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый, ГОЛУБОЙ, ЖЕЛТЫЙ, СИНИЙ, СЕРЫЙ), участвующих в создании ФЕ, изучаются ЦО в плане актуализации отдельных участков семантического пространства фразеологической системы.

В Заключении обобщены результаты проведенного исследования, определены перспективы дальнейшей работы в области исследования деривационной специфики ЦО.

В двух **приложениях** представлены таблицы, представляющие

- смысловую структуру исследуемых ЦО,
- концептуальные проекции ЦО на систему ФЕ,
- список компаративных ФЕ с компонентом-цветообозначением.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА 1. Основные направления исследования цветообозначений

1.1. Понятие концептуальной и языковой картин мира

Термин «картина мира» впервые был принят физиками в начале XX века по отношению к физической модели реальности, поэтому, говоря о картине мира, они имели в виду научный образ мира, созданный на основе законов естественных наук. Потом термин «картина мира», определяемый как «система интуитивных представлений о реальности» [Словарь культуры XX века 1999, с. 127], был введен в гуманитарные дисциплины, затрагивающие философию, психологию, культурологию, семиотику, историю, этнологию и филологию. Картина мира, как отмечают В. Ф. Петренко и О. В. Митина, – это «сложное, многоуровневое образование, в которое, наряду с научным, понятийным знанием, входят и религиозный опыт, виртуальные построения искусства, идеология, а также глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного» [Петренко, Митина, 1997, с. 105]. Под картиной мира понимается «целостный глобальный образ мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [Постовалова 1988, с. 21]. Е. С. Кубрякова считает, что картина мира организуется в «сумму значений и представлений о мире, упорядоченную в голове человека по самым разным основаниям и объединенную в известную интегральную систему» [Кубрякова, 1988, с. 141]. Понятие картины мира используется в различных сферах человеческой деятельности; в определенной дисциплине или общественном сознании представлены разные способы познания объективной действительности, приводящие к формированию разных представлений о мире, поэтому необходимо оперировать понятием «картина мира» для обсуждения различных методов и ракурсов познания. Выражение «картина мира»

синонимично терминам «модель мира» (Г. А. Брутян, Т. В. Цивьян, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов), «образ мира» (А. А. Залевская, А. А. Леонтьев).

Теоретическое обоснование понятия «картина мира» в языкознании стало возможным благодаря смене научной парадигмы, формированию антропоцентрического подхода к описанию языка и языковых явлений, что обуславливает рассмотрение человека как активной силы в создании определенного образа мира. Понятие *языковая картина мира* (ЯКМ) восходит еще к идеям В. фон Гумбольдта об особом языковом мировидении каждого народа, к идеям его последователя Л. Вайсгербера о внутренней структуре языка, а также к идеям Э. Сепира и Б. Уорфа о зависимости восприятия мира от особенностей языка, накладывающего своеобразный фильтр на познавательные возможности человека. Хотя эта гипотеза чрезмерно преувеличивает влияние языка на мышление человека, она все же обогащает теорию ЯКМ и способствует ее развитию.

При исследовании ЯКМ российские лингвисты Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева сходятся во мнении, что ЯКМ (в качестве синонимичных также используются термины «языковая модель мира», «языковое мировоззрение», «языковая репрезентация мира», «языковой промежуточный мир», «языковая организация мира») – это продукт человеческого мышления о мире, закрепленного в языке; иными словами, это теория изучения отношений между языком, мышлением и объективным миром. Под ЯКМ понимается «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин, 2001, с. 68]. Э. Бенвенист, подчеркивая неотъемлемую связь между языком и человеком, отмечает, что «невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык. Невозможно представить себе

изолированного человека, ухитряющегося осознать существование другого человека. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 1974, с. 293]. Фактически, оперирование понятием «картина мира» предусматривало осознание человеком себя как языковой личности, так как языковая личность «начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов, 2010, с. 36].

Хотя язык и не является единственным способом познания мира, он играет ведущую роль в формировании и репрезентации картин мира. Человек наблюдает явления объективной действительности, понимает взаимосвязи между ними, толкует законы природы – и все с помощью языка. Посредством языка в сознании человека постепенно формируется образ и модель мира. Но язык не является «зеркальным отражением» реального мира, отношения между ними не являются однозначным соответствием, это «вторичное существование объективного мира, закрепленного и реализованного в своеобразной материальной форме» [Колшанский, 2006, с. 15]. Похожей точки зрения придерживался Р. И. Павиленис, отмечая, что «язык не является априорным условием познания мира, а интерпретация его выражений осуществляется лишь в концептуальных системах носителей языка, являющихся необходимым условием усвоения и осмысленного употребления вербальной символики и вместе с тем объектом дальнейшего построения средствами естественного языка» [Павиленис, 1983, с. 184]. Таким образом, ЯКМ – это «информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» [Телия,

1988, с. 177]. Исходя из вышеперечисленных высказываний следует, что ЯКМ показывает не столько воплощение образа мира в языке, сколько его восприятие и интерпретацию человеком при помощи знаковых средств. В общем, язык отражает представления человека о мире, сформированные в ходе всех контактов индивида с универсумом.

В рамках антропологической лингвистики получила развитие методологическая основа таких направлений, как когнитивная лингвистика, изучающая взаимосвязи языка и человеческой когниции, и лингвокультурология, ориентирующая на рассмотрение взаимоотношений языка и культуры. С позиций когнитивной лингвистики к определению понятия «картина мира» обращается Е. С. Кубрякова, которая предлагает разграничивать концептуальную и языковую картины мира. Такое распределение обусловлено необходимостью учитывать те фрагменты образа мира, которые отображены в сознании человека, но не имеют вербальной формы выражения. Таким образом, концептуальная картина мира (ККМ) представляется шире и многообразнее ЯКМ, включая в себя языковой образ как составную часть. ККМ представляет собой «динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде – сложнее по своему субстрату и своему устройству, нежели система значений известных человеку языковых единиц» [Кубрякова, 1988, с. 142]. Информация, попадающая в концептуальную сферу, проходит два основных мыслительных процесса – концептуализацию и категоризацию, которые тесно связаны между собой. Как и единицы любой семиотической системы, единицы *языковой картины мира* имеют материальное вербальное выражение, являются экспликацией языковыми средствами концептуального содержания, а «когнитивное расчленение реальности происходит еще на довербальной стадии развития человека: понятийные классификации, возникающие в то время, оказываются более связанными с сенсомоторной деятельностью человека, нежели с его

общением с другими людьми» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 93]. *Концептуализация* является одним из процессов познавательной деятельности человека, направленной на расчленение мира и выделение соответствующих ментальных единиц – концептов. Одной из задач когнитологии является установление базовых для картины мира концептов. *Концептуализация* служит первым этапом когниции, результатом которой является упорядочивание и структурирование мира человеком. Это образование имеет абстрактный и идеальный характер. А *категоризация* предусматривает объединение единиц в определенные классы, разряды на основании их общих характеристик – сходства, тождества.

ККМ – это концептуальная система в мозгу (психике) человека, которая, по мнению В. В. Красных, является многоуровневой и формирует различные «концептуальные блоки», предопределяющие «наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, которые обуславливают национальную специфику стереотипов» [Красных, 1998, с.116].

Итак, ККМ является культурно обусловленной. Ее национально-культурная специфика связана с менталитетом и психологией разных народов. В лингвокультурологической парадигме концепты – это базовая единица культуры, в которой зафиксирован национально-исторический опыт данной общности народа; иными словами, концепты ментально проецируют элементы национальной культуры. Таким образом, понятие объективной действительности, с одной стороны, обладает общечеловеческой характером, с другой стороны, имеет национальную специфику, зависимость от мышления представителей определенного сообщества, что обусловлено культурным, историческим и психологическим факторами.

ЯКМ и ККМ коррелируют между собой: ЯКМ является частным выражением ККМ. Значения языковых форм в когнитивной лингвистике понимается как «отрезок концептуальной информации, результат опыта,

подведенный под один знак» [Барабанова, 2016, с.119], а ККМ – это полное представление о мире в голове человека. ККМ существуют в человеческом мозге в виде образа, представления, стереотипов и т. д. Они осуществляют вербализацию в языке. С одной стороны, ЯКМ формируется под воздействием мышления, языка и культуры; с другой – она одновременно оказывает невидимое влияние на мышление человека, выступая его «ориентиром». Таким образом, ЯКМ не только играет роль посредника между человеком и миром, но и выполняет функции указания, стандартизации и коррекции познания.

Одним из фрагментов картины мира выступает цветовая картина мира (ЦКМ), становящаяся объектом пристального внимания ученых. Она входит в центральную категорию как ЯКМ, так и ККМ (в частности, посредством ассоциативных экспериментов установлено, что цвет входит в ядро языкового сознания, т. е. в круг понятий, наиболее существенных для картины мира этноса [Уфимцева, 1996, с.139-163]). Лингвоцветовая картина мира – это репрезентируемое в языке совокупное представление о цвете в форме ЦО. В разных языках вербализуются различные представления о категоризации цвета в зависимости от этнического цветового менталитета. ЦО как фрагмент ЯКМ играют важную роль в концептуализации и категоризации действительности.

1.2. Цветообозначение как фрагмент языковой картины мира

Восприятие цвета присуще всем людям, которые видят окружающую действительность в цветовом наполнении. Создавая новые предметы, человек придает им как форму, размер, так и цветовую характеристику. Человек не только определяет цвета через соответствующие предметы объективной действительности, в которых эти цвета закреплены, но и наоборот – объясняет значение предметов через их отношение к определенному цвету, особенно когда цвет является фиксированным признаком соответствующего предмета. Категория цвета выполняет важную роль в категоризации и восприятии мира.

Наряду с другими свойствами объектов, цвет становится одним из дифференцирующих признаков, позволяющих разделять объекты на роды и виды. ЦО широко используются для именования объектов живой природы (*красный лес*), артефактов (*красное вино, белый хлеб*), болезней (*белая гниль*), людей (*голубая кровь*), материалов (*черные металлы*) и т. д., выполняя классифицирующую функцию. Можно сказать, что «цвет, обладая высокой информативной ценностью, выбирается в качестве точки референции и оказывается предпочтительней, чем другие свойства объекта, способные служить для номинации (таких как запах, вкус), так как он различим на расстоянии» [Лукашенко, 2001, с. 67].

В языкознании XX – XXI вв. ЦО изучались с точки зрения различных исследовательских подходов. Интерес к изучению этих языковых единиц обусловлен значимостью цветового зрения для концептуализации действительности, компактностью лексической группы цветоименований, древностью происхождения входящих в нее единиц, активностью их функционирования в языке и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений [Алимпиева, 1986, с. 3]. Совокупность исследований в области цветовой семантики и цветовых лексем иногда даже называют цветовой лингвистикой (термин В. Г. Кульпиной), имея в виду отдельную область исследований. В языковом континууме цветоименования выполняют не только номинативную, но и эстетическую и символическую функции, а также выступают в роли культурно и социально обусловленных цветовых характеристик, соотносимых с семиотической и ценностной картиной мира определенной национальной культуры.

Для исследования языковых единиц, обозначающих цвет, в понятийно-терминологический аппарат лингвистики введены следующие выражения: «цветообозначение» (В. А. Москович, Н. Б. Бахилина, А. И. Белов, Л. Р. Гатаулина), «цветоименование» и «имя цвета» (В. А. Москович, Р. М. Фрумкина, А. П. Василевич, Т. А. Михайлова), «термин цвета»

(Б. Берлин и П. Кей, Т. И. Вендина, В. Г. Кульпина), «названия цвета», «прилагательное / глагол / наречие со значением цвета или с цветовым компонентом» (Е. В. Рахилина, О. В. Торопова), «хроматоним» (С. А. Цыганова), «колороним» (О. Аркуши, С. В. Кезина, С. Л. Кирьянова, Э. А. Николаева) и «колоратив» (Е. А. Рыбальченко). В настоящей работе предпочтение отдается термину «цветообозначение» (сокращенно ЦО), хотя вместе с ним одновременно используется термин «колоратив», а также – производные от него единицы (например, *колористический*). Причины выбора именно этих единиц заключаются в том, что термин «цветообозначение» понимается как общий процесс номинирования цветовых оттенков. Термин «колоратив» является предпочтительным в силу «воспроизводимости модели <по которой он построен> и <ее> прозрачности» [Борисова, 2008, с. 37].

1.2.1. Подходы к изучению языковой цветовой картины мира

Под языковой цветовой картиной мира понимается совокупность вербальных выражений, представляющих отдельную сторону действительности в ее цветовом восприятии. Проблеме языковой цветовой картины мира посвящено значительное количество работ, в которых ЦО рассматриваются в рамках различных подходов.

Исторический подход. Данный подход позволяет подойти к рассмотрению колоративов с генетической точки зрения и обратить внимание на процессы их формирования и состав, который претерпевает изменения по мере развития языковой системы [Алимпиева, 1982; Бахилина, 1975; Василевич, 2007; Иссерлин, 1951; Садыкова, 2006; Пелевина, 1987; Пименова, 2007; Юдина, 2000]. В работе Н. Б. Иссерлина «История слова “красный”» исследуется история имени цвета *красный* в русском языке, прослеживаются его происхождение и изменения в смысловой структуре слова. Автор считает, что слово *красный* появилось лишь в начале XVI века и до этого времени *красный* рассматривается не как цвет, а как отвлеченные положительные качества предметов, обозначая «красивый; почетный» [Иссерлин, 1951].

Несмотря на то что в этой работе раскрыта история данного слова, такие детали, как время возникновения цветового значения данного слова и причина изменений его семантики, остались до конца не изученными. Важность изучения этимона *крас-* также подчеркивается в работе М. В. Пименовой «Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте». Автор описывает несколько предложенных в разное время этимологий корня *крас-* и рассматривает значения эстетической оценки слов этой группы. По мнению М. В. Пименовой, при выражении значений эстетической оценки выделились производные слова, сохраняющие значение этимона *крас-*, и слова, расчленяющие его значение. Отмечается, что сохраняющие значение этимона *крас-* производные слова могут выражать эстетическую оценку внешности человека, признаков, воспринимаемых на слух, объектов, созданных руками человека, артефактов материального мира и т. д., а производные слова, расчленяющие значение этого этимона, обозначают мелиоративную оценку внешности, действия и нек. др. свойств. Кроме того, автор охарактеризовал аксиологические значения других видов, значения дескриптивного типа и значения терминологических синкретом корневой группы *крас-* [Пименова, 2007, 213-226].

Ученые изучают не только отдельные слова, обозначающие цвет, но и целые семантические поля ЦО. Так, Н. Б. Бахилина, Р. В. Алимпиева в своих работах обратили внимание на поиск семантического первоэлемента основных ЦО и процесс формирования их «вторичных» значений, подчеркивая, что большинство ЦО, отходя от первоначального значения, приобретают многозначность и большой диапазон сочетаемости, а также обозначают более широкую палитру оттенков [Бахилина, 1975, с. 10]. Интересные наблюдения в отношении коннотативных компонентов ЦО представлены в работе Н. Ф. Пелевиной [Пелевина, 1987], в которой с точки зрения диахронического аспекта обращается внимание на изменение и

функционирование переносных значений прилагательных-цветонаименований.

Таким образом, этимологическое изучение слов-цветообозначений позволяет системно вскрывать архаические моменты в этимологическом слое ЦО, выявлять динамику семантического развития исследуемого объекта.

Психолингвистический подход. Проблематика универсальности цветовых категорий рассматривается с позиций психолингвистического подхода. Цветовые категории, детерминированные «одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами» [Лакофф, 1996, с.166], относятся к базовому уровню категоризации. Проблемы категоризации цвета в цветовой картине мира и его универсальность в лингвистической цветовой картине мира изучались как зарубежными учеными [Берлин, Кей, 1976; Кау, McDaniel, 1978; Вежбицкая, 1996], так и отечественными исследователями [Василевич, 1987; Фрумкина, 2001].

Так, А. П. Василевич предлагает исследовать «одновременно объекты действительности (у нас это оттенки цвета) и обозначающие их слова» [Василевич, 1987, с. 6]. Следуя экспериментальной методологии, заключающейся в материализации представления человека об оттенках цвета и его «теплоте», исследователь составил на материале 14 языков список категорий наименований цвета, определяемых по денотативному значению колоративов того или иного языка. Установлены приемы сопоставления языков и их типологии.

Обобщение результатов психолингвистического эксперимента, позволило Р. М. Фрумкиной выделить 9 блоков имен цвета на основе суждения/суждений носителей языка о сходствах/несходствах смыслов слов-цветообозначений, что привело к установлению места каждого ЦО в системе семантических взаимосвязей элементов данной лексической совокупности. Кроме того, по реакциям респондентов было установлено, что абсолютные ЦО

(или «основные имена цвета») выполняют центрообразующую функцию [Фрумкина, 2001, с. 64-77].

ЦО рассматриваются в ряде работ, где изучаются парадигматические, синтагматические и символические ассоциативные реакции, эксплицирующие идиоэтническую специфику рассматриваемых единиц [Залевская, 1990], особенности цветового образа, представленного в сознании носителей языка [Сафуанова, 1994; Уфимцева, 1996, 1998; Горошко, 2000], полевою организацию ЦО [Москович, 1969], их функционирование в профессиональной речи [Тобурокова, 2000].

Лингвокультурологический подход. В рамках данного подхода проводились исследования колоративов в поэтическом дискурсе [Выродова 2008; Климовских, 2011; Морщинский, 2019], культурного кода в семантическом поле ЦО [Новиков, 2012], национально-культурного компонента ЦО в неблизкородственных языках [Решетникова, 2001] и роли ЦО в концептуализации мира [Гатаулина, 2005; Шабашева, 2012]. Немало работ посвящено изучению ЦО на материале художественных текстов, обращается внимание на функционирование ЦО и их дискурсивные смыслы в индивидуально-авторском употреблении. ЦО как культурно маркированная единица характеризует идиостиль писателей, реализующий эстетическую функцию единиц и актуализующий их символические значения. Например, в текстах О. Уайльда *бело-розовый* – символ юности [Климовских, 2011, с. 6], А. Блок предпочитает использовать символические значения ЦО *белый* и *черный*, а С. Есенин – ЦО *голубой* и *синий*. ЦО в художественной литературе является одним из важных элементов образности, отражая стиль и мировосприятие писателя.

В работе Ф. Н. Новикова акцентируется внимание на кодировании когнитивно-культурологической информации в ЦО как языковом знаке. По его мнению, ЦО в качестве элементов культурных кодов и инструмента групповой стереотипизации поведения включают коннотации культурно-

исторического плана, «отражают динамику языковых процессов, их глубинные качественные и количественные особенности» [Новиков, 2012, с. 40]. ЦО выполняют кумулятивную функцию как такую, которая «опосредована множеством знаков и знаковых систем, с помощью которых образуются культурные тексты, в которых эта информация запечатлевается и хранится» [Там же, с. 58], а также аксиологическую функцию, характеризующуюся наличием «противоположных ценностных модальностей, предполагающих личный выбор и иерархичность позитивных и негативных ценностей (цит. по [Маркелова 2011, с. 3-4]).

Л. Р. Гатаулина изучает структуру лингвокультурологического поля «цвета» на материале ФЕ разных типов. В результате исследования отмечается, что в ядре лингвокультурологического поля расположены архетипические значения цветоименований, далее производные от них мифологические значения, и на периферии – символические значения. Чем дальше от смыслового центра, тем больше различия в национально-специфичных употреблениях цвета. Посредством цветового кода культуры, по мнению автора, можно сформировать системное представление об исследуемых языковых единицах, установить структуру этнической картины мира при сравнении с другими этническими образами мира [Гатаулина, 2005].

Таким образом, благодаря явной национально-культурной специфике ЦО широко исследуются в области лингвокультурологии, что свидетельствует о научной привлекательности этого аспекта.

Когнитивный подход. Данный подход направлен на рассмотрение ЦО в концептуализации ментальных сущностей [Вежбицкая, 1996; Ермакова, 2007; Козлова, 2010; Рахилина, 2000; Фетисова, 2005]. Исследование ЦО отражено в работе А. Вежбицкой «Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия», в которой автор полагает, что, несмотря на различные цветовые концепты в разных языках, фундаментальные концептуальные модели у нас одни. Они связаны с тремя понятиями: «видение», «фон (окружение)» и

«подобие». Так, универсальная тенденция цветовой категоризации связана с доступными человеку моделями, такими как огонь, солнце, день, ночь и растительный мир [Вежбицкая, 1996, с. 284].

Разработке вопросов, связанных с когнитивным механизмом метафоризации цвета, посвящена работа Н. Н. Козловой «Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами *green/зеленый*)». В ней исследуется процесс порождения смысла во фразеологической системе посредством моделирования ментальных пространств метафорически переосмысленного ЦО *зеленый*. Посредством анализа фразеологизмов на концептуально-категориальном и дискурсивном уровне описывается алгоритм возникновения языкового значения фразеологизмов с компонентом *green/зеленый* и их дискурсивного смысла. Автор воссоздает профаническую сферу с помощью словарных дефиниций и моделирует метафорическую сферу в соответствии с положениями теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно Н. Н. Козловой, когнитивные особенности фразеологического значения заключаются в том, что инвариант информации образуется в процессе развертывания и слияния активизируемых ментальных пространств компонентов в ФЕ, их взаимодействия и закрепления в сознании в виде ментальных образов объекта [Козлова, 2010, с.146].

Проблема сочетаемости прилагательных-цветообозначений поднимается в работе Е. В. Рахилиной, которая установила семантические причины сочетаемостных ограничений на построение адъективной конструкции с именем цвета. По мнению исследователя, менее ограниченными в употреблении прилагательных цвета являются имена артефактов, кроме тех случаев, когда цвет выполняет видообразующую функцию (это скорее всего уже представлено не в свободных сочетаниях, а во фразеологизмах, например, *белый хлеб, красное вино*). А имена природных объектов, наоборот, менее свободны по отношению к цветовому спектру, так как их цвет не случаен. И именно идея соотнесения цвета с его эталонным

носителем становится основой когнитивной теории А. Вежбицкой. Если речь идет о названиях животных в сочетании с прилагательными-цветообозначениями, то существуют устойчивые сочетания типа *рыжая лиса*, *зеленая лягушка*, но большинство названий животных, по наблюдениям ученого, не ассоциированы с цветом с языковой точки зрения (мы не можем указать на цвет соболя, лося и др.) [Рахилина, 2000, с. 174]. При этом ученый констатирует, что «языковая картина мира здесь выглядит так, что существуют прототипические цвета прототипических животных, но... наши представления об этих животных конвенциональны и не отражают реального положения дел...» [Рахилина, 2000, с. 175-176]. В общем, процесс цветовой номинации является важной стороной когнитивного исследования, так как в номинативных процессах ЦО «устанавливается ассоциативная основа, констатируется факт многочисленности невербализованных цветов» [Кульпина, 2001, с.78].

Сопоставительные исследования. Изучение системы ЦО разных языков в сопоставительном аспекте представлено в ряде работ А. К. Башаровой (2000), Ю. В. Зольниковой (2010), И. В. Макеенко (1999), В. Г. Кульпиной (2001), Т. Ю. Светличной (2003) и т. д. При межъязыковом сопоставлении с помощью рефлексии над словами-цветообозначениями можно создать соответствующие этнические картины мира. Немало работ посвящено изучению ЦО на материале близкородственных языков. В работе В. Г. Кульпиной «Лингвистика цвета» проводится лингвофеноменологическое описание ЦО, предпринят сопоставительный анализ ЦО в русском и польском языках, указываются общие и различные ЦО двух языков в функциональном, лингвокультурологическом, аксиологическом, социолингвистическом планах и т. д. [Кульпина, 2001]. В статье Т. И. Вендиной «Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков» ЦО рассматриваются с точки зрения соотношений хроматических категорий в близкородственных языках. Исследователь оперирует понятием

семантического регистра, в основе которого выделяются онтологический, метафорический и коммуникативный регистры ЦО. Т. И. Вендина отмечает, что в различных языках восприятие цвета отличается разными социально-религиозными ассоциациями, что особенно отражается в трех функционально нагруженных цветах – белом, черном и группе красного цвета [Вендина, 1999, с. 299]. Исследователь обращает внимание на значимость ЦО в диалектах с точки зрения их участия в словообразовании, что обогащает наши представления о концептуализации мира и возможностях функционирования цвета.

Между тем представляется довольно любопытным обратиться к изучению ЦО в далеких друг от друга языках. А. П. Василевич отмечает, что разные языки оказываются разными в сегментации и расчленении действительности, в том числе в категоризации цветового пространства. Исследователь в своей работе «Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений» разрабатывал цветоименования фиолетовых, красных, розовых и оранжевых оттенков в четырех далеких друг от друга языках: русском, английском, амхарском и бамана. Резюмируя результаты исследования, автор подчеркивает зависимость цветовосприятия от культурно-исторических факторов. Чем дальше друг от друга языки, тем больше различий в ЦО [Василевич, 1988, с. 58-64].

Русский и китайский язык относятся к разным языковым семьям, следовательно, в этих языках существует много неэквивалентных единиц, обозначающих цвет. В работе Ли Аньфэн проводится контрастивный анализ ЦО в их лексико-семантическом, структурно-грамматическом и функционально-стилистическом аспектах в русском и китайском языках на материале ФЕ с цветовым компонентом [Ли Аньфэн, 2009, с. 13]. Лю Фанбин в диссертационном исследовании «Сопоставительное исследование лингвокультурной коннотации имен основных цветов спектра в русском и китайском языках» обращает внимание на лингвокультурные коннотации ЦО

в русском и китайском языках. Автор констатирует, что лингвокультурная коннотация ЦО характеризуется двойственностью – со знаком «+» и со знаком «–», что обусловлено когнитивно-эмоциональной оценкой цветов спектра и полярностью оттенков в цветовом спектре (яркий ↔ тусклый). Различия лингвокультурной коннотации исследуемых единиц, отраженных в двух языках, определяются нравами и обычаями двух культур [Лю Фанбин, 2020, с. 8].

Таким образом, в сопоставительном аспекте ученые уделяют большое внимание сходствам и различиям ментальной сферы ЦО, зафиксированной в сознании определенного народа и сообщества, что отражает этнические приоритеты и особенности восприятия явлений.

Фразеоцентрический подход. Данный подход связан с изучением ЦО, представленных во фразеологической системе языка. В этом случае интерес проявляется к рассмотрению ЦО как конституентов ФЕ. Лингвистическая наука уделяет пристальное внимание «цветоокрашенным» фразеологизмам, предлагая изучать их особенности и закономерности в когнитивном, лингвокультурологическом, аксиологическом аспектах и различных дискурсах [Шевченко, 2007; Люкина, 2004; Завьялова, 2007; Еркова, 2012; Радченко, 2002; Шабашева, 2012; Юрина, 2014; Команова, 2018].

В работе Т. М. Тяпкиной «Вторично-номинативные функции ЦО в современном немецком языке» с опорой на структурно-семантическую классификацию выделяются фразеологические единства с колористическим компонентом, фразеологические сочетания с колористическим компонентом, пословицы с колористическим компонентом и компаративные фразеологизмы с колористическим компонентом [Тяпкина, 2002]. В своей работе автор рассматривает метафору и метонимию как механизмы вторичной номинации. Изучение номинативного пространства ФЕ с компонентом-цветообозначением также нашло отражение в работе Е. В. Люкиной «Номинативное пространство фразеологических единиц с компонентами ЦО

в немецком и английском языках: Когнитивно-номинативный аспект»; автор выделяет основные фразеосемантические группы ФЕ с компонентами-цветообозначениями в немецком и английском языках: ФЕ, обозначающие внутреннее состояние субъекта; ФЕ, обозначающие поведение и деятельность субъекта; ФЕ, обозначающие объекты и явления действительности и т. д. [Люкина, 2004]. В работе была отмечена значимость ФЕ-цветообозначений для понятийной системы языка и высокая «антропоцентричность, аксиологичность и этносоциолингвистичность цветообозначений» [Люкина, 2004, с. 168].

Следовательно, ФЕ, содержащие компонент-цветообозначение, составляют немалую долю во фразеологическом фонде каждого языка, тем более этот фонд постоянно пополняется и развивается. Рассматриваемые ФЕ обладают такими особенностями, как большая культурно-историческая нагрузка, образность и экспрессивность, что определяет перспективы их дальнейшего исследования.

Междисциплинарный подход. Наиболее перспективным при изучении ЦО представляется междисциплинарный и многоаспектный подход (кроме вышеупомянутых подходов выделяются также номинационно-терминообразующий, онтологический аспекты изучения цветолексики). Как отмечает В. Г. Кульпина, «при рассмотрении проблематики цвета трудно оставаться в границах собственно языкознания, ибо масса работ в этой сфере написана в русле других наук» [Кульпина, 2001, с. 9]. Несмотря на то что ЦО уже были изучены в рамках различных подходов, до сих пор не были полностью выявлены деривационные особенности колоративов в актах слово- или фразеоморфизма в современном русском языке.

1.2.2. Цветообозначения как самостоятельная лексико-семантическая группа

Цвет в качестве одной из основных категорий культуры фиксирует «уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии

исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностей художественного видения мира» [Жаркынбекова, 1999, с. 109]. Все эти элементы становятся компонентами смысловой структуры ЦО, определяя функционирование ЦО в разных языках. ЦО объединяют и образуют самостоятельную лексико-семантическую группу (далее ЛСГ), которая характеризуется открытостью и динамичностью, то есть эта группа постоянно развивается и непрерывно расширяет свои границы. Перечень слов-цветообозначений является открытым множеством. Цветовая система в разных языках отличается друг от друга, что определяется историческими и географическими условиями, а также практической необходимостью для говорящих. Эта группа в языке формируется на основании общих признаков – прежде всего цветового признака, присущего всем словам, входящим в эту микросистему.

Стоит отметить, что в русистике нет единого мнения относительно того, как классифицировать единицы данной микросистемы. А. П. Василевич предлагает разделять цветоименования на простые прилагательные (*красный*), оттенки (*ярко-красный*), двусоставные слова (*красно-синий*) и словосочетания (*цвета морской волны*) [Василевич, 1981, с.135-143]. В. А. Москович отмечает, что система ЦО характеризуется наличием трех групп, таких как группы наиболее частотных слов, передающие многие цветовые оттенки, группы средней частотности, имеющие более прозрачную внутреннюю форму, и группы редких слов, указывающие лишь на один класс предметов [Московия, 1969, с. 19]. В русском языке в структуре этой ЛСГ лингвисты (А. А. Брагина, Н. Б. Бахилина, В. А. Москович, Р. М. Фрумкина, Ф. Н. Шемякин) выделяют «ядро» (абсолютные/абстрактные ЦО) и «периферию» (оттеночные ЦО). В ядро системы входят слова, обозначающие как ахроматические (ЧЕРНЫЙ, БЕЛЫЙ, СЕРЫЙ), так и хроматические (семь основных спектральных цветов: КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ЗЕЛЕНый, ГОЛУБОЙ, СИНИЙ, ФИОЛЕТОВЫЙ) цвета. Наибольшую

близость к ядру проявляют прилагательные *розовый, коричневый*. Ядерная зона данной ЛСГ вызывает большой интерес у исследователей (Т. Г. Корсунская, М. И. Черемисина, В. А. Москович), которые сходятся во мнении, что к ядерной зоне ЛСГ отнесены лексемы, обладающие следующими признаками:

1) немотивированностью: прилагательные, относящиеся к ядровой зоне, имеют древнее происхождение, и тем самым их внутренняя форма не прозрачна с точки зрения синхронии (например, внутренняя форма *красный* оказывается невыраженной в синхроническом аспекте);

2) первичностью цветового значения при наличии у прилагательного производных значений (например, у прилагательного *красный* есть такие производные значения как ‘почетный’, ‘революционный’);

3) непроизводностью: все ядерные ЦО имеют одноморфемную основу;

4) возможностью создать новые производные или сложные слова (например, *зеленый* – *зеленеть*, *желтый* – *желтеть*, *черный* – *черноглазый*, *желтый* – *желторотый* и т. д.);

5) высокой частотностью употребления: ЦО, входящие в ядро, участвуют в формировании единиц фразеологической системы и функционируют в различных дискурсах;

6) наличием формы степеней сравнения (*красный* – *краснее* – *краснейший*);

7) неограниченной сочетаемостью, стилистической нейтральностью (например, прилагательное *красный* может использоваться для характеристики различных предметов и имеет большой потенциал сочетаемости, а прилагательное *карий* используется только в сочетании с существительным *глаз*).

В периферической зоне ЛСГ выделяются различные подгруппы по способу передачи оттенков: заимствованные ЦО из других языков (*индиго*); двусоставные ЦО (*сине-зеленый*); вторичные номинации (*молочный*,

вишневым); конструктивно-сложные (генетивные) ЦО (*цвета меда*); ЦО, указывающие на оттенок одного из основных цветов (*багряный, алый*) и т. д.

Как отмечает А. А. Брагина, именно абстрактные прилагательные-цветообозначения, «утратившие предметную связь и закрепившие “цветовое” значение, совершают “семантические скачки” в результате метафорических переносных употреблений, ассоциативных связей» [Брагина, 1972, с. 80].

В данном исследовании в центре внимания находится именно аспект цветовых ассоциаций и их активность в концептуализации ментальных сущностей, воплощенных во фразеологической системе. Поэтому вследствие деривационной продуктивности ядерных ЦО, участвующих в создании ФЕ, в качестве предмета исследования – «будущих» фразеолекс (термин Н. Н. Кирилловой) – рассматриваются единицы *красный, желтый, зеленый, голубой, синий*, а также *черный, белый, серый*.

У каждого ЦО есть своя собственная семантическая структура. Эмпирические прилагательные, обозначающие признаки предметов, принадлежат к базисному уровню понятийной абстракции и характеризуются многозначностью. Благодаря многозначности языковых единиц разрешается «противоречие между беспредельностью реального мира и конкретного опыта, бесконечностью человеческого познания, с одной стороны, и ограниченными возможностями языка, восприятия, памяти – с другой» [Ольшанский, 2002, с. 270]. Многочисленные лингвистические исследования (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, В. А. Звегинцев, Е. Г. Беляевская, Е. С. Кубрякова, И. Г. Ольшанский) раскрывают сущность категории полисемии и ее связь с фразеомообразовательной активностью полисемантов.

Полисемия в качестве центральной проблемы семасиологии представляет собой «семантическую универсалию, глубоко коренящуюся в фундаментальной структуре языка» [Ульманн, 1970, с. 267]. Полисемия характеризуется противоречием между множественностью семантики и семантическим единством, поэтому выделяются два направления в изучении

полисемии: одни (А. А. Потебня, Л. В. Щерба) считают, что отсутствует явление полисемии, «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [Потебня, 1958, с.15] и тем самым формируется явление моносемии. Другие ученые (В. А. Звегинцев, Н. Н. Амосова, К. А. Аллендорф) отмечают, что «лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое... Эти типовые потенциальные сочетания в описанном смысле правильнее всего назвать лексико-семантическими вариантами единого значения слова» (далее – ЛСВ) [Звегинцев, 1957, с. 125 – 126]. Термин ЛСВ был впервые выдвинут А. И. Смирницким и подразумевает различные значения многозначного слова; иными словами, значение слова – это совокупность лексико-семантических вариантов в одном знаке и отражение одного понятия.

Следует отметить, что смысловая структура полисемантического слова – это не простое объединение семем, а система взаимосвязанных элементов, отражающих множество связанных между собой концептов. Наблюдаются разные точки зрения на компонентную структуру многозначного слова. Одни считают, что все значения, которые выступают как варианты общего значения (инварианта), равноправны. Другие подчеркивают, что невозможно выделить общее значение для всех ЛСВ, особенно в том случае, когда семемы связаны друг с другом в цепочечном виде. Мы придерживаемся взглядов В. В. Виноградова, что в структурной организации семантики многозначного слова существует иерархия, отдельные значения полисемантических слов неравноценны.

С позиции формального аспекта разделяются радиальная и цепочечная структура полисемантического слова. Радиальная структура характеризуется тем, что у несколько значений есть общая часть (инвариант). При цепочечном типе каждое значение непосредственно связано с предыдущим значением, а опосредованно связано с другими значениями. Анализ прилагательных-

цветообозначений убедительно доказывает, что невозможно сводить все ЛСВ к какому-либо общему значению. Между значениями ЛСВ существуют иерархические отношения. Но иногда связи между некоторыми вторичными значениями прилагательных-цветообозначений и их «цветовым» значением можно найти лишь в диахронической срезе либо посредством знания определенных культурно-исторических пресуппозиций. Так, с прилагательным *желтый* в русском языке связывается значение «сумасшедший», восходящее к сочетанию *желтый дом*, появившемуся в языке еще в XVIII веке (раньше стены психлечебниц красили желтым цветом, и в результате этого прилагательное *желтый* расширило свое значение).

Стоит отметить, что основное значение (инвариант) качественных прилагательных характеризуется продуктивностью, устойчивостью, немотивированностью и психологической объективностью. Оно отражает «информацию об объективном чувственно воспринимаемом признаке, его образное целостное представление» [Мерзлякова, 2007, с. 119]. Таким образом, в структуре перцептивных прилагательных, в том числе прилагательных-цветообозначений основное значение оказывается собственным значением + прототипическим значением (указание на прототипическую норму признака). Например, *белый* как цвет относится к ахроматическому ряду. Кроме того, *белый* является прототипическим носителем признака (*снег, мел, молоко*). *Белый* по его воздействию на человека – это светлый, успокаивающий цвет. Прототипическое значение является основой для формирования ЛСВ по определенными регулярным моделям. Как отмечает И. П. Устинова, «под регулярной полисемией следует понимать такие неоднократно фиксированные в семантических структурах слов смысловые соотношения значений, когда при некотором первичном значении предполагается присутствие в узусе или прогнозирование в речи другого или других значений определенной семантики» [Устинова, 1986, с. 32].

Семантический объем слов со временем постепенно расширяется. При этом В. Г. Гак считает, что семантические отношения, с одной стороны, характеризуются устойчивостью, с другой – отличаются большой подвижностью, то есть «языковые формы легко меняют свою референционную соотнесенность» [Гак, 1976, с. 73]; так появляется «семантическая асимметрия» [Там же, с. 74]. Для прилагательных-цветообозначений это значит расширение или изменение денотативной соотнесенности. Например, значения прилагательного *желтый* ‘предупреждение’, ‘бульварный’ потеряли архисему ‘цвет’ и соотносятся с иным окказиональным или узуальным референтом. Семантическая деривация многозначного слова происходит с помощью метафорического или метонимического переноса, что доказывает способность человека к ассоциативному мышлению. При этом Н. В. Иванов отмечает, что «когда мы называем слово, то этим мы, прежде всего, вызываем ассоциацию совокупного смыслового опыта слова, т. е. ассоциацию его смысловой значимости в языке... личностную феноменологию слова и всю культуру слова в языке» [Иванов, 2002, с. 101]. Стоит отметить, что в словарях содержатся и прямые, и переносные значения слов, но не все переносные значения зафиксированы в словарях. Некоторые значения (потенциальные семы) лишь формируются в связи с определенным контекстом и имеют фразеологическую природу. Компонентная структура значений слова служит связующим звеном между их реальной или потенциальной семами (подробное см. **Приложение А**).

Таким образом, прилагательные-цветообозначения, входящие в ядерную зону ЛСГ, обогащаются переносными значениями, позволяют создать многоплановый образ. Они легко развивают многозначность в свободных и несвободных сочетаниях, но стоит отметить, что в любом случае прямое значение цвета в том или ином сочетании у них сохраняется [Брагина, 1981, с. 112]. Изучение семантических особенностей ЦО является актуальным для данного исследования, в том числе в силу того что с этим связано

согласование ЦО с именами существительными и с последующим вхождением словосочетания во фразеологический контекст. Как мы увидим в дальнейшем, именно эти семантические особенности положены в основу фразеомообразования, определяя степень идиоматичности ФЕ. Стало быть, прилагательные-цветообозначения являются базисными единицами для ФЕ, их семантические потенции определяют широту фразеомообразовательного диапазона.

1.3. Цвет как гносеологическая сущность. Понятие цветосимвола

Символ, как отмечает А. Я. Гуревич, имеет огромную ценность для общества, так как «путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла» [Гуревич, 1984, с. 308]. Н. Д. Арутюнова также подчеркивает важность символа, считает, что символ «властно диктует выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова, 1990, с. 84]. По ее словам, значимость символов заключается в том, что они могут «скрывать за собой непознанное и непознаваемое, но ощущаемое интуитивно», «возвыситься до символа значит лучше, глубже и концентрированнее передать некоторый смысл, не обязательно кристаллизованный» (цит. по [Арутюнова, 1990, с.88]). Символ всегда проходит определенную последовательность от физического к духовному, в процессе которой вещь или ее свойство наделяются в вещном мире специфическими функциями [Баранов, Добровольский, 1995, с.85].

Проблема символа по-разному трактуется в лингвистике. Некоторые исследователи связывают символы в языке с образной их стороной (Н. Д. Арутюнова, Х. Вернер, Г. О. Винокур, О. М. Фрейденберг, Р. Якобсона, J.W. Goethe). Исследователи почти едины во мнении о том, что всякий символ есть образ, а образ не всегда считается символом. Образ становится «символичностью» (т. е. символическим образом), когда он обуславливается факторами экстралингвистического порядка (в отличие от метафорического образа, связанного с внутриязыковыми нуждами). При этом символ может

быть окказиональным или устойчивым [Арутюнова, 1990, с. 84]. Если метафору можно понимать, то символ и образы можно только интерпретировать. Но по сравнению с образом, который опирается на предметный мир, символ «перенес точку опоры в мир смыслов». Иными словами, область символа представляет собой отвлеченные категории [Там же, с. 85]. Изучение цветового символизма начинается с того момента, когда И. В. Гете указал, что в силу самой своей природы «цвет уже не как ощущение, а как образ, сложный перцептивный феномен, семантический объект» (цит. по [Яньшин, 2006, с. 86]).

Другие исследователи (О. С. Ахманова, Г. Э. Бреслав, Ю. М. Лотман, В. А. Маслова, Е. В. Шелестюк) рассматривают символ как особый род знака. В данной работе символ трактуется именно как знак, который является единством «материально выраженного означающего и абстрактного означаемого на основе конвенциональной, условной связи» [Шелестюк, 1997, с. 125]. В широком семиотическом смысле символ – это условный знак, первичное содержание которого используется в качестве формы другого, более абстрактного содержания. В символе разделены десигнат и денотат. [Шелестюк, 1997, с. 125; Лотман, 1987, с. 11; Бреслав, 2000, с. 62]. Символ появляется тогда, когда с развитием речи и появлением письменности в сознании человека начинается разделение на знаки и означаемое, мир реальный и изображаемый [Миронова, 1993, с. 1767; Бреслав, 2000, с. 61]. Кроме знаковости, для символа свойственны и «образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания... архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре и перекрест символов в культурах разных времен и народов, встроенность символа в структуру мифологии, литературы, искусства и других семиотических систем» [Шелестюк, 1997, с. 125]. Всеми этими свойствами обладает и цветосимвол.

Цвет задействует зрительную модальность восприятия и «занимает главенствующее место в ряду зрительно воспринимаемых сущностей,

представляя собой качество, постоянно присущее объекту» [Лоренц, 2000, с. 51]. Однако стоит отметить, что цветовую характеристику могут иметь не только имена конкретных предметов действительности, но и абстрактные имена. Цвета оказывают «непосредственное влияние на психику человека, пробуждают определенные эмоции и ассоциации; они имеют свою выразительную ценность и могут символизировать абстрактные понятия, вещи» [Радченко, 2002, с. 11]. Аналогичной точки зрения придерживался В. И. Шерцль, отмечая, что цветосимвол является составной частью символики народов. «Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувственным образом на настроение и расположение духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контрасты между темными и светлыми началами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все это моменты, которыми человек пользовался для символизации, метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений» [Шерцль, 1884, с. 60]. Таким образом, абстракция цвета связана с понятными для человека образами, символами и стереотипами. Обладая познавательной функцией, цвет является как объектом познания сам по себе, так и инструментом познания природы. Цвет в качестве одного из универсальных гносеологических ключей помогает человеку открывать и познавать мир.

Несмотря на то что восприятие основных ЦО, по мнению А. Вежбицкой, отражает универсальные свойства человеческого познания и приобретает форму архетипов – общечеловеческих первообразов, на основании которых каждый цвет ассоциируется у людей на бессознательном уровне с каким-то конкретным и универсальным объектом для всех языков: *красный* – с огнем, с кровью, *белый* – со снегом, *синий* – с небом, *зеленый* – с травами и деревьями, важно помнить и о том, что символика цвета среди разных народов имеет значительные различия, зависящие от социо-исторических факторов. Поэтому стоит присоединиться к утверждению Л. Н. Мироновой о том, что мифы,

символы, аллегории и метафоры порождаются по-разному, если мифы порождались общечеловеческим сознанием, аллегории – классовым или групповым, метафоры – индивидуальным, то символы – национальной или культурной психикой [Миронова, 1993, с. 181]. Коннотации и символика цвета неразрывно связаны с этническим цветовым менталитетом.

Цвет находится в ядре культуры благодаря большой этнокультурной значимости и смысловой нагрузке. Неслучайно Л. В. Кнодель считает, что символическое значение в большей части присуще соматизмам, фитонимам, космонимам, а также словам, обозначающим цвет [Кнодель, 2019, с. 209].

Цветовой символ воплощается в языке посредством цветовой лексики. Семантическая структура ЦО состоит из архетипических значений, определяемых константным набором ассоциаций; мифологических значений, зависящих от реакций на цвет, определяющий самые важные для человека объекты действительности; символических значений, находящихся на периферии семантического поля. Последние проявляются в том, что первичное содержание используется для обозначения иного, более абстрактного содержания.

«Символ появляется в силу приобретаемой им особой значимости в жизни социума, государства, религиозной или культурной общности, идейного содружества, рода, наконец, в жизни всего человечества» [Григорьева, Хамидова 2009, с. 51]. По словам К. Юнга, цветовой символизм возникает тогда, когда ассоциации, касающиеся цветов, переходят из бессознательного уровня на осознанный [Юнг, 1996, с. 152]. Цветовой символизм, по мнению Б. А. Базымы, переживает три этапа: космологический этап (цвет является символом мировых сил), богословский этап (цветосимвол выполняет роль визуальной формы отдельных качеств высших сил), социально-психологический этап (цвет как символ социально-культурных институтов) [Базыма, 2005, с. 9]. Разнообразные символические значения ЦО обусловлены различными экстралингвистическими факторами, такими как

конкретные исторические события, различные религиозные и мистические учения, древние мифы и народные сказки, ритуально-обрядовые формы народной культуры, художественные произведения и т. д. На Востоке цветосимвол возник раньше, чем в Европе, там символизация цвета связана с временами года и стихиями, а в Европе, в том числе в России, в символических системах цвет в первую очередь связывается с христианской религией и ее догматами [Бреслав, 2000, с. 62]. Теперь подробно рассмотрим лингвокультурную специфику каждого из цветов, в отношении которых будет раскрываться проблематика данного исследования.

БЕЛЫЙ. В русской культуре *белый цвет* несет в себе наибольшую культурную нагрузку. *Белый цвет* связан с понятиями «свет» и «начало». *Белый цвет* также ассоциируется с рождением человека, с освобождением от прошлого и началом новой жизни. Кроме того, *белый цвет* – это знак чистоты, наивности и пустоты. Это цвет чистого листа, на котором всегда можно изображать что-то новое. В свадебных обрядах *белый цвет* – цвет платья и головного убора невесты – является знаком бракосочетания. Он символизирует переходное состояние невесты: конец девственности и сепарации от родителей, начало создания новой семьи. Кроме того, *белый цвет* – символ ясности и мудрости. Белые волосы свойственны старикам, которые обладают мудростью и опытом. Ясность вместе с добротой сливаются в символ духовности и святости, что отражается в христианской символике [Бидерманн, 1996, с. 26; Бреслав, 2000, с. 67 – 68].

Символическая семантика лексики *белый* представлена на основании не только положительных смыслов, но и нейтральных и негативных смыслов. *Белый цвет* – символ отсутствия цвета. Кроме того, белый цвет одновременно оказывается знаком траура и смерти, также атрибутом сверхъестественного (призраков, мифологических персонажей) [Бреслав, 2000, с. 68; Корсаков 2009, с. 35 – 50].

ЧЕРНЫЙ. *Черный цвет* – антитеза белого. Поэтому символические значения этих двух цветов оказываются контрастными. Если белый цвет связан с понятиями «начало» и «свет», то *черный цвет* – с понятиями «конец» и «тьма», тем самым он ассоциируется с подземным миром. Символика *черного* в русской культуре в основном носит негативный характер.

Черный часто служит для обозначения ночи и тьмы. Символический ряд данного цвета включает комплекс идей, формирующий ассоциативную цепочку: тьма – неизвестность – тайна; тьма – загадочность – опасность – страх. В словосочетании *черные мысли* «черный» означает не только ‘плохой’, но и ‘тайный’, ‘скрытый’. Страх рождается из тьмы, так как обычно неприятности для человека возникают из темноты. *Черный цвет* символизирует окончание и протест, что отражается в одежде людей (в частности, молодежи), которые предпочитают его, когда они хотят выразить несогласие. Недаром это цвет пиратского флага, партии анархистов и «черной сотни» [Бреслав, 2000, с. 69]. *Черный цвет* – знак демонологических персонажей в виде черного животного (*черная кошка*) или предмета [Корсаков, 2009, с. 35 – 50; Тресиддер, URL]. В русском народном языке *черный* служит для обозначения старости и грязи (*черная старуха, черный пол*) [Миронова, URL].

Если соединить все отрицательные коннотации *черного* цвета (мрак, хаос, агрессивность, протест, страх), то в логической цепочке возникают такие этнические характеристики, как злоба, мстительность, греховность, страдание, несчастье и горе, что проявляется в выражениях *черные дни, черная душа, черная неблагодарность, черная магия* и т. д. [Бидерманн, 1996, с. 295; Бреслав, 2000, с. 70; Иллюстрированная энциклопедия символов, 2007, с. 692 – 693; Тресиддер, URL; Миронова, URL].

Стоит отметить, что *черный* – символ смерти – является одним из элементов траура, отражающихся в одежде покойных. Интересно, что это

представление диалектически инкорпорировалось в символ и белого, и черного цвета [Бреслав, 2000, с. 70].

КРАСНЫЙ. Этот цвет входит в триаду «белое – красное – черное». Символика *красного цвета*, как и большинства других цветов, имеет две понятийные цепочки – положительную и отрицательную. С одной стороны, *красный* – это символ жизни, радости, праздника, любви. С другой стороны, он ассоциируется с агрессивностью, опасностью, враждой и войной [Бидерманн, 1996, с. 131 – 132; Бреслав, 2000, с. 77; Корсаков, 2009, с. 35 – 50; Тресиддер, URL].

Красный в русской культуре является знаком физической красоты, привлекательной внешности (*красная девица*) [Бидерманн, 1996, с. 131; Бреслав, 2000, с. 76; Тресиддер, URL]. С точки зрения физиологии *красный* цвет обладает такими свойствами, как физическая активность и возбуждение, то есть *красный* вызывает напряжение сил и концентрацию энергии. Тем самым формируются две понятийные цепочки: возбуждение – секс – страсть – любовь; возбуждение – агрессивность – гнев – конфликты – опасность [Бреслав, 2000, с. 76]. Признак опасности используется в дорожных знаках, где *красный цвет* означает запрещение прохода, требование остановки [Бидерманн, 1996, с. 131].

Красный является знаком силы и власти, знаком отличия в обществе, что проявляется в одежде и окружении царя, воинов и революционеров [Бреслав, 2000, с. 77; Миронова URL]. По мнению Г. Э. Бреслава, после 1917 г. большевики избрали *красный* цветом знамени и символом революции именно для того, чтобы привлекать к себе активных и агрессивных людей, так как *красный* символизирует физическую силу и активность [Бреслав, 2000, с. 46]. *Красный* также может возбуждать быков во время боя с ними и вызывать у них агрессивность (например, есть такое выражение: <кто-то / что-то> *для него, как красная тряпка для быка*). В обрядовом фольклоре *красный* занимает важнейшее знаковое место и используется в свадебной одежде или

украшениях. Этот цвет также является языком ритуалов шествия, парада и манифестации [Миронова URL]. В христианском искусстве *красный* – это язык общения с богом и духами, так как этот цвет был цветом жертвенной крови Христа и мучеников и огненных языков Святого Духа в день Пятидесятницы [Бидерманн, 1996, с. 131].

ЖЕЛТЫЙ. В русской культуре обнаруживается экспликация позитивных и негативных коннотаций данного ЦО. В словарях и энциклопедии символов выделяются следующие основные символические значения желтого цвета: ‘тепло’, ‘ясность’, ‘веселость’, ‘золото’; ‘болезнь’, ‘старость’, ‘увядание’, ‘грусть’, ‘измена’, ‘продажность’, ‘предательство’. Такая семантическая двуплановость обусловлена ассоциациями, вызванными разным оттенком желтого цвета, так как яркий и тусклый оттенок этого цвета может вызывать диаметрально противоположные ассоциации в сознании носителей языка. Кроме того, *желтый* – это знак предостережения и предупреждения, который используется в дорожной системе. *Желтый* как признак золота – знак дороговизны и высокого качества товара [Бреслав 2000, с. 80; Миронова URL].

ЗЕЛЕНЫЙ. Данный цвет, с одной стороны, ассоциируется с природой и растительностью, отсюда появляются такие позитивные понятия, как произрастание, весеннее возрождение природы, спокойствие и надежда. С другой стороны, он связан с символикой незрелости ранних зеленых листьев и плодов, в конечном счете, воспринимается как цвет юности и неопытности молодого человека [Бреслав, 2000, с. 82]. Кроме того, *зеленый* несет в себе отрицательный оттенок, означая зависть, тоску, ужас и гибель. Такие значения, по мнению Л. Н. Мироновой, происходят от «цвета плесени, злобных мифологических животных (змий, дракон), таинственных обитателей лесов (леший, Зеленой царь)...» [Миронова URL]. Среди специальных символов *зеленый свет* является знаком свободного проезда, принятом в транспортной символике и, шире, знаком свободы любых действий.

СИНИЙ. Символизм этого цвета исходит из природы – синева безоблачного неба. В соответствии с мифологическими представлениями, в небе живут боги, духи предков, и отсюда появляется главный символ *синего цвета* – божественность. С точки зрения данной логики, *синий* обозначает святость, таинственность, чистоту (*духовность*) и правосудие (*божье дело*) [Миронова URL]. Кроме того, *синий цвет* обладает такими психофизиологическими свойствами, как успокоение и удовлетворение, что вызывает ряд ассоциаций (в т. ч. мир и спокойствие); так, образуются понятия покоя, сдержанности и скромности, далее, верности, милости, доверия и покорности. *Синий* также символизирует мудрость, вечность и бесконечность, что отражается в цвете Божьей Мудрости и Вселенной [Бреслав 2000, с. 84-85; Бидерманн 1996, с. 243]. Негативная символика *синего цвета* происходит из его близости к черному. Под влиянием темного оттенка это цвет замкнутости, крайней сдержанности, сухости и высокомерия (*синий чулок*) [Бреслав 2000, с. 85 – 86].

ГОЛУБОЙ. *Голубой цвет* – светло-синий цвет. Все позитивные смыслы синего цвета подходят и к голубому. Кроме того, *голубой цвет* символизирует нежность, легкость и высокое происхождение (*голубая кровь*). Негативный смысл представлен в выражении *голубая мечта*, где *голубой цвет* означает пустые мечтания, легкомыслие и пассивность. *Голубой* считается также признаком принадлежности, отношения к мужскому полу (*голубая лента*).

СЕРЫЙ. Данный цвет в большинстве случаев наделен негативными характеристиками. *Серый цвет* находится на границе двух антагоничных цветов – черного и белого, символизируя посредственность, неприметность. Кроме того, этот цвет обозначает депрессию, меланхолию, скуку, унылость и злость. *Серый цвет* ассоциируется с гнилым туманом и затянутыми тучами, отсюда появляются понятия неясности и скрытности (*серый кардинал*). В русском фольклоре хищные животные бывают серыми (*серый волк*). В христианских религиозных общинах *серый* символизирует отречение, также

является символом земной смерти и духовного бессмертия [Бреслав, 2000, с. 72; Тресиддер, URL].

Несмотря на основные негативные смыслы, *серый цвет* одновременно обладает такими нейтральными характеристиками, как безразличие, отсутствие цвета, и такими позитивными свойствами, как смирение, гармония и стабильность [Бреслав, 2000, с. 72; Миронова, URL].

Таким образом, структура цветосимвола обладает рядом оппозиционных свойств: во-первых, он может воплощаться визуально или вербально; во-вторых, цвет не только объективно влияет на организм человека, но и субъективно отражается на психике человека; в-третьих, цветосимвол связан с материальным миром и в то же время соотносится с ментальным миром человека; наконец, большинство колоративов имеет одновременно и позитивные, и негативные коннотации.

Отблеск символических значений обогащает семантику слова. Кроме того, символическое содержание ЦО включается в семантическую структуру ФЕ. Вслед за Е. А. Шеховцовой, можно констатировать, что «цветосимволы репрезентируют ценностную систему общества, вербальными хранителями которой становятся фразеология и фольклор» (цит. по [Лукашенко, 2011, с. 37]). Компонент-колоратив в сочетании с определенным существительным актуализует символическую значимость фразеологизмов, которая способна хранить и воспроизводить те или иные символические смыслы, «служить связующим звеном между прошлым и настоящим, транслировать то ценное содержание, которое создавалось в культуре многие века» [Ковшова, 2013, с. 307].

Выводы по главе 1

1. Языковая картина мира и концептуальная картина мира коррелируют между собой. ЯКМ входит в ККМ, являясь ее вербальной формой. Цветовая картина мира является одной из центральных категорий как в ККМ, так и в ЯКМ благодаря своей роли в концептуализации и категоризации окружающей

действительности. Языковая цветовая картина мира – это репрезентируемое в языке совокупное представление о цвете в форме ЦО; она является составной частью языковой картины мира.

2. Слова, обозначающие цвет, образуют самостоятельную лексико-семантическую группу, которая постоянно пополняется новыми словами. В русском языке в ядро данной ЛСГ входят следующие абсолютные/абстрактные ЦО: ЧЕРНЫЙ, БЕЛЫЙ, СЕРЫЙ, КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ЗЕЛЕНый, ГОЛУБОЙ, СИНИЙ и ФИОЛЕТОВЫЙ; эти единицы обладают такими общими признаками, как немотивированность, первичность цветового значения, произвольность, высокая частотность употребления и неограниченная сочетаемость.

3. У каждого ЦО есть своя собственная смысловая структура. В центре семантической структуры ЦО находятся физиологически обусловленные архетипические значения, определяемые константным набором ассоциаций, далее – мифологические значения, происходящие из архетипа и от реакций на цвет, характеризующий самые важные для человека объекты действительности, далее располагаются символические значения, находящиеся на периферии семантического поля.

4. Психологическая сила цвета, характеризующегося стойкими ассоциациями, оказывает прямое воздействие на содержание цветонаименований. Бессознательные ассоциации, связанные с цветом, постепенно переходят в осознанные, тем самым формируются символические значения, что помогает выявить абстрактные смыслы и периферийные концептуальные признаки, закрепленные в смысловой структуре ЦО. У каждого народа существуют собственная система культурных ассоциаций и реакций на тот или иной цвет. В русской культуре цветовой символизм в большинстве случаев сформировался под влиянием христианства и мифологии, а также особых исторических событий.

ГЛАВА 2. Когнитивно-ономасиологический подход к изучению фразеомобразования

2.1. Теория номинации как раздел языкознания

Проблемам номинации уделялось большое внимание уже со времен Античности. В конце XIX – начале XX века представители школы «Слова и вещи» Р. Мерингер и Г. Шухардст заметили необходимость различать значение и обозначение. В 1903 году А. Цаунер впервые использовал термин «ономасиология», трактуя его как раздел семантики и противопоставляя ему понятие семасиологии. Большой вклад в развитие теории номинации внесла Пражская лингвистическая школа, которая подводит под понятие «номинация» всю сферу классификационно-номинативной деятельности языка, противопоставляя номинацию сфере синтагматической, речевой деятельности. С конца 60-х гг. теория номинации получила интенсивное развитие в советском языкознании. Расширяя границы теоретического аппарата, лингвисты начали рассматривать не только отдельные номинативные знаки, но и их комбинаторику (словосочетания, фразеологизмы и т. п.). К теории номинации обращались такие крупные лингвисты, как Н. Д. Арутюнова, Э. С. Азнаурова, В. Г. Гак, Л. С. Ковтун, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, основные результаты исследования которых представлены в коллективных монографиях «Языковая номинация (общие вопросы)» и «Языковая номинация (виды наименований)».

Изучение соотношения языковых единиц с обозначаемыми объектами до сих пор находится в фокусе внимания лингвистов [Вардзелашвили 2000; Доржиева 2019; Ягафарова, 2010]. По мнению Е. С. Кубряковой, в современном языкознании представлены узкое (учение о процессах названия языковыми единицами объективированных понятий) и широкое (учение об исследовании всей номинативной деятельности в языке) понимание термина

«ономасиология» [Кубрякова, 1991, с. 345]. В данном исследовании учитывается широкое понимание «ономасиологии».

Процесс языковой номинации представлен как акт познания, в котором участвуют познающий субъект (номинатор), познаваемый объект (номинат) и языковой знак (номинант). Такое положение свидетельствует о том, что связь языка, мышления и действительности непосредственно отражается в процессе семиозиса. При этом в процесс номинации входят три этапа: 1) выделение обозначаемого объекта в действительности; 2) формирование информации о денотате в сознании в виде представлений и познавательного образа; 3) вербализация представлений и понятий в форме языковых единиц [Жеребило, 2010, с. 222]. Отношение именования, связывая понятийное отражение с именем в форме языкового знака, соотносит его с обозначаемой действительностью. Таким образом, объектом теории номинации служит «изучение характера языкового знака, выявление разряда языковых знаков, устанавливаемых по различным признакам и основаниям» [Уфимцева, 1977, с. 4].

При определении специфики языковой номинации важно изучать, как предметное содержание мышления отражено в лексических и семантических категориях. Язык не только является средством материализации мышления, но и средством идеализации и репрезентации реальной действительности [Уфимцева, 1977, с. 19]. Денотат, обозначаемый языковыми единицами, предстает в качестве как реально существующего предмета, так и идеального обобщенного образа предмета (идеальный денотат). Человек как мыслящее существо осознанно фиксирует результаты познавательной и речемыслительной деятельности в содержании номинативных и предикативных единиц.

При разграничении обозначения (денотации) и значения (сигнификации) слов в современной лингвистике выделяются два пути исследования языковой номинации: семасиологический (теория значения) и

ономасиологический (теория обозначения). Если при семасиологическом анализе достаточно рассматривать семасиологический треугольник «реальная действительность – язык – мышление», то при ономасиологическом анализе требуется детализация внеязыковых факторов и смещение акцента в отношении элементов, определяющих семантику номинативных знаков. Задача ономасиологического подхода состоит в изучении когнитивных механизмов номинирования объектов и реалий действительности языковыми средствами, в рассмотрении того, как мысли человека воплощаются в лингвистические единицы.

По существу, каждый уровень (фонетические, морфологические, лексико-фразеологические и синтаксические единицы) языковой иерархии в той или иной степени участвует в формировании номинативных единиц [Кудрякова, 1977, с. 222; Гак, 1977, с. 234 – 237]. А. А. Уфимцева разделяет уровни строения языка, участвующие в процессе номинации, на непосредственный (лексика и словообразование) и опосредованный (фонология и категориальная морфология) [Уфимцева, 1977, с. 37]. В. Г. Логачева предлагает выделять два ономасиологических уровня: первичный ономасиологический уровень, включающий в себя фонетический, словообразовательный, семантический подуровни, и вторичный ономасиологический уровень, содержащий фразеологию [Логачева, 2007, с. 8].

Итак, в функционально-генетическом аспекте обозначение элементов внешнего и внутреннего опыта человека осуществляется либо в виде первичной (исходной) номинации, либо в виде вторичной (производной) номинации. Первичная номинация – это вербализация знаков окружающей действительности; по А. А. Уфимцевой, первичная (лексическая) номинация всегда «есть процесс обращения фактов действительности в знаки и достояние людей путем обращения фактов действительности в факты системы языка, в значения и категории, отражающие общественный опыт носителей языка»

[Уфимцева, 1977б, с. 8]. При первичной номинации контурное и внешнее представление (особенно виртуальный и слуховой признаки предметов) становятся представителями данного класса, категории предметов. В случае первичного обозначения звуковой или графический комплекс знака является материальной оболочкой, а его идеальная сторона (т. е. его значение) непосредственно связана с предметом.

Т. В. Лыскова, ссылаясь на В. фон. Гумбольдта, отмечает ограниченность отдельных слов в обозначении разнообразия опыта [Лыскова, 2008, с.231], чем объясняется феномен двоякой номинации, к которой способна всякая вещь. Форма, которая создается посредством существующих слов или комбинирования существующих знаков для обозначения иных объектов или выполнения иных функций, называется вторичной номинацией. Это обусловлено избавлением от увеличения единиц плана выражения при образовании новых наименований, также тенденцией языковой экономии и лимитированностью словарного запаса. Иными словами, в процессе вторичной номинации происходит приспособление обозначающего к расширению пределов своих функций, обозначаемого – к отображению себя средствами, отличающимися от изначального языкового знака. В общем, если первообразное наименование выполняет функцию имени, смысл которого непосредственно соотносится с денотируемой реальностью, то вторичная номинация – это использование уже имеющихся в языке единиц и правил их комбинаторики для наименования нового обозначаемого (или переименования).

По характеру отсылки к действительности выделяется два вида вторичной номинации: автономная (на базе предшествующего значения одного имени) и неавтономная/косвенная (на базе комбинаторной техники) [Телия, 1977, с. 129 – 131; Уфимцева, 1977, с. 74]. Например, слово *идти* имеет высокую обобщенность понятийно-языкового содержания наименований, и поэтому такие отвлеченно-абстрагированные признаки легче входят в ядро

сигнификативного содержания нового наименования. Так, *идти* способно обозначать *приближаться, появляться, наступать*, поэтому выбор этой номинации естествен, если речь идет о протекании во времени таких событийных объектов, как времена года, погода, жизнь, сон и т. п. (*Идет гроза. Идет весна. Сон не идет* и т. д.). Это свидетельствует о самостоятельной номинативной ценности единицы наименования. А непрямая и неавтономная направленность смысла имени на действительность приводит к несамостоятельной номинативной ценности наименования. При этом правильное соотнесение косвенного наименования с действительностью опирается на сигнификат другого наименования. Акт косвенной номинации происходит при взаимодействии по крайней мере двух отношений именования (двух семиологических треугольников). Такой вид отношения семиологически опорного слова и переосмысляемой языковой формы характерен для формирования косвенных наименований типа *черная (зависть, неблагодарность)*, *мертвое (молчание, тишина)*.

Вторичная номинация в роли названия всегда опосредована и мотивирована ее структурно-семантическими признаками. При этом в процессе формирования вторичной номинации взаимодействуют четыре компонента: «действительность – понятийно-языковая форма ее отражения – предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы – языковая форма в ее вторичной функции названия» [Уфимцева, 1977, с. 80]. В этой случае предшествующее структурно-семантическое значение языковой формы выступает в роли опосредующего звена.

Между вторичными наименованиями существуют глубокие различия, что уже изучалось многими учеными (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян и т. д.), но суть их различий еще недостаточно рассмотрена. При этом особенно загадочным явлением номинации остается косвенная номинация, характеризующаяся гетерогенностью. При изучении опосредованной номинации необходимо

выявить языковую технику и те механизмы, которые обеспечивают формирование новых наименований на основе уже существующих номинативных единиц. Только с помощью этого можно постичь глубинные процессы, протекающие в сфере номинативной деятельности. В актах вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству (метафоры) или по смежности (метонимия) между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда и свойствами нового обозначаемого. Ассоциация признаков может соответствовать компонентам переосмысливаемого значения, также может соотноситься с фоновым знанием носителей языка, не входя в состав признаков значений [Телия, 1998, с. 337; Уфимцева, 1977, с. 92]. Случайность выбора признака при косвенной номинации сопряжена с вмешательством прагматической интенции социального характера, с влиянием культурно-исторических факторов и с развитием функционально-стилевых форм существования данного языка [Уфимцева, 1977, с. 95].

Приведенные аспекты теории номинации показывают, что связь языка и объективной действительности имеет разносторонний характер: с одной стороны, номинации являются произвольными (в случае первичной номинации), с другой стороны – мотивированными (в случае вторичной номинации). Стоит отметить, что косвенная номинация играет важную роль в назывании действительности, благодаря которой расширяются вариантные средства, пополняется словарный состав нейтральными наименованиями и экспрессивно-стилистическими средствами языка. Фразеологизмы в качестве одного из средств косвенной номинации отражают фрагменты действительности, что будет рассмотрено в следующем разделе.

2.2. Традиции изучения фразеологизмов в теории номинации

Хотя разработка проблемы фразеологии в ее различных аспектах ведется на протяжении многих десятков лет, некоторые из этих проблем в настоящее время пока нельзя считать в достаточной степени решенными. Это касается и номинативного аспекта в описании фразеологизации. Стоит, однако, отметить,

что усилиями многих ученых (Ю. А. Гвоздарев, В. М. Глухов, В. П. Губарев, А. М. Мелерович, Т. Л. Павленко, Л. Б. Савенкова, Ю. П. Солодуб и др.) теория фразеологической номинации на данный момент представляет собой достаточно целостное образование. Достижения и актуальные проблемы теории фразеологической номинации отражены в сборниках «Проблемы фразеологической номинации» (1988) и «Фразеологическая номинация: особенности семантики фразеологизмов» (1989), где исследуется специфика образности ФЕ, рассматривается экспрессивность фразеологических значений, изучаются роль метонимии в процессе образования фразеологизмов, номинативные потенции ФЕ, устанавливаются языковые средства актуализации элементов фразеологического значения и т. д.

2.2.1. Фразеологизм как особое номинативное явление

Фразеологизмы, «являясь по своей природе несколькословными единицами косвенной номинации, опосредованно направлены на обозначаемые объекты действительности: денотаты в парадигматике и референты в синтагматике» [Губарев, 1988, с. 4]. В. Г. Гак указывал, что фразеологизированная номинация создается на основе объединения «синтагматической асимметрии (расчленение) с парадигматической (перенос)» [Гак, 1977, с. 245]. Таким образом, фразеологическая номинация определяется как обозначение элементов действительности устойчивыми словесными комплексами фразеологического типа, т. е. «раздельнооформленными языковыми знаками с полным или частичным переосмыслением компонентов» [Губарев, 1988, с. 4]. В плане динамического аспекта основным способом фразеологической номинации является фразеомообразование.

Фразеологическая подсистема в качестве особой знаковой системы вносит свой вклад в формирование не прямой образной номинации элементов действительности. Из косвенной образной номинации стоит выделить фразеологическую номинацию. Н. Ф. Алефиренко отмечал, что фразеологизм

– это один из знаков косвенно-производной номинации [Алефиренко, 2017, с. 50]. Чтобы понять отличие фразеологической номинации от другой вторичной номинации, представленной словом, имеющим переносное образно-мотивированное значение, целесообразно рассматривать особенности фразеологической номинации с позиции таких типов, как событийная/элементарная номинация, мотивированная/немотивированная номинация, учитывая структурно-семантические особенности ФЕ.

Событийная/элементарная номинация. С точки зрения синтаксической структуры можно разделять ФЕ на предикативные и непредикативные номинации. Косвенная номинация формируется по принципу аналогии или сходства отдельных признаков, а косвенная фразеологическая номинация – по аналогии или сходству не только отдельных признаков, но и отдельных ситуаций, связанных с культурно-историческим развитием носителей языка. Это значит, что ФЕ используются не только для обозначения явлений, предметов, свойств (*желтый дьявол* – ‘о золоте’, *красная девица* – ‘красивая девушка’), но и целых ситуаций и событий (*видеть все в черном свете* ‘все представлять негативно’, *красного петуха пустить* ‘устроить пожар’).

Расчлененная/нерасчлененная номинация. В зависимости от того, способны ли отдельные компоненты автономно обозначать те или иные явления действительности, выделяются номинативно нечленимые и членимые ФЕ. Нерасчлененная номинация характеризуется целостностью обозначения (*пустить красного петуха* ‘поджечь’). А расчлененная фразеологическая номинация обладает той или иной степенью номинативной членимости. При этом в структурах ФЕ существуют компоненты, которые сохраняют прямое лексическое значение (*черная печь* ‘печь без дымохода’), и компоненты, которые опосредственно обозначают явления действительности (*черная печь* ‘печь без дымохода’).

Синтетическая/аналитическая номинация. Фразеологическая номинация различается степенью денотативно-референциальной сложности.

Для синтетической номинации характерно обозначение явления действительности по одному признаку. Знаки синтетической номинации обычно имеют однословную словарную дефиницию (*красный петух* ‘поджог’). Под аналитической номинацией понимается наименование экстралингвистического феномена по двум или более признакам. Семантика ФЕ аналитической номинации характеризуется высокоинформативностью и детализацией, включая ряд дополнительных описаний (*желтая пресса* ‘о прессе, публикующей в погоне за сенсацией скандальные сообщения, рассчитанные на обывательские, мещанский вкусы’).

Мотивированная/немотивированная номинация. С точки зрения мотивированности ФЕ в их синхронном состоянии подразделяются на мотивированные / немотивированные. Под мотивированной номинацией понимается единица с прозрачной внутренней формой, позволяющей сохранять структурно-семантическое единство ФЕ (*черная кость* ‘о лицах недворянского происхождения’). Как отметила О. И. Блинова, «принцип номинации – это исходное положение, правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [Блинова, 1971, с. 99]. Исходное номинативное значение (внутренняя форма) представляет собой основание для формирования смысловой структуры мотивированных ФЕ. А для демотивированной фразеологической номинации характерна неясность внутренней формы с точки зрения современного языкового знания. В данном случае фразеологические значения слов в целом «опричинены» либо в зависимости от архаизации отдельных компонентов, либо вне их собственного лексического значения, в зависимости от экстралингвистических факторов.

2.2.2. Специфика фразеологического значения

Изучение фразеологической номинации связано с одной из актуальных проблем лингвистики – исследованием семантики ФЕ. Это предполагает

определение типов соотношений между значением ФЕ и их структурой, выявление сущности и знаковых свойств ФЕ, установление механизмов образования фразеологизмов и рассмотрение их экспрессивных свойств.

Отличаясь своей спецификой, фразеологическое значение рассматривается как особая лингвистическая категория, противопоставленная лексическому значению¹. Сложность разработки проблемы фразеологического значения заключается в его характеристиках, пересекающихся с лексическим значением. Тем не менее раздельнооформленность, присущая ФЕ, не позволяет отождествлять его языковое значение со значением слова. ФЕ – это комплексный знак, обладающий семантической целостностью и структурной связью со словом [Жуков, 1986, с. 47; Алефиренко, 2008б, с. 16]. Категориальные признаки собственно фразеологического значения требуют дальнейшего уточнения.

Как известно, восприятие мира в сознании человека может быть многомерным. Человек, с одной стороны, рационально-оценочно классифицирует объект, а с другой стороны, представляет его сквозь призму образного видения и эмоционально-чувственного отношения. Эти элементы и формы отражения чаще всего преобладают во фразеологических значениях, делая их многопризнаковыми и неоднородными.

Фразеологическая номинация в качестве деривационной номинации, наряду с другими словесными знаками, выполняет номинативно-репрезентативную функцию, а различие данных номинаций заключается в способе реализации функций. Функционирование ФЕ связано с понятием «семантический потенциал» и с более широким понятием – «функциональный потенциал», включающий не только собственно семантические, но и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные коннотации [Искандарова, 2011, с. 19]. Аналогичную мысль встречаем у

¹ Проблема фразеологического значения в современной лингвистике остается дискуссионной. Одни (А. И. Молотков, Н. М. Шанский) считают, что значение фраземы является лексическим, другие (В. М. Мокиенко, В. П. Жуков) называют его фразеологическим, указывая на своеобразие его сущности и структуры. В данном исследовании реализован второй подход к пониманию фразеологического значения.

Н. Ф. Алефиренко, который полагает, что «выражение отношения к уже познанному, субъективные элементы (коннотация) и эмотивная функция» [Алефиренко, 1982, с. 176–180] представляют собой основные признаки фразеологического значения. Таким образом, к существенным признакам фразеологического значения относятся его **экспрессивность, образность, эмоциональность и оценочность** (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, А. И. Федоров, В. М. Мокиенко, А. В. Кунин, И. А. Федосов, И. А. Киселев, В. Н. Телия и др.).

В семантическую структуру ФЕ, как и слов, входят значения компонентов в их сигнификативном, денотативным и коннотативным аспектах. Однако различие в том, что в ФЕ коннотативную семему считают преобладающим компонентом. **Образность**, которая по-разному раскрывает понятие, включена именно в коннотативные компоненты значений. Образность в качестве особого способа фразеологической номинации позволяет повысить информативность и дополнительную оценочную нагрузку во фразеологических значениях благодаря тому, что «фиксируемая образная ситуация вбирает в себя все необходимые существенные признаки привлеченных фактов» [Глухов, 1989, с. 31].

Не менее целесообразным для выявления специфики фразеологической образности является ее сопоставление с отдельными лексическими единицами – словами с переносными образно мотивированными значениями. Общность между словами с переносными образно мотивированными значениями и фразеологизмами заключается в том, что образность в качестве категории узואльно отражается в обоих смысловых структурах, тем более и та и другая единицы характеризуются обязательным коннотативным компонентом. Однако в словах с переносными образно мотивированными значениями образность осуществляется при семантических противодействиях двух значений одного слова, и рождению образа в большей мере способствуют фоновые, хорошо известные каждому русскому и лишь имплицитно

представленные в семантической структуре лексемы признаки. Напр.: *лиса* ‘1. Хищное млекопитающее сем. псовых с длинным пушистым хвостом. 2. Хитрый, льстивый человек’. В слове за основу образа взята конкретная реальия или выделенный единичный признак. А при фразеологическом образе смысловая двуплановость создается «на основе сопоставления целостного значения фразеологизма с целым смысловым комплексом» [Солодуб, 1989, с. 4]. По словам В. Г. Гака, образность ФЕ – это «совмещенное видение двух картин» [Гак, 1966, с. 101]. Развивая данное определение, А. А. Коралова понимает образные фразеологизмы как «два параллельно идущих потока информации» [Коралова, 1980, с. 130]. Во многих случаях фразеологический образ характеризуется неопределенными ситуациями и множественными признаками (ср. переносное значение слова *медведь* и ФЕ *медведь на ухо наступил*; переносное значение слова *лиса* и ФЕ *лиса Патрикеевна*).

Еще одним из важнейших свойств фразеологического значения является то, что названные во ФЕ признаки, предметы и др. иногда фактически не реализуются. На основе нереального первичного денотата создается образная характеристика и оценка. И фразеологическая образность опирается именно на такой парадокс. Ср.: *идти на носу* ‘с трудом передвигаться’, *желтый дьявол* ‘о золоте’.

Значения ФЕ существенно отличаются от словесных значений «диффузностью номинативного аспекта» [Телия, 1996, с. 86]: лексические единицы в основном называют предметы действительности с рациональной оценкой, а для выполнения знаковой функции фразеологизмов надо «подключить» еще и эмоциональную оценку. Составляющие компоненты фразеологизмов, которые в коннотации обладают функционально-стилистическими, оценочными и экспрессивными особенностями, всегда образно окрашены. В большинстве случаев в ФЕ оценка и эмоционально-экспрессивный элемент усилены по сравнению со словом. Например, слово *молодость* эмоционально нейтральное, а *желторотый птенец* имеет более

сложную дескрипцию, в которой выделяется наличие неопытности, неспособности к самостоятельным действиям и поступкам. Выражение имеет явно отрицательную оценочность. Таким образом, можно отметить, что своеобразие фразеологизма-номинанта заключается в его повышенной экспрессивности, ассоциативно-образном моделировании денотативной ситуации и стилистической маркированности.

Под **эмотивностью** понимается «чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин, 2005, с. 209]. Оценка может выражаться языковыми средствами эксплицитно или имплицитно (в зависимости от оценочного характера внутренней формы ФЕ). Эмоция и **оценка** связаны друг с другом. Обозначения эмоций или оценки в языке могут быть сведены к двум полюсам – положительному и отрицательному. Эмоция в качестве одной из форм отношения человека к действительности всегда сочетается с оценкой и экспрессивностью, но не наоборот. **Экспрессивность** ФЕ обусловлена образностью, интенсивностью или эмотивностью ФЕ. Однако экспрессивность не обязательно сопровождается эмотивностью. Существуют экспрессивно-безоценочные обороты в дефинициях: *рисовать черными красками* ‘представлять кого-, что-либо в неприглядном свете’, *довести до белого каления* ‘разозлить до предела, до бешенства’.

Таким образом, фразеологическое значение – это особый способ отражения действительности нашим сознанием, оно отражает мир в совокупности с образной характеристикой и усиленной субъективной оценкой, передавая экспрессию и эмоциональное состояние говорящего. Фразеомообразующие единицы в качестве вторичных номинативных единиц опосредованно дают информацию, демонстрирующую объективную действительность через установление ассоциативной связи с другими предметами или признаками. В отличие от цельнооформленности слова фразеологизмы представляются структурно раздельнооформленными, что

значительно способствует словесной конкретизации, детализации и экспрессивной экспликации образа, также позволяет в большей степени реализовать как номинативную, так и коннотативную функции.

При изучении семантики ФЕ еще особенно важным представляется положение о взаимодействии компонентов деривационной базы ФЕ, а также о взаимодействии семантики исходных единиц деривации и порожденных на их основе ФЕ. В этой связи нам необходимо подробнее рассмотреть ономаσιологическую сущность фразеомообразования.

2.3. Основа ономаσιологического описания фразеомообразования

Фразеологическая проблематика в основном рассматривается с позиции семасиологического подхода. Однако следует отметить, что исследование ФЕ с позиции ономаσιологического подхода тоже имеет важное значение. Изучение фразеологизмов с точки зрения ономаσιологического подхода, направленного на выявление закономерностей образования языковых единиц, позволяет понять механизм вербализации фразеологической номинации. Иными словами, использование данного подхода способствует выяснению того, как свободные сочетания слов переосмысляются, превращаясь в ФЕ, что приводит к их закреплению в языке, есть ли предпосылки для создания новых ФЕ.

2.3.1. Ономаσιологическая сущность фразеомообразования

Изучение особенностей знаковой функции ФЕ предполагает попытку объяснить самую природу фразеомообразования. Исследование процесса номинирования в ономаσιологическом аспекте расширяет научную методологию лингвистического анализа языковых единиц, в том числе ФЕ. Это дает возможность определить не только закономерности процесса фразеомообразования, но и процессы выбора субъектом номинации тех или иных мотиваторов из концептосферы представлений об окружающем мире, а также соотнести мотивационную базу вторичного обозначения с прямым

первичным значением. Иными словами, применение ономаσιологического подхода к изучению фразеомообразования предлагает:

- 1) описание конкретных связей между исходными единицами процесса деривации и его результативными единицами;
- 2) определение того, как соотносятся понятия, положенные в основу каждого отдельного значения ФЕ;
- 3) отнесение денотата к определенной категории;
- 4) установление понятийных механизмов создания ФЕ и характеристику их мотивированности.

Следует подчеркнуть, что для обозначения процессов образования фразеологизмов исследователями используется разные термины: «фразеомообразование» (Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Пугач, С. Н. Денисенко, К. И. Декатова и др.), «фразообразование» (В. В. Виноградов, Ю. А. Гвоздарев, Е. Н. Ермакова, В. М. Мокиенко, В. М. Савицкий, В. Н. Телия, И. И. Чернышева и др.), «оборотомообразование», «фразеомопроизводство» (Н. М. Шанский), «фразеологизация» (В. И. Зимин, И. Н. Шмелева, И. А. Щекина, С. Г. Гаврин, Л. И. Ройзензон) и «идиоматизация» (Б. А. Лаврин). В данной работе отдается предпочтение термину «фразеомообразование», так как «он избавляется от ложных синтаксических ассоциаций» [Саванкова, 2011, с.72]. Тем не менее остальные термины можно использовать как синонимичные.

По мнению Ю. А. Гвоздарева, можно выделить два подхода к изучению фразеологии: первый подход акцентирует внимание на «внешних» по отношению к самим единицам признаках, выступающих как «целостность значения или глобальность номинации», «наличие самостоятельного окружения у фразеологических единиц в речи» [Гвоздарев, 1977, с. 7]. Этот аспект связан с рассмотрением фразеологии как системы единиц. При втором подходе основное внимание обращено на «внутренние» признаки ФЕ, такие как внутриструктурное моделирование ФЕ, детерминативная зависимость

между составляющими компонентами; указывается также на ограничение их сочетаемости. Этот раздел касается вопросов «фразеомообразования» (ср. термин «словообразование»). В связи со вторым подходом фразеомообразование понимается как наука о различных моделях устойчивой сочетаемости лексем, которые приводят к созданию ФЕ. Таким образом, необходимо изучать соотнесенность разных форм ФЕ как в синхронном плане, так и в диахроническом плане, чтобы установить типологию фразеологических процессов, раскрыть внутреннюю структуру образования ФЕ с учетом взаимодействия их с семантической и грамматической структурами (Гвоздарев, 1977, с. 14-17; Мелерович, Мокиенко 2008, с. 18), ведь значение ФЕ – это «сложение смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба, 1974, с. 24].

Изучая ФЕ в диахроническом плане и с учетом типов деривационной базы, Ю. А. Гвоздарев выделяет следующие разновидности ФЕ русского языка:

- 1) отдельные слова;
- 2) переменные сочетания русской речи;
- 3) устойчивые сочетания слов нефразеологического характера;
- 4) существующие фразеологические единицы русского языка;
- 5) иноязычный материал (ФЕ других языков) [Гвоздарев, 1977, с. 58].

Выводы исследователя относительно типов образования ФЕ во многом совпадают с наблюдениями, сделанными А. В. Куниным, который рассматривает первичную фразеологизацию (пункты 1, 2 и 3 по классификации Ю. А. Гвоздарева) и вторичную фразеологизацию (пункты 4 по классификации Ю. А. Гвоздарева) в качестве основного пути образования ФЕ. Однако А. В. Кунин выделяет еще один тип первичной фразеологизации – «создание ФЕ, минуя стадию переменного сочетания слов» (необычное сочетание компонентов, непривычное сложение смыслов) [Кунин, 1972, с. 18-19]. На основе вышеупомянутой классификации Е. Н. Ермакова разделяет

процесс фразеомообразования на внешнее фразеомообразование (образование новой ФЕ на базе переменного сочетания слов) и внутреннее фразеомообразование (на базе уже имеющейся в языке ФЕ). В этой работе уделяется значительное внимание внутреннему фразеомообразованию, в частности, выделяются такие способы формирования ФЕ, как импликация, внутрефразеологическая омонимия, деривация, экспликация и контаминация [Ермакова, 2008, с. 40].

В данном исследовании фокус внимания сосредоточивается на закономерностях образования узуальных фразеологизмов.

В процессе фразеомообразования элементы деривационной базы подвергаются семантическому преобразованию. Закономерности образования новых единиц изучались многими исследователями (М. М. Покровский, Л. Блумфилд, С. Ульман, В. Г. Гак), которые сходятся во мнении, что основными процессами семантических изменений служат расширение или сужение значения (включая улучшение или ухудшение значения), а также перенос значения (метафорический и метонимический) [Гак, 1972, с. 145]. Такие семантические процессы обнаруживаются при образовании слов, а также при создании ФЕ, хотя для ФЕ важны прежде всего процессы переноса значений. Метафоричностью или метонимичностью могут быть наделены либо все компоненты ФЕ в целом (*белые мухи, синий чулок*), либо только их часть (*зеленая молодежь, желтая пресса*).

Таким образом, фразеологическая единица, по определению А. В. Кунина, это «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1972, с. 8]. Иными словами, значение ФЕ является результатом переосмысления составляющих его компонентов. Переосмысление – один из способов образного познания действительности. Фразеомообразование начинается с семантической трансформации сочетания слов. Образование фразеологического значения сопровождается разрушением смыслового строения его компонентов. Единицы деривационной базы в

процессе фразеомообразования утрачивают имеющуюся денотативную соотнесенность, упорядочивают в новообразованном элементе денотативный, сигнификативный и коннотативный макрокомпоненты. Переосмысление в большинстве случаев основывается на актуализации коннотативных признаков.

Лексико-грамматическое оформление и буквальное значение компонентов, входящих в составляющие ФЕ, играют роль внутренней формы, являясь мотивационной базой для семантической транспозиции. Согласно Н. Ф. Алефиренко, содержание внутренней формы (далее ВФ) ФЕ – это смысловые элементы лексической и грамматической семантики деривационной базы, которые являются ее генетическим источником [Алефиренко, 2002, с. 272 – 273]. Ю. А. Гвоздарев, подчеркивая роль компонентов ФЕ в строении целостного смысла ФЕ, определил ВФ как «отношение первичного значения компонентов и общего первичного значения деривационной базы ко вторичному значению компонентов и общему значению фразеологической единицы» [Гвоздарев, 1977, с. 48]. Вслед за А. В. Куниным, ВФ – это «значение прототипа ФЕ, с которым фразеологическое значение связано деривационными отношениями» [Кунин, 2005, с. 203]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова утверждают, что между взаимно несопоставимыми значимыми элементами «устанавливаются отношения адекватности» и «образуется семантический троп, лежащий в основе внутренней формы фразеологизма» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 19]. Семантические особенности ФЕ – немотивированность и мотивированность – непосредственно связаны с ВФ. ФЕ с прозрачной ВФ являются образно мотивированными (фразеологические единства и сочетания по терминологии В. В. Виноградова), ФЕ с затемненной ВФ – немотивированные (или фразеологические сращения по В. В. Виноградову). Тем самым ВФ выполняет мотивирующую функцию, выступая своего рода опосредствующим звеном между значением ФЕ и обозначаемой предметной ситуацией. Установление

различных типов ВФ базируется на характере фразеологической абстракции, механизмах образования ФЕ и структурно-семантических типах ФЕ, также на национально-языковой специфике фразеологического значения.

А. А. Потебня отмечает, что идеальное содержание, предшествующее появлению самого слова, обуславливает создание новой единицы. Таким образом, выбор звуковой оболочки для актуализации новой означиваемой денотативной ситуации часто определяется ассоциативными отношениями слов, и при ономаσιологическом акте выбор звуковой оболочки означает одновременно и создание ВФ будущей единицы [Потебня, 1930, с. 110].

С позиции ономаσιологического подхода каждый из компонентов ФЕ является неслучайным. По мнению В. Л. Архангельского, фразеология рассматривается как «раздел языкознания, который изучает связанные или устойчивые синтагмы в форме словосочетаний и предложений» [Архангельский, 1964, с. 57]. О. С. Ахманова, в свою очередь, определяет фразеологию как «раздел языкознания, изучающий лексико-семантическую сочетаемость слов языка» [Ахманова, 2009, с. 504]. Таким образом, «наличие детерминативной зависимости на лексико-семантическом уровне анализа называется существенным признаком фразеологической единицы» [Гвоздарев, 1977, с. 8]. Изучение фразеомообразования в синхроническом плане позволяет открывать связь между отдельными единицами фразеологии и лексики языка путем сопоставления ФЕ в формальном и сематическом планах и тем самым установить соотнесенность значений интегрантов ФЕ.

Проблемы лексико-семантической структуры ФЕ и степень спаянности их компонентов являются ключевыми моментами для фразеомообразовательного анализа. Исследователями предлагаются различные процедуры проведения компонентного анализа ФЕ; см. прием идентификации, субституции, установления остаточного значения, анализа внутренних отношений между компонентами на разных уровнях) (В. В. Виноградов,

В. П. Жуков, Ш. Балли, А. И. Смирницкий, В. Л. Архангельский, М. М. Копыленко, З. Д. Попова).

На основе критерия семантической слитности В. В. Виноградов выделяет следующие типы ФЕ: 1) фразеологические сращения; 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания. В этом случае необходимо проследить соотнесение значения компонента с общим значением ФЕ, что позволяет понять степень самостоятельности составляющих компонентов в семантическом отношении.

При компонентном анализе необходимо исследовать отношения компонентов к действительности, обозначаемой данными ФЕ, отношения компонентов к единицам лексики в их свободных значениях и отношения значений компонентов к общим значениям данных ФЕ [Гвоздарев, 1977, с. 154].

Между компонентами фразеологизмов и словами свободного употребления существуют определенные ассоциативные связи, что позволяет раскрывать внутреннюю структуру ФЕ. Вслед за А. В. Куниным мы будем называть лексические компоненты ФЕ «лексемами». Лексемы ФЕ могут разделяться на лексемы, которые соотносятся с лексическими единицами языка, и лексемы, которые не соотносятся с лексическими единицами (те компоненты, которые не соотносятся со словами уже по своей звуковой оболочке). В. В. Виноградов называет такого рода лексемы «потенциальными словами» (цит. по [Кунин, 1972, с. 8]). Слова, сходные с компонентами ФЕ, в составе ФЕ могут непосредственно или опосредованно (через ассоциации по связи или по сходству) обозначать явления действительности. Исходя из этого Ю. А. Гвоздарев выявляет четыре вида компонентов ФЕ:

1) компоненты, непосредственно называющие соответствующие явления действительности (номинативный тип: тип Н);

2) компоненты опосредованно, путем ассоциации по связи называющие явления действительности (релятивно-метонимический: тип М);

3) компоненты, опосредованно, путем ассоциации по сходству называющие явления действительности (релятивно-компаративный тип: тип К);

4) компоненты, имеющие некротический характер, представляющие собой лишь потенциальные слова (реликтивно-рецептивный: тип Р) [Гвоздарев, 1977, с. 175].

Таким образом, выделяются 15 видов фразеологических структур (кроме структуры НН, которая состоит из двух компонентов со свободным значением, хотя Н. М. Шанский относит такой тип ФЕ к фразеологическому выражению). Стоит отметить, что характер этих компонентов зависит от характера их комбинации и особенностей семантической спаянности ФЕ. Например, по комбинации РР формируются фразеологические сращения (*альма матер*), комбинация ММ или КК представляет фразеологические единства (*белый билет, красная шапка*), комбинации МН, КН, РН определяются термином «фразеологические сочетания» (*черный рынок, красный день*).

Компоненты типа К и типа М могут в плане выражения совпадать с одноименными словами в лексической системе, а в плане содержания не соотноситься с лексическими единицами системы (*белый мухи, корабли пустыни*), так как в составе ФЕ эти компоненты двузначны, именно благодаря этому создается образная основа ФЕ.

Таким образом, мотивированность и идиоматичность ФЕ могут объясняться через композиционные особенности составляющих компонентов ФЕ. Соотношения этих фразеологических параметров представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношения фразеологических параметров с типами фразеологических структур.

Тип Параметр	НМ, НК, НР	МК, МР	ММ, КК	РР, КР, РК
	МН, КН, РН	КМ, РМ		

Аналитичность	аналитическая	аналитично-синтетичная	синтетическая
Мотивированность	частичная	полная	затемненная
Идиоматичность	частичная	слабая	сильная
Расчлененность	среднецелостная	минимально целостная	максимально целостная
Семантическая спаянность	фразеологическое сочетание	фразеологическое единство	фразеологическое сращение
Фразеологическое значение	в промежуточном разряде	эксплицитно	имплицитно

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что ономазиологический подход в изучении ФЕ позволяет четче определить круг явлений фразеологии. Семантические соотношения между компонентами ФЕ и словами – единицами нижележащего уровня – определяют рамки фразеологического материала языка. Совмещение диахронического и синхронного подходов в изучении фразеоморфизма помогает создать полное представление о фразеоморфизме: с одной стороны, установить типовой характер возникновения ФЕ, с другой – выяснить лексико-семантические типы фразеоморфизмальных структур в современном русском языке.

2.3.2. Фразеоморфизм vs словообразование

Фразеоморфизм и словообразование тесно связаны друг с другом и являются динамичными областями языковой системы. Словообразование в качестве одной из самостоятельных дисциплин имеет в русистике собственную традицию изучения. Задачи и теоретические положения словообразования в подавляющем большинстве случаев подходят для изучения фразеоморфизма. Как в словообразовании, так и во фразеоморфизме в первую очередь изучаются типы, образцы, модели производства языковых единиц. Процессы фразеоморфизма изоморфны словообразовательным процессам. Соотношение ФЕ и слов, строящихся на

сематической и структурной близости к лексическим компонентам ФЕ, определяет членимость ФЕ. Это похоже на то, как регулярность морфем обуславливает состав слова с производной основой. Тем самым, производное слово и ФЕ – комплексные знаки. Ономасиологический подход применяется в сфере слово- и фразеобразования именно для того, чтобы углубить представления о комплексных знаках. Использование ономасиологического подхода помогает объединить разные типы комплексных знаков в одну ономасиологическую группу.

Ономасиологическая категория – это общий тип «формулирования содержания по отношению к его выражению в языке» [Иванова, 2015]. Структура ономасиологической категории состоит из ономасиологического базиса (далее ОБ), указывающего на понятия, которые положены в основу обозначения, и ономасиологического признака (далее ОП), выделяющего предмет в классе понятий за счет конкретизации основы названия. А ономасиологический предикат (по терминологии Е. С. Кубряковой) является средством соединения базиса и признака.

Изучение ономасиологических категорий составляет важную часть деривационной ономасиологии, которая изучает то, как отражается номинативная деятельность человека в такой единице номинации, как производное слово, какую роль играют приемы словообразования при решении конкретных задач номинации [Кубрякова, 1977, с. 238]. Под деривацией в широком смысле понимается процесс развития одной единицы от другой, обозначение семантической производности [Кубрякова, 2012, с. 282]. В словообразовании деривация – это процесс возникновения новых слов на основе старых. Следовательно, в сфере фразеологии под понятием «деривация» подразумевается процесс создания ФЕ на базе уже имеющих в языке лексических единиц («будущего» ономасиологического признака и ономасиологического базиса).

В словообразовании ономаσιологической базис в большинстве случаев представлен словообразовательным формантом, соответственно мотивирующая часть эксплицирует ономаσιологический признак.

Примечательно, что С. И. Ожегов выделяет в составе ФЕ опорный компонент, являющийся «как бы смысловым фокусом всего словосочетания», составляющий образную основу, и семантически индивидуализирующий компонент, который конкретизирует опорное слово, указывает на подлинные признаки обозначаемого [Ожегов, 1974, с. 212-213]. Аналогичную мысль встречаем у В. П. Жукова, который выделяет опорный компонент и семантически индивидуализирующий компонент, называя их соответственно «фразеологическим центром» и «семантическими опорными словами» (или «смысловым центром ФЕ») [Жуков, 1978, с. 91-94]. Таким образом, ономаσιологический базис во фразеомообразовании отражает семантическую категорию, выступающую областью означивания. А ономаσιологическим признаком считается та часть ФЕ, которая формирует признак и специфику вторичного языкового знака. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером: фразеологическое единство *черный посудник*, где ономаσιологическим базисом будет является существительное *посудник*, а ономаσιологическим признаком выступает прилагательное *черный*. Исследование механизмов образования ФЕ позволяет определить, какое значение ономаσιологического базиса или ономаσιологического признака кладется в основу появления нового значения ФЕ.

Необходимо отметить, что факты формального соотношения между единицами при фразеомообразовательном анализе оказываются менее показательными по сравнению с словообразованием, в актах которого формант выполняет роль категоризатора. Форма непосредственно не влияет на характер функций ФЕ в речи и их семантику. При фразеомообразовательном анализе важную роль играет семантический анализ. Иными словами, мы полагаем, что семантика является доминирующим признаком целостности

фразеологизмов. Она должна быть основой для классификации ФЕ, а затем следует учесть структуру, в которой реализуется та или иная семантика. Несмотря на разграничение, процессы словообразования и фразеомообразования имеют ряд аналогичных параметров, таких как идиоматичность, мотивированность, членимость и затемненность фразеологического/словообразовательного значения, что позволяет установить характеристики комплексного знака, в том числе ФЕ.

2.3.3. Когнитивные механизмы фразеомообразования

В настоящее время при описании фразеомообразования с позиции ономазиологического подхода особое внимание обращается на связь номинативной активности с потребностями когнитивной деятельности человека. Так, Н. Ф. Алефиренко указывает на то, что в наше время лингвисты ищут пути сопряжения ономазиологической, лингвокогнитивной и прагмалингвистической парадигм, хотя такие попытки до конца не превратились в научную реальность [Алефиренко, 2012, с. 7].

С развитием лингвистики последних десятилетий ученые все чаще обращаются к когнитивному инструментарию при изучении различных процессов фразеомообразования. Утверждается, что без когнитивной и мыслительной процедуры невозможно создать современное описание процессов фразеомообразования. Е. С. Кубрякова предлагает: «...вопрос о значении языкового знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова, 1993, с. 23]. Полноценный анализ акта вторичной номинации, в частности фразеомообразования, являющегося одним из основных источников познания человека, возможен только на базе изучения когнитивных операций и когнитивного структурирования мышления, так как фраземосемиозис – это «речемыслительный процесс, ведущий к возникновению знаков косвенно-производной номинации –

фразем» [Алефиренко, 2017, с. 50]. Это подтверждает то, что сам процесс образования ФЕ обладает психолингвистической и когнитивной значимостью. Когнитивно-ономасиологический подход изучения ФЕ позволяет выяснить процесс метальной переработки ФЕ, обеспечивает упорядочение и сохранение опыта человека.

Когнитивный процесс образования ФЕ, лежащий в основе естественного структурирования знаний о первичном и вторичном денотатах, включает в себя концептуализацию и категоризацию. В основе категоризации лежит действие общих когнитивных механизмов, которые осуществляются с помощью метафорических и метонимических когнитивных моделей. А когнитивной основой фразеологической номинации представляется именно перекатегоризация, то есть «перенос структуры одних мыслительных образов или концептов на другие по метафорической или метонимической модели» [Алефиренко, 2008а, с. 138], – иными словами, формирование новых концептов «ономатопоэтического характера» [Алефиренко, 2008б, с. 13] на основе объединения двух вербализованных концептов (первичной и вторичной денотативной ситуации). ФЕ имеет особый знаковый характер, благодаря которому происходит лингвокреативное преобразование концептосферы на базе первоначально формирующихся системных концептов в структурах языкового сознания.

В данном исследовании концепт – это единица когнитивного содержания, аккумулирующая в себе знания о денотате. В отличие от понятий и логических концептов, являющихся результатом логического познания, ономатопоэтические концепты, отраженные во ФЕ, формируются с помощью чувственного опыта человека, предметно-практической деятельности человека, речемыслительных операций и лингво-прагматических факторов [Алефиренко, 2008б, с. 14].

Структурно-семантические типы ФЕ зависят от субконцептов, то есть типов когнитивных структур, включающих фрейм, гештальт и конкретно-

чувственный образ. При этом под фреймом (ментальным пространством по Дж. Лакоффу и Ж. Фоконье) понимается многокомпонентное структурирование стереотипных ситуаций, сформировавшихся по семному принципу вокруг некоторого концепта [Дейк, 1989, с. 13; Эко, 2016, с. 42; Минский, 1978, с. 254; Трубаева, 2011, с. 40]. Образование актуального значения ФЕ может интерпретироваться как результат синтагматики когнитивных операций, т. е. результат взаимодействия различных фреймов [Баранов, Добровольский, 2008 с. 226-227]. Фразеологическая номинация обладает полипризнаковостью и высокой информативностью, что приводит к описанию фразеомообразовательных процессов с учетом не только семантики фразеомообразующих компонентов, но и семантики всей возникающей в сознании носителей языка «картинки», т. е. всей фреймовой структуры, пропозиции, сценариев и фоновых знаний. Фрейм состоит из набора слотов, связанных между собой определенными семантическими отношениями. В процессе порождения фразеологического значения может использоваться два фрейма (фрейм-источник и фрейм-цель), когда внутренняя форма рассматриваемой ФЕ основана на метафоре, или только один фрейм, когда внутренняя форма рассматриваемой ФЕ основана на метонимии.

2.3.3.1. Образование фразеологизмов на основе метафорического переноса

Изучение метафоры имеет давнюю историю. Начиная с античных времен метафора изучается в стилистическом аспекте, рассматривается как троп, обладающий большой эстетической ценностью. Потом, с ростом теоретического интереса к метафоре и расширением проблематики ее исследования, приходит осознание того, что метафора, пронизывая язык, является не только украшением речи, но и общим законом развития языка [Потебня, 1976]. Далее в современной антропологической парадигме метафора трактуется в когнитивном ключе и расценивается как способ мышления о мире [Баранов, 1991; Кубрякова 1994; Лакофф, Джонсон, 2004; Чудинов, 2001].

Трактовка метафоры в рамках фразеологии связана с представлением о том, что данный метальный механизм основан на утверждении признаков объекта, выделенных именуемым в значении переосмысливаемой языковой формы на основе аналогии. Метафоризация значения является «основным способом создания вторичного языкового образа, обладающего смысловой двуплановостью» [Юрина, 2013, с. 134]. Фразеомообразование в качестве особого типа вторичной номинации, как отмечает В. Н. Телия, в большинстве случаев обладает особенностью метафоризации, приводящей к смыслопреобразованию и созданию новых идиоматичных наименований [Телия, 1996, с. 134]. По мнению А. В. Кунина, метафорическое переосмысление является одним из самых распространенных видов переосмысления [Кунин, 2005, с. 168]. Метафора лежит в основе образной мотивированности ФЕ, обеспечивая замену прототипа ФЕ денотатом ФЕ по подобию двух денотатов. Новый денотат ФЕ является абстракцией от исходного денотата. При образовании вторичных номинаций метафоризация может осуществляться на основе сходства самых различных признаков предметов: «зрительных и слуховых восприятий эмоционально-психологических и вкусовых представлений, внутренних биологических особенностей, количественных и метрических свойств, свойств внешнего вида, формы, расположения в пространстве, функции и др.» [Козлова, 2010, с. 45]. Метафора во ФЕ часто носит гиперболический (*делать из мухи слона*) и эвфемистический характер (*уйти на покой*).

Роль метафоры в процессе фразеомообразования неодинакова в зависимости от степени идиоматичности. Разделяется частичное метафорическое переосмысление (при образовании фразеологических сочетаний) и полное метафорическое переосмысление (при образовании фразеологических единств).

Следует отметить, что по типам значения, порождаемого метафорой, можно выделить такие основные группы метафор, как идентифицирующая

метафора и концептуальная метафора, к третьей группе относят образную метафору, с помощью которой формируются оценочные и оценочно-экспрессивные единицы [Телия, 1996, с. 141-150].

С позиций когнитивного подхода, метафора выступает как высокопродуктивный мыслительный механизм при формировании образной фразеологической номинации, которая эксплицирует глубинные ментальные структуры. Благодаря использованию устойчивых образных средств языка, в том числе ФЕ, объективируются метафорические модели. При этом важное значение имеет мысль о том, что метафора является концептуальным феноменом, представляющим собой способ репрезентации абстрактной сферы сквозь призму конкретной или интуитивно понятной сферы, связанной с телесным опытом человека; иными словами, метафора интерпретируется как результат взаимодействия между познаваемыми феноменами из области-цели (target domain) и известными феноменами из области-источника (source domain) [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 149]. Это значит, что при изучении механизма образования ФЕ, связанного с метафорическим переносом, необходимо определить процесс взаимодействия знаний, относящихся к сфере-источнику и сфере-мишени, установить возможность отображения области-источника в новую понятийную сферу.

2.3.3.2. Образование фразеологизмов на основе метонимического сдвига

Довольно распространено мнение, что именно метафорический перенос выступает тем средством, которое приводит к формированию новых концептов; при этом метонимия чаще всего остается в тени. Г. В. Колшанский считает, что «поводом для выбора и переосмысления языковых форм может служить смежность в самих внеязыковых объектах, и тогда объемы понятий вновь именуемого объекта и уже отраженного в предшествующем значении языковой формы совпадают в каких-то частях» [Колшанский, 1977, с. 92]. В таких случаях имеется в виду метонимия. При этом следует заметить, что метонимия – это замена полного наименования сосуществующих в предмете

признаков отдельными, более существенными или показательными признаками. По словам А. В. Кунина, метонимия – это частный случай импликационной связи, отражающей зависимости сущностей объективного мира (часть-целое, смежность в пространстве и т. д.), исключая фантазию, а метафора – частный случай классификационной связи, отражающей общность присущих сущностям объективного мира признаков или признаки, приписываемые человеком [Кунин, 1996, с. 170]. Поэтому метафора имеет большую свободу выбора признака по сравнению с метонимией.

Метонимия, как и метафора, не просто поэтический прием или языковое явление. Метонимические концепты (такие как часть вместо целого) являются составной частью обыденного мышления, способов речи и поведения [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 62–63].

Наряду с метафорическим переносом, метонимический сдвиг тоже занимает важное место в процессе формирования семантики ФЕ (на заметную роль метонимии в образовании колористических ФЕ обращается внимание и в данном исследовании). Ю. А. Гвоздарев в монографии «Основы русского фразеобразования» установил равноправную роль двух основных когнитивных механизмов при порождении актуального фразеологического значения [Гвоздарев, 1977, с. 44].

В процессе метонимизации происходит семантическое преобразование конститuentов ФЕ, которое приводит к смене референта. Получается, что семантика прототипа ФЕ выступает как элемент семантики ФЕ. В отличие от слова, метонимизация которого существует на одном и том же уровне, ФЕ образуются либо метонимизацией одного из составляющих компонентов (*мозги набекрень* ‘мыслить неверно’), либо метонимизацией прототипа ФЕ в целом (*белый дом* ‘правительство США’).

При фразеологической номинации метонимия рассматривается как психическая ассоциация, отражающая постоянную связь во времени и пространстве двух денотатов, их частей, действия и его результата. В

формировании фразеологической номинации, обозначающий разные предметы действительности актуализируются разные метонимические модели, среди которых наиболее продуктивной представляется модель «часть вместо целого» или наоборот (синекдоха); кроме того, еще существуют такие типы связей, как связь денотата и его обязательного признака (*красная горка*), причинно-следственная связь (*мозолить руки*), связь отдельного обрядового действия и обряда в целом (*целовать крест*), связь символа и обозначаемого им денотата (*красная шапка*) и т. д. [Савенкова, 1989, с. 55].

2.3.3.3. Образование фразеологизмов на основе безобразного преобразования

Следует отметить, что фраземосемиозис устанавливает концептуальные отношения не только по аналогии и по смежности, но и по категории (фразеомообразование путем сужения или расширения значений). Иными словами, семантика ФЕ формируется посредством как образного переосмысления, так и безобразного преобразования [Кунин, 2005, с. 167 – 183]. А. В. Кунин называет такого типа ФЕ фразеоматикой. Одним из типов фразеоматических оборотов представляются «обороты с прибавочно-уточнительным значением»; их значение, иными словами, является более узким по сравнению со значением прототипа ФЕ [Там же, с. 327]. Таким образом, буквальные значения конститuentов входят составной частью в значение ФЕ в целом, становятся его внутренней формой [Там же, с. 327].

Аналогичную мысль встречаем у В. М. Савицкого, который отметил, что наряду с переносом и сдвигом значения над прототипом ФЕ надстраиваются еще и такие схемы семантической транспозиции, как сужение, расширение значения. В этом случае первичный и вторичный денотат характеризуется родовидовой связью. Например, словосочетание *белое мясо*, превратившись в идиому, переосмысливается по схеме сужения значения и обозначает куриное мясо, а не любое мясо белого цвета. Это показывает, что «на ономаσιологическом уровне естественный язык не является строго-алгоритмическим автоматом» [Савицкий, 2006, с. 87].

Выводы по главе 2

1. Раскрывая новое направление изучения семантики языковых единиц, теория номинации обращает внимание на соотнесение языковых единиц с обозначаемыми объектами. Тем самым фокус внимания смещается на явления вторичной номинации, отражающей когнитивную способность человека к творческому переосмыслению действительности. Среди всех средств номинации, фразеологическая подсистема в качестве особой знаковой системы вносит свой вклад в формирование не прямой образной номинации элементов действительности.

2. С позиций типологии фразеологической номинации выделяются событийная/элементарная номинация, расчлененная/нерасчлененная номинация, синтетическая/аналитическая номинация и мотивированная/немотивированная номинация, что демонстрирует отличие фразеологической номинации от косвенной номинации, представленной словом, имеющим переносное образно мотивированное значение.

3. Фразеологическое значение имеет собственную специфику. К существенным признакам фразеологического значения относятся его экспрессивность, образность, эмоциональность и оценочность.

4. Изучение фразеологизмов в динамичном аспекте позволяет установить внутривидовое моделирование ФЕ. Совмещение диахронического и синхронного подходов в изучении фразеологизмов помогает создать полное представление о фразеологизме: с одной стороны, установить типовой характер возникновения ФЕ, с другой – выяснить лексико-семантические типы фразеологизмобразующих структур в современном русском языке.

5. Выделяются 15 видов фразеологических структур исходя из особенностей комбинирования составляющих компонентов ФЕ. В силу композиционности составляющих ФЕ могут объясняться соотношения

ряда фразеологических параметров, таких как аналитичность, мотивированность, идиоматичность и семантическая спаянность ФЕ.

6. Процессы фразеомообразования и словообразования характеризуются изоморфизмом. Применительно к фразеомообразованию ономаσιологическая структура включает ономаσιологический базис, отражающий общую семантическую категорию ФЕ, и ономаσιологический признак, формирующий специфику обозначаемого ФЕ.

7. В настоящее время ономаσιологический подход сопряжен с лингвокогнитивной и прагмалингвистической парадигмами, поскольку без учета мыслительных операций невозможно описание фразеомообразования. Когнитивной основой фразеологической номинации является перенос структуры одних мыслительных образов или концептов на другие по метафорической или метонимической модели. Как метафора, так и метонимия характеризуются образностью. Оба этих механизма относятся к числу тех, которые создают образность вторичной номинации. Когнитивные метафорические и метонимические модели позволяют описывать концептуальные области с более высокой степенью абстракции (области-цели) в терминах области-источника. Безобразное преобразование также может использоваться для создания ФЕ, отражающих новый конкретизированный денотат.

ГЛАВА 3. Деривационная специфика цветообозначений в создании фразеологизмов

3.1. Цветообозначения в составе фразеологической системы

ЦО не только выполняют функцию вербализации одного из главных видов зрительных ощущений – цветового пространства, но и на разных исторических этапах развития языка подвергаются модификации значений, постоянно развивают вторичные номинативные значения благодаря их большому семантическим потенциям, тем самым репрезентируя разнообразные концептуальные сферы. Это обусловлено тем, что цвет, с одной стороны, является наиболее выраженным признаком предмета, а с другой стороны, он тесно связан с народной символикой, образами, ценностными стереотипами, также с философским и эстетическим осмыслением мира (подробнее см. в разделе 1.2.2). С развитием языка прилагательное-цветообозначение постоянно наполняется новыми оттенками значения не только в самих колоративах, но и в различных свободных или несвободных сочетаниях.

Прилагательное-цветообозначение, как и прилагательное в целом, передает качество и признак определяемого. Это приводит к тому, что в семантической структуре ЦО скрывается сема **присущности**, что проявляется в семантической близости к определяемому, т. е. к носителю признака. В свободных атрибутивных сочетаниях прилагательное-цветообозначение употребляется в качестве согласованного определения для существительного, реализуя прямое значение. Если же прилагательное-цветообозначение «сливается» с остальными компонентами в единое целое в условиях постоянного контекста, то в результате этого образуются колористические фразеологические единицы (термин «колористическая фразеологическая единица» считается синонимом термина «фразеологическая единица с компонентом-цветообозначением»). В зависимости от степени фразеологической связанности исходных сочетаний выделяются разные ступени устойчивых словесных комплексов: низшая ступень устойчивых

словесных комплексов, когда прилагательное-цветообозначение выступает в строевой функции (*белый хлеб*); средняя ступень устойчивых словесных комплексов, когда прилагательное-цветообозначение переосмысливается, реализуя свои переносные значения (*белая ночь, белые стихи*); высшая ступень устойчивых словесных комплексов, когда переосмыслиются все компоненты, образуя раздельнооформленное означающее для слитного означаемого (*белая ворона*).

Психологические ассоциации, связи каждого ЦО, их оценочные элементы и их активность в концептуализации ментальных сущностей в большей или меньшей степени находят реализацию во фразеологической системе. Составляя в языке компактную группу, ЦО «легко выделяются во всех языках, входят в состав многих фразеологических единиц...» [Фомина, 1994, с. 230]. Колористические ФЕ составляют «менталитетобразующую» (термин В. Г. Кульпиной) сферу лексики языка.

Следует отметить, что при создании колористических фразеологизмов (ФЕ, строящихся на колористических образах) прямое номинативное значение ЦО более или менее сохраняется. Кроме того, символические значения цветонаименований обуславливают их фразеоморфологическую активность. Фразеоморфологическая активность колоративов predetermined не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами (историей культуры и быта народа – носителя языка).

Согласно морфологической классификации, можно выделить следующие структурные разновидности ФЕ с компонентом-цветообозначением:

1) прилагательное-цветообозначение + существительное: *черный шар* ‘шар, который предназначен для голосования, означая «против избрания»’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *зеленая улица* ‘благоприятные условия, дающие возможность кому-л. действовать или чему-л. осуществляться’ [Баранов, 2015, с. 892]. Наиболее продуктивный путь образования колористических ФЕ

представляет собой «внешнее» фразеомообразование, в частности, фразеологизацию переменных сочетаний слов. Следовательно, наиболее характерным структурным типом колористических фразеологизмов оказываются двусоставные номинации, построенные по формуле «имя существительное с препозитивным прилагательным». Такие субстантивные ФЕ могут называться предметными ФЕ, так как они использованы для обозначения совокупности лиц, пространства и территории, явлений природы, отвлеченных понятий и т. д.;

2) *предлог* прилагательное-цветообозначение + существительное: *для красного словца* ‘о чем-л. сказанном лишь для того, чтобы показать свое остроумие, похвастать’ [Бирих, 1996, с. 532]; *с черного хода* ‘незаконно, обходным путем’ [Жуков, 2015, с. 330]. Этот структурный тип адвербиальных колористических ФЕ используется для обозначения качества или обстоятельства процесса и действия;

3) глагол + (*предлог*) прилагательное-цветообозначение + существительное: *видеть <все> в черном свете* ‘видеть все пессимистически, в неприятном виде’ [Бирих, 1996, с. 519]; *довести до белого каления* ‘лишить кого-л. самообладания, сильно разозлить, рассердить, разъярить’ [Бирих, 1996, с. 242]; *отправить в желтый дом* ‘отправить в сумасшедший дом, объявить кого-л. душевнобольным’ [Бирих, 1996, с. 164]. Такие частично предикативные ФЕ обычно называют процессуальными, так как они обозначают разнообразную деятельность человека. Стоит отметить, что большинство из них образуются посредством внутреннего фразеомообразования, т. е. на основе существующих ФЕ (*желтый дом* → *отправить в желтый дом*, *зеленая улица* → *дать зеленую улицу*);

4) существительное + (*предлог*) прилагательное-цветообозначение + (существительное): *люди в белых халатах* ‘врачи, медицинский персонал’; *парни в зеленых фуражках* ‘о российских пограничниках’ [Мокиенко, 2007, с. 484]. В ФЕ, построенных по данной модели, прилагательное-

цветообозначение в сочетании со своим прямым определяемым связано с другими существительным подчинительной связью управления. Такие ФЕ, как и субстантивные ФЕ, могут называться предметными ФЕ, так как они использованы для обозначения совокупности лиц, явлений природы, отвлеченных понятий и т. д.;

5) прилагательное-цветообозначение + предлог/компаративный элемент
существительное: *белый как мел, желтый как лимон, красный как огонь, голубой как незабудка, черный от загара, белый от страха, красный от стыда*. В адъективных колористических ФЕ прилагательное-цветообозначение обычно выступает стержневым компонентом, имеющим значение признака. Среди них колористические компаративные обороты часто вносят в значение ФЕ усиительные оттенки, служат для повышения экспрессивности (*черный как смоль* ‘очень черный’).

С точки зрения функционально-стилистической окраски выделяются нейтральные (*черный глаз*) и стилистически маркированные колористические ФЕ, ограниченные сферами употребления: *белая ворона, черный рынок, красный петух* (единицы разговорного стиля), *белая головка, черная немочь, красные корочки* (просторечные выражения), *белая кость, черная страница, красный террор* (единицы книжной речи), *белый уголь, черное золото, красная суббота* (обороты, свойственные публицистическому стилю) и др. В данном исследовании учитываются все вышеупомянутые виды ФЕ, что позволяет раскрывать номинативный потенциал ЦО.

Согласно собранным данным, каждое ЦО обладает специфичным деривационным потенциалом, значимым для создания ФЕ. Далее проиллюстрируем каждое отдельное ЦО в аспекте одного из источников, значимых для создания фразеологической номинации, охарактеризуем их в плане актуализации отдельных участков семантического пространства фразеологической системы. Особое внимание обратим на когнитивные механизмы, лежащие в основе создания фразеологизмов.

3.2. Деривационный потенциал цветообозначений в составе фразеологических единиц

3.2.1. Фразеологизмы с цветообозначением «черный»

Все фразеологизмы с компонентом *черный* являются мотивированными, в связи с чем подразделяются на фразеологические единства и фразеологические сочетания². Разным типам ФЕ свойственны разные когнитивные механизмы, стимулирующие фраземосемиозис.

Поскольку значения цветовых символов и ЦО, которые представлены в толковых словарях, перекрещиваются с метафорическими и метонимическими употреблениями, необходимо их перечислить в данном исследовании. Так, учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *черный*:

- 1) X (Объект) символизирует неизвестность и загадочность;
- 2) X символизирует злобу, мстительность и греховность;
- 3) X символизирует страдание, несчастье и горе;
- 4) X символизирует смерть.

На основании анализа собранного материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *черный*:

- 1) X подобен цвету сажи, угля, соотносится с самым темным из всех цветов;
- 2) X является грязным, испачканным;
- 3) X является физически тяжелым, связан с подсобной работой, не требующей особого умения и знаний;

² По определению Н. М. Шанского, фразеологическое единство – это «семантически неделимый и целостный фразеологический оборот, значение которого мотивировано значениями составляющих его слов» [Шанский, 1996, с.67]; фразеологическое сочетание – это «фразеологический оборот, в котором есть слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным» [Шанский, 1996, с.68].

- 4) X является необработанным или обработанным начерно;
- 5) X является неглавным, непарадным, предназначенным для повседневных нужд.

Фразеологические единства с компонентом *черный*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК³)

К этой группе относятся ФЕ, основанные на переменных сочетаниях, метафорически соотносимых с обозначаемыми реалиями. Например, ФЕ *черный ящик* ‘явление, не поддающееся наблюдению; какой-л. объект, внутреннее устройство которого неизвестно’ [Бирих, 1996, с. 653] используется для обозначения ненаблюдаемого явления или неизвестного объекта. Денотативные аспекты значения данной ФЕ формируются в интеграции ментальных пространств *черный* и *ящик*, что приводит к созданию метафорического образа – «X является ненаблюдаемым, неизвестным». В качестве аналогии, дающей право на перенос имени, выраженного сочетанием слов, здесь выбрана пространственная метафора для означивания некоего явления или объекта в деятельности человека. Языковая единица *черный* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЯВЛЕНИЕ, имеющую признак познаваемости / непознаваемости чего-либо. В основе переноса лежит ассоциация по цвету: *черный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о загадочности, неизвестности.

ФЕ *черная дыра* ‘1) не дающий излучений космический объект, обладающий мощным полем тяготения [Шведова, 2011, с. 222]; 2) место, где

³Как уже было отмечено (подробнее см. в разделе 2.3.1), Ю. А. Гвоздарев выявляет четыре вида компонентов ФЕ: 1) компоненты, непосредственно называющие соответствующие явления действительности (номинативный тип: тип Н); 2) компоненты опосредованно, путем ассоциации по связи называющие явления действительности (релятивно-метонимический: тип М); 3) компоненты, опосредованно, путем ассоциации по сходству называющие явления действительности (релятивно-компаративный тип: тип К); 4) компоненты, имеющие некротический характер, представляющие собой лишь потенциальные слова (реликтивно-рецептивный: тип Р) [Гвоздарев, 1977, с.175].

все пропадает, исчезает бесследно [Мокиенко, 2007, с. 218–219]’ имеет два значения. Первое значение носит терминологический характер, но уже является осложненным, поскольку значение основано на метафорическом сдвиге (сходство с пропастью, бездной, ведущей в «никуда»). Именно терминологическое значение обуславливает и мотивирует фразеологическое значение второго уровня, в результате чего *черная дыра* используется не только в области астрофизики, но и для обозначения любых мест, где все пропадает, исчезает бесследно. Элемент *черный* при метафоризации переносит значение из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу НАТУРФАКТ/АРТЕФАКТ, затрагивая такой признак денотата, как пропасть, бесследность.

ФЕ *черный тюльпан* ‘самолет, который перевозит останки погибших в военных конфликтах современной эпохи’ [Баранов, 2015, с. 881] осмысливается как цветок нехарактерного цвета (черного), символизирующего смерть. В этом случае сфера-источник ЦВЕТ переходит в сферу-мишень АРТЕФАКТ. В основе переноса лежит ассоциация по цвету: *черный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о смерти.

В ФЕ *черное пятно* ‘о чем-л. позорном, порочащем’ [Мокиенко, 2007, с. 550] используется пространственная метафора для означивания всей проблемой области в деятельности человека. В этом случае сфера-источник ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОБЛАСТЬ переходит в сферу-мишень МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ. Компонент *черный* в данном случае соотносится с семантическим компонентом ‘злостный, позорный’.

В ФЕ *черная страница* ‘неудачное время, случай в жизни’ [Бирих, 1996, с. 553] создается метафора, образно уподобляющая определенный период или случай в жизни странице в книге. При интеграции двух метальных пространств активизируется образное значение компонента *черный* – в смысле «неудачный, тяжелый».

ФЕ *с черного хода/ черным ходом* ‘незаконно, обходным путем’ [Жуков, 2015, с. 330] означает нарушение моральных норм и сокрытие этого от большинства заинтересованных лиц. В данном случае сферой-мишенью служит семантическая сфера ЧЕЛОВЕК, в которой переосмыслиется такой признак, как действие человека. Сферой-источником выступает сфера ЦВЕТ, который актуализирует символический образ ЦО *черный* – нелегальность.

Образ ФЕ *черная кошка пробежала/проскочила* ‘о ссоре, размолвке’ [Тихонов, 2004, с. 513–524] создается метафорой, уподобляющей ссору ситуации вторжения в жизнь человека/людей злых, колдовских сил, которые воплощены в образ *черной кошки*. В данном случае сферой-мишенью служит семантическая сфера ЧЕЛОВЕК, в которой переосмыслиется такой признак, как речевой акт человека. Сферой-источником стала сфера ЦВЕТ. Здесь активизируется символика черного цвета, которая в русской культуре соотносится с демоническими силами, тем самым вызывает представление о неприязни, недоброжелательности по отношению друг к другу, возникающей помимо воли людей.

ФЕ *держат в черном теле* ‘сурово обращаться с кем-л., заставляя много работать, не позволяя нежиться’ [Бирих, 1996, с. 567] осмысливается как лишение организма необходимого количества еды и воды. В этом случае сфера-источник ЦВЕТ переходит в сферу-мишень ЧЕЛОВЕК, затрагивая такой признак, как состояние комфорта человека. В основе переноса лежит ассоциации по цвету: *черный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о страдании, тяготах, вызванных отсутствием комфорта.

Образ ФЕ *рисовать черными красками/наводить черную краску* ‘представлять кого-л. или что-л. в неприглядном свете’ [Тихонов, 2004, с. 747] создается метафорой, уподобляющей неприятный образ рисованию черными красками. В общем пространстве представлена ситуация «описать или показать какие-л. предметы или какого-л. человека в определенном виде».

Основой метафоризации служит перенос по цвету: *черный* в сочетании со словом *краска* ассоциируется с грязью и неприглядностью. Языковая единица *черный* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЧЕЛОВЕК, затрагивая такой признак, как действие человека, т. е. отношение к другим людям или к какому-л объекту. Значение ФЕ *мазать черной краской* ‘клеветать, позорить кого-, что-л.’ [Бирих, 1996, с. 314] формируется по такому же когнитивному механизму. Разница в том, что *мазать черной краской* соотносится с бытовавшим обычаем: вымазать дегтем (черной краской) ворота в доме, где живет молодая женщина или девушка – значит, ее опозорить. Компонент *черный* в данном случае связан с негативной символикой.

В ФЕ *записан в черной доске* ‘о человеке, который находится на дурном счету, у которого дурная репутация’ [Бирих, 1996, с. 166] представления о социальном статусе человека характеризуются через ЦО *черный*, которое актуализирует признак, выраженный в переносном значении «плохой, дурной». Здесь выбран перцептивно воспринимаемый эмпирический образ: оценка человеком мира и окружающих людей делится на «хорошо» и «плохо». Блок «плохо» в данном случае уподобляется черной доске.

Таким образом, при полном метафорическом переосмыслении устанавливается сложная имплицитная связь между компонентами ФЕ. Компонент-цветообозначение *черный* активно участвует в создании целостного смысла колористических фразеологизмов, подвергаясь метафорическому переосмыслению. Фразеологизмы с компонентом-цветообозначением образуются с помощью объединения ментальных пространств двух элементов, один из которых – ЦО *черный*. В процессе метафорического переосмысления представленных ФЕ *черный* актуализует новые смыслы, а именно: *неизвестность, пропасть, смерть, злобность, неудача, скрытность, незаконность, неприязнь, страдание, отрицательность*. ЦО *черный* в качестве одного из источников создания

фразеологической номинации проецируется на такие концептуальные сферы, как

- «человек»; сюда входят субконцептуальные сферы «действие человека» (*с черного хода*), «речевой акт человека» (*черная кошка пробежала/проскочила*), «состояние здоровья человека» (*держат в черном теле*); «социум» и ее субконцептуальная сфера «явление» (*черный ящик*);
- «артефакт» (*черный тюльпан, черная дыра*);
- «натурфакт» (*черная дыра*) и «время» (*черная страница*);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

«Метонимическая модель перекатегоризации действительности реализуется в том случае, когда познаваемый объект соотносится не с категорией в целом, а с ее частью, субкатегорией, которая функционально способна заменить целое (катеорию)» [Алефиренко, 2002, с. 211]. Так, человек определенной профессиональной принадлежности / рода деятельности соотносится с деталью одежды или с цветом одежды. Типичная модель метонимических преобразований может быть представлена следующим образом: «название предмета, имеющего характерную цветовую окраску → владелец этого предмета». Например, *черные береты* ‘морские пехотинцы’ [Мокиенко, 2007, с. 38].

Наименование болезни может реализоваться путем указания на ее симптоматические признаки. Для колористических фразеологизмов типичная модель метонимических преобразований может быть сформирована как «симптом, характеризующийся изменением цвета → болезнь, имеющая этот симптом». Например, *черная ножка* ‘болезнь растений: почернение и загнивание корневой шейки и нижней части стебля’ [Тихонов, 2004, с. 746], *черная вода* ‘болезнь глаз’ [Мокиенко, 2007, с. 90] (при заболевании появляется помутнение хрусталика). Следует отметить, что ФЕ *черная смерть* ‘чума’ [Тихонов, 2004, с. 379] использована для обозначения болезни

путем указания не только на ее симптоматические признаки (при заболевании на коже появляются большие кровоподтеки синевато-черного цвета, сливающиеся вместе), но и на ее следствие (смерть).

Метонимическая модель «предмет, ассоциирующийся с определенным временем года → время, пора» представлена во фразеологизме *черная тропя* ‘осенние холода до выпадения снега’ [Тихонов, 2004, с. 746].

Таким образом, в колористических фразеологизмах полного метонимического типа (структурный тип ММ) цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания является одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации. В большинстве случаев прилагательное-цветообозначение входит в периферию семантики ФЕ, тем не менее его присутствие ощущается в образном слое значения вторичного языкового знака. При полном метонимическом переносе ЦО *черный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» (*черные береты*), «болезнь» (*черная ножка*), «время» (*черная тропя*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

Перифрастические ФЕ с компонентом *черный* возникают на базе отдельных слов, как правило, на базе нетривиального сочетания слов, что сигнализирует о наличии семантического сдвига. Такие перифрастические ФЕ образуются путем указания на особые признаки, представляющие явления действительности, в нашем случае, на цветовой признак. Например, в ФЕ *черное золото* ‘1) нефть; 2) каменный уголь’ [Тихонов, 2004, с. 445] указывается на цвет нефти и каменного угля. В ФЕ *черный дракон* ‘о селевом потоке’ [Мокиенко, 2007, с. 200] отмечается цвет селевого потока. В ФЕ *черный кирпич* ‘плиточный чай’ [Мокиенко, 2007, с. 284] подчеркивается цвет чая. В ФЕ *черный квадрат* ‘доска’ указывается на цвет доски [Мокиенко, 2007, с. 282]. Разумеется, целостный смысл этих ФЕ образован еще

посредством метафоризации первых референтов по сходству функции (нефть, уголь – ценные полезные ископаемые ресурсы, подобно золоту) и по сходству формы (форма селевого потока похожа на форму дракона, форма плиточного чая сходна с формой кирпича, форма доски похожа на форму квадратного предмета).

Исходя из вышеуказанных примеров, можно сделать вывод, что при метонимически-метафорическом переносе компонент-цветообозначение *черный* в колористических фразеологизмах сохраняет цветное значение, выступая как доминирующий признак денотата. При этом ЦО *черный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как

- «**натурфакт**», в которую входят субконцептуальные сферы «минералы» (*черные береты*), «стихийные бедствия» (*черный дракон*) и «продукты питания» (*черный кирпич*);

- «**артефакт**» (*черная доска*);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В ФЕ *черная кость* ‘устар. кто-либо незнатного, не дворянского происхождения (в дореволюционной России)’ [Тихонов, 2004, с. 748] сфера-источник ЦВЕТ соотносится со сферой-мишенью ЧЕЛОВЕК, при этом затрагивая социальное положение человека. У компонента *черный* появляется образ «X является незнатным, не дворянским происхождением», когда он соединяется с ментальным пространством *кость*, которое активизирует препозиционный образ «X является человеком», образовавшийся посредством метонимии через перенос «часть – целое»: «кость человека – это весь человек». Основанием для такой метафоры послужил перенос по цвету: кожа у человека черная, грязная из-за тяжелой работы, следовательно, такой человек происходит из низшего сословия.

Аналогично во ФЕ *черная душа/сердце* ‘недобрый, злой человек’ [Тихонов, 2004, с. 748] семантическая сфера ЦВЕТ выступает как сфера-источник, а сферой-мишенью становится семантическая сфера ЧЕЛОВЕК, при этом затрагиваются качества его характера. У компонента *черный* появляется образ «Х является недобрым, злым», когда он соединяется с ментальным пространством *душа/сердце*, которое активизирует препозиционный образ «Х является человеком», образовавшийся посредством метонимии через перенос «часть – целое»: «душа/сердце человека – это весь человек». Компонент *черный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о злобе.

Таким образом, в колористических фразеологизмах при метафорически-метонимическом переносе компонент-цветообозначение *черный* подвержен метафорическому переосмыслению, а другой компонент метонимически соотносится с обозначаемым. *Черный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальную сферу «ЧЕЛОВЕК» и ее субконцептуальные сферы «характер человека» (*черная душа*), «происхождение человека» (*черная кость*).

Фразеологические сочетания с компонентом *черный*:

1) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае компонент-цветообозначение подвергается метафорическому переносу, а второй компонент – сохранять буквальное значение. Как отмечено ранее, большинство колористических фразеологизмов представляет собой двучленную структуру. Следовательно, такая конструкция построена по ономасиологической модели «ономасиологический признак + ономасиологический базис». Такие ФЕ можно рассматривать как потенциальное высказывание (например: *черный посудник* ‘лицо, выполняющее очистку посуды’).

а) ФЕ, обозначающие человека, ориентированные на информацию о его социальном статусе. Переосмысление ЦО *черный* основывается на образных представлениях, ассоциативно связанных с опорным компонентом (существительным). Ср. *черный посудник* ‘лицо/ посудник, которое выполняет очистку посуды’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *черная кухарка* ‘кухарка, которая готовит стол слугам’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *черные люди* ‘люди, которые находятся в низшем разряде’ [Бирих, 1996, с. 357], *черная сотня* ‘вооруженные отряды монархических организаций, возникших в период революции 1905–1907 гг.’ [Антонова, 2010, с. 914]. Компонент *черный* в данных случаях указывает на низкий (непривилегированный) социальный статус человека.

б) ФЕ, служащие для обозначения психического состояния человека. Прилагательное *черный* указывает на высокую степень чувства, что обычно оценивается отрицательно. Например, *черная неблагодарность* ‘коварство, зло вместо признательности, благодарности за услуги, которые были оказаны кому-либо’ [Антонова, 2010, с. 698]; *черная несправедливость* ‘очень большая, вопиющая несправедливость’; *черная скука/тоска* ‘очень скучно’ [Тихонов, 2004, с. 748]; *черная зависть* ‘о желании обладать чем-л., имеющимся у другого, сопровождаемом злобой, досадой’ [Мокиенко, 2007, с. 238]; *черные мысли/думы* ‘зловещие мысли/думы’ [Тихонов, 2004, с. 748]. *Черный* в сочетании с опорным компонентом, который означает определенное чувство или отвлеченное понятие, с одной стороны, указывает на наличие у субъекта сильного чувства, а с другой – реализует такие концепты, как ЗЛОБА, КОВАРСТВО и МРАЧНОСТЬ.

в) ФЕ, обозначающие внешность человека. Ср. ФЕ *черный глаз* ‘о глазах, наводящих взглядом порчу’ [Бирих, 1996, с. 111]. Согласно бытующему в наивном сознании представлению, *черный глаз* обладает способностью приносить другому человеку несчастье или причинять вред, когда люди смотрят на него. ФЕ осмысляется как обладание силой, символизирующей зло.

Поэтому в данном случае *черный*, выступая СИМВОЛОМ ЗЛА, актуализует коннотацию ‘вредоносный’.

г) ФЕ, характеризующие речь и действие человека. Переосмысление ЦО *черный* основывается на образных представлениях, ассоциативно связанных с содержанием речи и особенностями поступка человека, часто неодобряемыми номинатором. Ср. *черное слово* ‘ругательство, бранное выражение’ [Мокиенко, 2007, с. 621], *черное дело/черные дела* ‘злостный, коварный поступок’ [Мокиенко, 2007, с. 182] и вторичную ФЕ *сделать свое черное дело* ‘совершать что-л. нехорошее, несущее беду другим’ [Бирих, 1996, с. 148]; *черная контрреволюция* ‘деятельность любых инакомыслящих’ [Тихонов, 2004, с. 748]. *Черный* в данных случаях актуализирует значение «БРАННЫЙ, ЗЛОСТНЫЙ».

д) ФЕ, характеризующие отношение человека к жизни. Ср. *видеть все в черном свете/цвете* ‘видеть все пессимистически, в неприятном виде’ [Бирих, 1996, с. 519]. ФЕ выражает отрицательное отношение человека к жизни. *Черный* в данном случае актуализирует семантический компонент ‘пессимистический’.

е) ФЕ – названия артефактов. Поскольку артефакты создаются в результате целенаправленной деятельности человека, то своеобразным ключом для их декодирования является фраза «предназначен для, служит для». Ср. *черный двор* ‘задний двор, который предназначен для скота, птицы’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *черная доска* ‘доска, которая предназначена для записи имен заслуживших порицание’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *черная книга* ‘1) книга, которая предназначена для записывания имен провинившихся и их проступков; 2) книга, которая предназначена для записывания колдовских, волшебных историй’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *черные списки* ‘1) списки, которые служат для записывания революционно настроенных рабочих, нигде не принимаемых на работу по общему уговору владельцев; 2) тайно составленные списки, которые служат для записывания неугодных властям

лиц для расправы над ними'. [Тихонов, 2004, с. 747]; *черный список* 'список, который предназначен для записи подозрительных, неблагонадежных лиц' [Мокиенко, 2007, с. 637]; *черная метка* 'метка, которая служит для предупреждения человеку о будущих неприятностях из-за того, что он создал проблемы кому-то другому' [Баранов, 2015, с. 469]; *черный рынок/биржа* 'рынок/биржа, который/которая служит для нелегальных валютных сделок, спекуляций' [Тихонов, 2004, с. 747]; *черный шар* 'шар, который предназначен для голосования, означая «против избрания»' [Тихонов, 2004, с. 746]; *черный пол* 'такой пол, который находится под чистым полом, служит для выравнивания поверхности пола' [Тихонов, 2004, с. 747]; *черный пиар* 'пиар, который служит для создания негативного образа какого-либо проекта или лица' [Жуков, 2015, с. 396]. Компонент *черный* в вышеуказанных примерах подвергается метафорическому переосмыслению, реализуя такие семантические признаки, как НЕПАРАДНЫЙ (дом, двор, вход и т. д.), ВИНОВНОСТЬ, ВОЛШЕБСТВО, НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЕ ЛИЦА, УГРОЗА, НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ, НЕСОГЛАСИЕ, СКРЫТОСТЬ и НЕГАТИВНОСТЬ.

е) ФЕ, обозначающие качество или состояние объекта. Для компонентов таких ФЕ характерны отношения, эксплицируемые формулой «то, что является следствием, вызванным причиной X». Ср.: *черная печь* 'печь без дымохода' [Тихонов, 2004, с. 747] ← печь, ставшая черной вследствие того, что не установлен дымоход; *черная изба* 'курная изба' [Тихонов, 2004, с. 747] и *черная баня* 'курная баня' [Тихонов, 2004, с. 747] ← изба или баня, приобретшие темную окраску вследствие отсутствия дымохода. В данном случае *черный* обладает и «цветовой», и «нецветовой» характеристикой, переосмысливается как ГРЯЗНЫЙ.

ж) ФЕ, обозначающие временные отрезки. Компонент *черный* указывает на то, что происходит в этот период, в том числе на чувства, которые испытывают люди в этот период. Ср. *черная суббота* '1) день в первый из двух выходных дней недели по квартальному графику рабочего времени, в

которое люди работают без оплаты; 2) первый выходной день недели, в который произошло какое-то неприятное событие, вызвавшее большой резонанс в обществе, во время которого пострадало много людей' [Баранов, 2015, с. 835]; **черная полоса** 'период, в который испытываются временные трудности, неудачи' [Жуков, 2015, с. 385]; **черный день** 'трудное, мрачное время в жизни кого-либо' [Бирих, 1996, с. 154] и в созданной на его основе ФЕ **на/про черный день** 'на случай острой нужды, необходимости (иметь, хранить, откладывать)' [Жуков, 2015, с. 203]. Компонент **черный** в вышеуказанных примерах подвергается метафорическому переосмыслению, реализуя такие семантические признаки, как НЕПРИЯТНОСТЬ, НЕУДАЧА, ТРУДНОСТЬ.

з) ФЕ – названия абстрактных явлений и их знаково-символических обозначений. Ср. **черная сила** 'нечистая сила' [Тихонов, 2004, с. 748]; **черная магия** 'волшебство с помощью адских сил' [Тихонов, 2004, с. 748]. **Черный** в христианском сознании символизирует греховно-дьявольские силы и, следовательно, ассоциируется с НЕЧИСТОТОЙ и АДОМ.

К данной группе относятся и сравнительные фразеологические обороты с ЦО **черный**: **черный как смоль/уголь/сажа** – 'очень черный' [Тихонов, 2004, с. 745]. В данном случае **черный** в качестве основания сравнения сохраняет свое первично-номинативное значение, а объект сравнения, то есть второй компонент, подвергается семантической трансформации, суть которой заключается в том, что средство сравнения претерпевает ослабление собственного лексического значения и наделяется цветовым признаком, традиционно заложенным в представление об означаемом предмете. Компаративные ФЕ характеризуются относительной свободой реализации сочетаемостных свойств:

а) о цветовой характеристике внешности человека (лицо, ресницы, глаза и т. д.): *Лицо аббата также оказалось **черным как сажа** и морщинистым, как сушеное яблоко.* [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru/> Дата обращения: 31.01.2021]; *Длинные **черные как смоль** волосы заплетены в косы и изящно*

уложены вокруг головы [Там же]; *Высокая, женственная, с темными волосами и бледным лицом, подчеркивающим ее величественность, с **черными как уголь** глазами и полными розовыми губами.* [Там же].

б) об артефактах (одежде и т. д.): *Они одеваются во все черное, подобно воронам, и лишь их предводитель носит белую рубашку под **черной как сажа** курткой* [Там же]; *Я молчал и смотрел, как на его голове пульсирует **черный как уголь** футбольный мяч;* [Там же].

в) о натурфактах (стихийных явлениях, природных веществах и т. д.): *В несколько секунд небо стало **черным как сажа*** [Там же]; *Они отражались в блестящих глазах **черного как уголь** ворона, сидевшего на каминной полке* [Там же]; *Там, где произошел взрыв, среди сланцевых пород я увидел в толще скалы **черный как смоль** камень* [Там же].

Таким образом, ФЕ с компонентом *черный*, созданные единицами языка с частично метафорическим переосмыслением, составляют наибольшую долю выражений среди остальных ФЕ с компонентом *черный* (36 из 84 единицы). Рассматриваемые ФЕ могут разворачиваться в соответствующую потенциальную предикацию. При этом опорное слово – конституент (существительное) сохраняет прямое значение, зависимое слово – конституент (прилагательное *черный*) метафорически переосмысливается. В данном случае *черный* служит источником создания ФЕ для образных наименований «человека», в том числе внешности (*черный глаз*), психического состояния (*черные мысли*), социального статуса (*черные люди*), речи и действия человека (*черное слово*); «артефакта» (*черный двор, черный шар*), «времени» (*черная суббота*), и «сверхъестественного» (*черная магия*).

Следует отметить, что в данную группу входят и компаративные обороты с компонентом *черный*, который способен вступать в ассоциативную связь с наименованием, представляющим собой устойчивый сравнивающий элемент (*смоль, уголь, сажа*). Компаративные обороты с компонентом *черный*

могут применяться к относительно широкой области характеризуемых объектов;

2) ФЕ, репрезентирующие частично-метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип МН)

В эту группу входят те ФЕ, в которых компонент *черный* подвергается метонимическому переосмыслению, а другой компонент сохраняет его буквальное значение. Ср. *черное духовенство* ‘духовенство, которое подавало пример служения Богу’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черный поп* ‘поп, который служит в сане священника’ [Тихонов, 2004, с. 746]. Колоратив в составе ФЕ соотносится с цветовой характеристикой облачения лиц, имеющих отношение к религии, и становится одним из образов, положенных в основу номинации функциональных имен в целом. В ФЕ *черный арап* ‘арап, который является обитателем Аравии и Африки, негр’ [Бирих, 1996, с. 30] компонент *черный* указывает на цвет кожи означаемого лица.

ФЕ с компонентом *черный* могут использоваться для обозначения различных терминов, являясь результатом частично-метонимического переосмысления прототипов ФЕ. В медицинской терминологии встречаются фразеологизмы *черная немочь* ‘падучая болезнь’ [Тихонов, 2004, с. 655] и *черная оспа* ‘геморрагическая оспа’ [Тихонов, 2004, с. 748] для обозначения болезни. Элемент *черный* связан с симптомами болезни, указывая на нездоровый вид человека: при припадке падучей болезни лицо становится иссиня-черным; на последней стадии геморрагической оспы пораженное место покрывается корочкой черного цвета.

Термин, относящийся к сфере сельского хозяйства, представлен как ФЕ *черный пар* ‘чистый пар, обработка которого начинается с осени’ [Тихонов, 2004, с. 789], где цветокомпонент указывает на цвет земли. В промышленной сфере встречается ФЕ *черная металлургия* ‘отрасль тяжелой промышленности, занимающая получением черных металлов из руд и первичной обработкой этих металлов’ [Тихонов, 2004, с. 746], где компонент

черный соотносится с цветом металлов, которые в данной отрасли производятся.

Образная характеристика погодных явлений реализована в ФЕ *черная буря* ‘буря, развевающая поверхностный слой чернозема или иных почв’ [Тихонов, 2004, с. 746], где колоратив *черный* намекает на цвет земли, которая развеивается сильным ветром.

Таким образом, в данной группе для экспликации цветового признака недостаточно простой трансформации, так как компонент *черный* указывает не на цвет денотатов, а на цвет компонента, атрибута, являющегося составной частью денотатов. *Черный* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для обозначения функциональных имен (*черный монах*) и для создания терминов: *черная оспа*, *черная металлургия* и т.д.;

3) ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов

В данном случае ЦО в составе ФЕ непосредственно соотносится со своим прямым цветовым значением. При трансформации ФЕ цветовой признак находится на первой ступени деривации. Например, в ФЕ *черный кофе* ‘кофе без молока, сливок’ [Тихонов, 2004, с. 746] связанное значение прилагательного *черный* указывает на вид напитка, в котором отсутствуют молоко и сливки. Мотивом для выбора компонента *черный* является цвет реалии: кофе без молока и сливок имеет действительно черноватый оттенок. Здесь речь идет о семантической специализации, то есть колористические фразеологизмы, представленные бинарной моделью «прилагательное-цветообозначение + существительное», где адъективный компонент выступает в качестве зависимого компонента, а субстантивный компонент играет роль опорного, образуются путем сужения значения исходного свободного словосочетания. В отличие от свободных сочетаний, компонент-прилагательное в ФЕ обозначает не цветовой признак, а выделяет денотат в

новый конкретизирующий вид. Аналогичные ФЕ с компонентом *черный* представлены в следующих случаях:

а) растительный массив: *черный лес* ‘лиственный лес’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черный дуб* ‘моренный дуб’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черное дерево* ‘древесина некоторых ценных пород тропических деревьев очень темной окраски, идущая на выделку высших сортов столярных изделий’ [Тихонов, 2004, с. 746];

б) биологический вид: *черные грибы* ‘грибы, темнеющие при сушке’ [Тихонов, 2004, с. 746];

в) вид пищевых продуктов: *черный хлеб* ‘хлеб из яровой ржи или ячменя’ [Устьянцева, 2017, с. 257];

г) вид напитка: *черный кофе* ‘кофе без молока, сливок’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черный чай* ‘разновидность чая, дающего темный настой’ [Тихонов, 2004, с. 746];

д) вид природных материалов: *черные металлы* ‘железо и его сплавы’ [Тихонов, 2004, с. 746];

е) вид артефактов: *черный замок* ‘железный висячий замок’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черный порох* ‘взрывчатая смесь из калиевой селитры, серы и угля’ [Тихонов, 2004, с. 746]; *черная дорога* ‘автогужевая дорога, покрытая смолистыми веществами’ [Тихонов, 2004, с. 746].

Промежуточные выводы:

1. Деривационный потенциал ЦО *черный* в актах фразеоморфоза связан со степенью семантической слитности ФЕ. ФЕ с колоративом *черный* оказываются устойчивым оборотами с живой образностью. Значения в их составе являются мотивированными. Поэтому в данной совокупности лексических единиц отсутствуют фразеологические сращения.

2. Фразеологические единства с компонентом *черный* характеризуются семантической цельностью. В них входят ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое (*черный ящик, черная дыра* и т. д.) (12 единиц) и полное

метонимическое (*черные береты, черная ножка* и т. д.) (5 единиц) преобразование мотивирующих компонентов; также наличествуют ФЕ с метонимически-метафорическим (*черное золото, черный дракон* и т. д.) (4 единицы) и метафорически-метонимическим (*черная кость, черная душа* и т. д.) (4 единицы) переосмыслением ЦО. Семантика колористических фразеологических единств обусловлена имплицитными связями между составляющими компонентами.

3. В процессе образования фразеологических сочетаний с компонентом *черный* сохраняется семантическая отдельность компонентов. Это значит, что в процессе образования колористических фразеологизмов значение компонента-цветообозначения *черный* либо непосредственно коррелирует с его первично-номинативным значением, т.е. в ФЕ адъективный член так или иначе сопряжен с соответствующим цветом (*черный хлеб, черный кофе* и т. д.) (11 единиц), либо опосредованно связан с одним из его вторично-номинативных значений, в этом случае признак цвета еще более условно характеризует определяемое благодаря метафорическому (*черный список, черная магия* и т. д.) (36 единиц) или метонимическому переносу (*черный поп, черный пар* и т. д.) (7 единиц). В данных случаях актуальны фразеомообразовательные структуры КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип) или НК (номинативный тип + релятивно-компаративный тип).

4. Число ФЕ с компонентом *черный* – 83 из 317. ЦО *черный* в составе ФЕ обладает ярко выраженной негативной коннотацией. *Черный* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *черный*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек» (среди них внешность человека – 4, характер человека – 3, психическое состояние человека – 7, отношение человека к жизни – 1, профессиональная или социальная принадлежность человека – 9, действие человека – 14),

«социум» (среди них медицинские термины – 5, астрофизические термины – 1, политические термины – 1, сельскохозяйственные термины – 1, промышленные термины – 1, метеорологические термины – 1, названия явлений и их знаково-символические обозначения – 5), «артефакт» – 20, «натурфакт» (среди них состояния природы и погодные явления – 2, растения – 4, минералы и химические вещества – 3), «время» – 4. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что *черный* активно используется для номинирования в сферах «человек» и «артефакт».

3.2.2. Фразеологизмы с цветообозначением «белый»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *белый*:

- 1) X (Объект) символизирует чистоту, наивность;
- 2) X символизирует ясность и мудрость;
- 3) X символизирует духовность и святость;
- 4) X символизирует отсутствие цвета;
- 5) X символизирует траур и смерть.

На основании анализа материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *белый*:

- 1) X подобен цвету снега, молока, мела (противопоставлен черному);
- 2) X подобен цвету кожи;
- 3) X является ясным, светлым;
- 4) X соотносится с тем, что указывает на противников советской власти;
- 5) X является предназначенным для повседневных нужд.

Фразеологические единства с компонентом *белый*:

- 1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

К этой группе относятся ФЕ, основанные на переменных сочетаниях, метафорически соотносимых с обозначаемым. Например, в ФЕ *белая ворона* ‘о том, кто выделяется чем-л. среди окружающих людей, непохож на них’ [Тихонов, 2004, с. 44] актуализируется метафоризируемый образ «Х является отличающимся от других членов данного сообщества». В данном случае сфера-источник СТАЯ ВОРОН с подфреймом ВОРОНА соотносится с подфреймом ЧЕЛОВЕК сферы-мишени СОЦИУМ. Метафоризация касается нетипичных свойств человека, отличающих его от других. В основе переноса лежит ассоциация по цвету вороны: *белый* является цветом, нехарактерным для вороны. Причина выбора ЦО *белый* связана с противопоставлением белого черному (как нетипичного типичному).

ФЕ *белое пятно/место* имеет два значения: ‘1) неизученная или малоизвестная часть территории; 2) нерешенный вопрос, проблема’ [Жуков, 2015, с. 20]. В первом случае метафорическому переосмыслению подвергается картографический термин: на географических картах неисследованные территории отмечаются *белым* цветом. Терминологическое значение обуславливает и мотивирует фразеологическое значение второго уровня, в результате чего *белое место* метафорически используется в области деятельности человека. Языковая единица *белый* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЯВЛЕНИЕ. В основе переноса лежит ассоциация по цвету: *белый* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о неизведанности, загадочности (белый цвет – цвет отсутствия чего-либо).

В ФЕ *доводить до белого каления* ‘лишить кого-л. самообладания, сильно разозлить, рассердить, разъярить’ [Бирих, 1996, с. 242] в основе денотативного аспекта значения лежит указание на интенсивность чувства человека. В качестве аналогии, дающий право на перенос имени, выраженного сочетанием слов, здесь выбран перцептивно воспринимаемый эмпирический

образ: при нагревании перед ковкой металл в зависимости от температуры сначала становится красным, потом желтым, а при очень сильном нагревании – белым. Образ ФЕ создается метафорой, отождествляющей эмоциональное состояние человека и степень нагрева металла. Элемент *белый* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, затрагивая такой его признак, как степень интенсивности чувства.

ФЕ *белыми нитками шито* ‘о чем-л. неумело, неискусно, неловко скрываемом’ [Тихонов, 2004, с. 45] осмысливается по аналогии с заметным швом, цвет которого сильно отличается от цвета материала. В данном случае сферой-мишенью служит семантическая область ЯВЛЕНИЕ, в которой переосмысливается такой признак, как состояние информации, сведений или знаний. ЦВЕТ выступает сферой-источником, благодаря чему реализуется аналогия по параметру «заметность». Разумеется, для понимания мотивировочного признака еще требуется обращение к фоновой информации: данная фраза представляет собой кальку франкоязычного эквивалента *coudre avec du fil blanc*, зародившегося в среде портных. Французские портные пользовались при пошиве одежды из цветных тканей белыми нитками для того, чтобы безошибочно определять, где пройдет шов. Когда одежда была готова полностью, белые нитки удалялись. Однако некоторые портные по невнимательности не полностью удаляли белые нитки с одежды. Из данной ситуации по аналогии выводится актуальное значение ФЕ, а за ЦО закрепляется представление о заметности того, что нежелательно видеть другому.

Образ ФЕ *сказка про белого бычка* ‘бесконечное повторение одного и того же с самого начала’ [Бирих, 1996, с. 55] создается аналогией, уподобляющей жизненную ситуацию, связанную с повторением одного и того же, исполнению докучной сказки, имеющей многократно повторяющийся фрагмент. Компонент *белый* в данном случае имплицитно участвует в

создании целостной семантики ФЕ, отсылая к одному из известных примеров, представляющих данных фольклорный жанр.

Семантическая целостность ФЕ *(дела) как сажа бела* ‘никуда не годится, все плохо’ [Антонова, 2010, с. 168] основана на рифмовке (*дела – бела*), поэтому на закрепление за компонентом *бела* представления о неблагоприятном положении дел повлияла формальная аналогия, выступающая конструктивным принципом создания оборота: *Седни наши дела, конечно, как сажа бела, но придет и нашенска пора... Не горюй!* [Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 19.10.2021)].

Образ ФЕ *белый свет* ‘земля, мир со всем существующим на нем или все населяющие землю люди’ [Телия, 2012, с. 45] основан на пространственно-временной метафоре, в которой видимый земной мир со всем существующим в нем уподобляется физическому природному явлению, т. е. временная характеристика (светлое время дня) переходит на пространственную – свет как земные пределы, в которых протекает жизнь человека. Сочетание компонента *белый* (изначально ‘светлый, прозрачный’) с компонентом *свет* представляет собой, с одной стороны, поэтическое повторение (белый свет – светлый свет), а с другой стороны, свидетельствует о разграничении представлений о времени и пространстве.

От ФЕ *белый свет* происходит образование более сложных вторичных ФЕ, таких как *на весь белый свет* (сердиться, обижаться) ‘очень сильно, на весь мир, на все и на всех’ [Телия, 2012, с. 111]; *на белом свете* (существовать) ‘в окружающем мире, в земной жизни во всех проявлениях’ [Телия, 2012, с. 393]; *на весь белый свет (прославить)* ‘на весь мир, перед всеми людьми, публично’ [Телия, 2012, с. 112]; *невзвидеть белого света* ‘остро ощутить боль, страх, гнев’ [Тихонов, 2004, с. 45], *на белый свет не глядел бы* ‘о состоянии гнетущей тоски, апатии’ [Тихонов, 2004, с. 254] или *не видеть белого света* ‘не иметь покоя, страдать от чего-л.’ [Тихонов, 2004, с. 136];

оставлять (покинуть) белый свет ‘умирать’ [Тихонов, 2004, с. 303]; *один на белом свете* ‘не имеющий близких друзей, знакомых, родственников’; *белый свет не клином сошелся* ‘не все дело в ком-либо или в чем-либо, найдутся и другие люди или места’ [Жуков, 2010, с. 504]; *в белый свет как в копеечку (стрелять)* ‘наугад, не целясь; мимо цели, в воздух’ [Жуков, 2010, с. 72]; *не жилец на белом свете* ‘кто-л. обречен на смерть из-за болезни, увечья, ранения и т. п.’ [Жуков, 2010, с. 335].

Образ ФЕ *принц на белом коне* ‘идеальный образ молодого человека, о котором мечтают девушки’ [burido.ru. URL: <https://burido.ru/619-frazeologizmy-k-kon-i-loshad>. Дата обращения: 15.02.2021] создается метафорой, уподобляющей идеального мужчину, придуманного мечтательной женщиной, принцу на белом коне в сказке. Здесь активизируется символика белого цвета, которая соотносится с положительной оценкой и вызывает представление о чистоте; в ФЕ *на белом коне въезжать* ‘появиться как победитель’ [Тихонов, 2004, с. 46] компонент *белый* тоже обладает позитивной коннотацией, ассоциируясь с победой.

Таким образом, при полном метафорическом переосмыслении устанавливается сложная имплицитная связь между компонентами ФЕ. Компонент-цветообозначение *белый* участвует в создании целостного смысла колористических фразеологизмов, подвергаясь метафорическому переосмыслению. Фразеологизмы с компонентом-цветообозначением образуются с помощью объединения ментальных пространств элементов, один из которых – ЦО *белый*. В процессе метафорического переосмысления представленных ФЕ *белый* актуализирует такие семантические признаки, как *необщительность, неисследованный, раздражение, заметность, свет, чистота и победа*. ЦО *белый* в качестве одного из источников создания фразеологической номинации проецируется на такие концептуальные сферы, как

- «**человек**», в которую входят субконцептуальные сферы «свойства характера человека» (*белая ворона*), «статус человека» (*на белом коне въезжать*), «эмоциональное состояние человека» (*довести до белого каления*);

- «**социум**» и ее субконцептуальные сферы «явление» (*белое пятно*);

- «**натурфакт**» (*белый свет*);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов, одним из которых оказывается ЦО *белый*, могут использоваться для обозначения разных профессий. См. *белые воротнички* ‘о служащих учреждений в некоторых западных странах’ [Тихонов, 2004, с. 171]; *люди в белых халатах* ‘врачи, медицинский персонал’ [Бирих, 1996, с. 357]; *белые каски* ‘полевая разведка’ [Савицкий, 2006, с. 89]. Метонимическая модель данных ФЕ представлена следующим образом: «одежда, имеющая характерную цветовую окраску → владелец этой одежды, который занимается какой-то профессией или относится к какой-то партии».

Одним из вариантов реализации переноса по смежности выступает метонимическая модель «часть вместилища → содержимое», которая отражается в ФЕ *белая головка* ‘о водке’ (по цвету головки бутылки водки) [Тихонов, 2004, с. 44].

Метонимическая образность также реализуется в ФЕ *белая смерть* ‘1) сахар, 2) снежная лавина’ [Мокиенко, 2007, с. 624]. Здесь первичное и вторичное наименование намекают на те последствия, которые вызывает означаемое: избыточное употребление сахара вредно для организма; снежная лавина в горах несет разрушение и смерть. ЦО *белый* указывает на цвет денотатов.

Наименование болезни соотносится с ее симптоматическими признаками. Для колористических фразеологизмов типичная модель

метонимических преобразований может быть сформирована как «симптом, характеризующийся изменением цвета → болезнь, имеющая этот симптом». Например, *белая горячка* ‘психическое расстройство на почве алкоголизма, сопровождающееся сильным возбуждением и галлюцинациями’ [Тихонов, 2004, с. 43] (при белой горячке кожные покровы становятся бледными, белыми); *белая гниль* ‘болезнь растений (подсолнечника, бобовых, овощных культур и т. п.), при которой на пораженных растениях образуется грибница светлого цвета’ [Тихонов, 2004, с. 44].

В основе образования ФЕ с компонентом *белый* может находиться синекдоха; см. *белый билет* ‘свидетельство об освобождении от военной службы’ [Тихонов, 2004, с. 43], где компонент *белый* указывает на цветовой признак билета, вместо его функционального признака (метонимическая модель «часть документа → документ»); *Белый дом* ‘1) здание администрации Президента США в Вашингтоне; 2) здание Правительства Российской Федерации в Москве’ [Жуков, 2015, с. 20], где компонент *белый* указывает на цвет стен учреждения (метонимическая модель «часть здания → учреждение»).

Для наименования безграничного заснеженного пространства используется ФЕ *белое безмолвие* ‘о большом пространстве, покрытом снегом и лишенном признаков жизни’ [Тихонов, 2004, с. 43], в котором метонимическая модель представлена следующим образом: «состояние пространства → пространство». *Белый* намекает на цвет снега, покрывающего пространство.

В ФЕ *белый налив* ‘а) раннеспелая яблоня с кремовыми сочными плодами; б) плоды такой яблони’ [Тихонов, 2004, с. 44] яблоня определенного сорта или ее плоды соотносятся с цветом и сочностью плодов, поэтому фруктовое дерево и его плоды можно охарактеризовать по модели «цвет и сочность плодов → сорт фруктового дерева или его плоды». Компонент *белый* указывает на цвет кожуры яблони данного сорта.

Таким образом, в колористических фразеологизмах полного метонимического типа цветовой атрибут становится одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации. Следует отметить, что, хотя цветовой признак и может рассматриваться в качестве несущественного параметра именуемого предмета, но в ФЕ он становится основным признаком для выделения и обозначения предмета. При полном метонимическом переносе ЦО *белый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как

- «**человек**» и ее субконцептуальную сферу «профессиональная принадлежность человека» (*белые воротнички*);
- «**социум**» и ее субконцептуальную сферу «организация» (*Белый дом*);
- «**артефакт**» и ее субконцептуальную сферу «продукты питания и напитки» (*белая головка, белая смерть*);
- «**натурфакт**» (*белый налив*);
- «**болезнь**» (*белая горячка*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

В данном случае ФЕ образуются, как правило, на базе необычных сочетаний отдельных слов, то есть при образовании ФЕ совмещаются логически несовместимые понятия. При этом компонент-цветообозначение метонимически указывает на цвет денотата, а другой компонент метафорически соотносится с денотатом. Ср. *белый уголь* ‘о движущей энергии воды, используемой в гидростанциях’ [Тихонов, 2004, с. 44] (белый – цвет воды; семантический перенос основывается на сходстве угля с движущей энергией воды по функции: и то и другое выступают ценными источниками энергии); *белое золото* ‘о хлопке’ [Тихонов, 2004, с. 43] (белый – цвет хлопка; семантический перенос основывается на функциональном сходстве золота и хлопка: хлопок – ценный ресурс, подобно золоту).

В ФЕ *белые мухи* ‘падающий снег, снежинки’ [Жуков, 2010, с. 44] компонент *мухи* создает образную основу по сходству формы означающего и означаемого (кружащийся в воздухе мелкий снег напоминает беспорядочно летающих мелких насекомых), а компонент *белый*, представляющий признак снега, выступает дифференцирующим элементом номинации.

ФЕ *белый панцирь* ‘об арктических льдах’ [Мокиенко, 2007, с. 482] тоже подвергается метонимически-метафорическому переосмыслению, где *белый* намекает на цвет льда, а арктические льды уподобляется панцирю по твердости; в ФЕ *белый тигр* ‘о снежной лавине’ [Мокиенко, 2007, с. 664] компонент *белый* указывает на цвет снега, семантический перенос основывается на сходстве между снежной лавиной и тигром, устанавливаемом по скорости их движения.

В русском языке существуют ФЕ, характеризующие наркотические средства и вызываемую ими зависимость. См. *белый порошок* ‘кокаин’ [Мокиенко, 2007, с. 524]; *белая пудра* ‘кокаин’ [Мокиенко, 2007, с. 542]; *белая чума* ‘о наркомании’ [Мокиенко, 2007, с. 743]; *белый дьявол* ‘наркотики’ [Мокиенко, 2007, с. 220]; *белая женщина/леди* ‘героин; кокаин’ [Мокиенко, 2007, с. 228]. Так, кокаин по консистенции сходен с *порошком* и *пудрой*; по влиянию, которое оказывает на человека и общество, подобен *чуме* и *дьяволу*; по признаку (соблазну) сходен с красивой *женщиной*. Компонент *белый* указывает на цвет наркотика.

Таким образом, структурный тип МК заметно отличается от семантически целостных образований. Компонент *белый* выступает как метонимический заместитель денотата, а второй компонент имеет метафорическое значение. ЦО *белый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как

- «**натурфакт**» с субконцептуальными сферами «энергетические ресурсы» (*белый уголь*), «погодные явления» (*белые мухи*), «стихийные бедствия» (*белый тигр*), сельхозкультура (*белое золото*);

- «артефакт» (*белый порошок*);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В данном случае компонент-цветообозначение метафорически переосмысливается, а другой компонент создает метонимическое отношение с денотатом. См. *белая кость/косточка* ‘о знатном происхождении’ [Тихонов, 2004, с. 513], где сфера-источник ЦВЕТ соотносится со сферой-мишенью ЧЕЛОВЕК, при этом затрагивая представление о социальном положении человека. Компонент *белый* отсылает к образу «X является знатым, имеет дворянское происхождение», когда он соединяется с ментальным пространством компонента *кость*, активизирующего препозиционный образ «X является человеком» по схеме «часть – целое» («кость человека – это весь человек»). Основанием для такой метафоры служит перенос по цвету: кожа у человека белая, чистая. Это значит, что он не занимается тяжелой работой. Следовательно, такой человек происходит из богатого, дворянского рода. Тем самым компонент *белый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на концептуальную сферу «человек», объективируя признак социального происхождения.

Фразеологические сочетания с компонентом *белый*:

1) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае компонент-цветообозначение подвергается метафорическому переносу, а второй компонент употребляется в своем первичном номинативном значении. Семантическое несогласование колористических фразеологических сочетаний прогнозирует семантическое осложнение компонентов, обуславливая их переосмысление. Как отмечено ранее, большинство колористических фразеологизмов представляют собой двучленную структуру. Следовательно, такая конструкция построена по ономасиологической модели «ономасиологический признак +

ономасиологический базис». Можно распределить сочетания по следующем тематическим группам при выявлении логико-семантических отношений, связывающих характеризуемый объект:

а) ФЕ, обозначающие психическое состояние человека. Компонент *белый* указывает на степень чувства, что обычно оценивается положительно. См. *белая зависть* ‘о желании обладать чем-л., имеющемся у другого, не сопровождаемом злобой, досадой’ [Мокиенко, 2007, с. 238]. *Белый* в сочетании с опорным компонентом, который означает определенное чувство, с одной стороны, указывает на интенсивность чувства, с другой стороны, реализует семантический признак ОТСУТСТВИЕ ЗЛОДЕЙСТВА;

б) ФЕ, обозначающие человека, ориентированные на информацию о его социальном статусе. См. *белая кухарка* ‘кухарка, готовившая кушанья для господ’ [Тихонов, 2004, с. 45] (в отличие от ФЕ *черная кухарка*). Компонент *белый* в данном случае указывает на высший социальный статус человека;

в) ФЕ, указывающие на какую-либо группу и ее действие. ФЕ *белая гвардия* ‘гвардия, действовавшая против советской власти в период гражданской войны и военной интервенции 1918 – 1920 гг.’ [Тихонов, 2004, с. 45]; *белые эмигранты* ‘массовая эмиграция из России, вызванная военным поражением Белых армий в почти шестилетней Гражданской войне (1917 – 1923)’ [Тихонов, 2004, с. 46]; *белый террор* ‘о массовом истреблении контрреволюцией руководителей и участников революционного движения’ [Бирих, 1996, с. 568]. Значение ФЕ мотивируется символическим значением прилагательного *белый*. В данном случае *белый* – СИМВОЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. Для понимания мотивировочного признака еще требуется обращение к фоновой информации (в советский период цвет – символ политического протеста);

г) ФЕ – названия артефактов. Ср. *белый флаг* ‘флаг такого цвета, служащий знаком прекращения огня, сдачи в плен и т. п.’ [Тихонов, 2004, с. 43], *белый шар* ‘шар, предназначенный для голосования, означавший: «за

избрание»' [Тихонов, 2004, с. 43]. Компонент *белый* в вышеуказанных примерах подвергается метафорическому переосмыслению, реализуя такие семантические признаки, как КАПИТУЛЯЦИЯ и СОГЛАСИЕ;

д) ФЕ, обозначающие качество или состояние объекта. Для компонентов таких ФЕ характерны отношения, эксплицируемые формулой «что является следствием, вызванным причиной X». *Белая изба/баня* 'изба, баня, отапливаемые печью с дымоходом (в отличие от курной/черной избы)' [Тихонов, 2004, с. 45] ← изба или баня, являющиеся чистыми благодаря установлению дымохода. В данном случае *белый* переосмысляется как ЧИСТЫЙ.

е) ФЕ – названия звука. См. ФЕ *белый шум* 'стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону частот' [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru/> Дата обращения: 31.01.2021]. Элемент *белый* при метафоризации (белый свет – это сочетание всех цветов спектра. По аналогии со светом, белый шум – это «смесь» звуков, воспроизводимых одновременно на всех частотах) переносится из сферы ЦВЕТ в сферу ЗВУК, затрагивая качество звука, реализуя семантический признак РАВНОМЕРНЫЙ;

е) ФЕ – имена натурфактов, в которых компонент цвета указывает на предоставляемые привилегии. Например, *белые земли* 'в Русском государстве XVI – XVII вв.: земли феодалов и церкви, частично или полностью освобожденные от уплаты государственных налогов' [Тихонов, 2004, с. 43]. *Белый* в данном случае метафорически переосмысляется, вследствие чего реализуется семантический признак СВОБОДНЫЙ ОТ НАЛОГООБЛАЖЕНИЯ;

ж) ФЕ, служащие для обозначения временных отрезков. Компонент *белый* указывает на яркость этого периода. Ср. *белое утро* 'о рассвете (в отличие от предрассветных сумерек)' [Тихонов, 2004, с. 45]; *белый день* 'а) полный рассвет; б) светлое время дня' [Тихонов, 2004, с. 45]; *белым днем* 'в

светлое время дня’ [Тихонов, 2004, с. 45]; *среди бела дня* ‘днем’ [Тихонов, 2004, с. 45]; *в белый день и по ночам* ‘и днем, и ночью’ [Тихонов, 2004, с. 45]; *до белого света/зари* ‘до рассвета, до утра’ [Тихонов, 2004, с. 45]; *белые ночи/белая ночь* ‘летние ночи в северных широтах, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без наступления темноты’ [Тихонов, 2004, с. 45]. Компонент *белый* в вышеуказанных примерах подвергается метафорическому переосмыслению, реализуя семантический признак СВЕТЛЫЙ.

К данной группе относятся и компаративные фразеологические обороты с ЦО *белый*. ФЕ *белый как лунь* ‘об очень седом человеке’ [Бирих, 1996, с. 352] используется для характеристики седого человека, а *белый как мел/бумага/полотно/стена/смерть* ‘очень белый’ [Тихонов, 2004, с. 44] характеризуются относительной свободой реализации сочетаемостных свойств. См., например,

- о нездоровом цвете лица. *Белый как мел дедушка не проронил ни слова. Тетя по-прежнему кашляла, сыпля вокруг хлебными крошками* [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru/> Дата обращения: 20.02.2021]; *Ему было неловко оттого, что на нем тяжелые коричневые ботинки, а кожа белая как бумага* [Там же]; *однажды на нашу баржу вошел изможденный, худющий, с белым как полотно лицом, дядька* [Там же]; *Ей показалось, что глаза больного жили сами по себе на безжизненном белом как стена лице* [Там же];

- о внешнем виде, обусловленном психическим состоянием: *Белый как мел доктор, из последних сил умиряя волнение, присел на край дивана* [Там же]; - *Не волнуйтесь, – мы просто находимся в зоне турбулентности, – «успокоила» их бортпроводница с белым как бумага лицом* [Там же]; *Отца всегда пугало, когда я делался белым как полотно от припадка вспыльчивости* [Там же]; - *Значит, ты не мой сын! – отчаянно закричала мама и стала белая как стена* [Там же]; *Белый как смерть милиционер то*

застегивал, то расстегивал дрожащими руками верхнюю пуговицу на рубашке. [Там же].

Таким образом, в рассматриваемых ФЕ опорное слово – существительное – сохраняет прямое значение, зависимое слово – прилагательное *белый* – метафорически переосмысливается. *Белый* служит источником создания ФЕ для образных наименований:

- «**человека**», в том числе «психического состояния человека» (*белая зависть*), «социального статуса человека» (*белая кухарка, белые эмигранты*),
- «**артефакта**» (*белый флаг*),
- «**времени**» (*белое утро*),
- «**звука**» (*белый шум*);

2) ФЕ, репрезентирующие частично метонимическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В эту группу входят те ФЕ, в которых компонент *белый* подвергается метонимическому переосмыслению, а второй компонент – сохранять свое первичное номинативное значение. Например, колоратив в составе ФЕ *белое духовенство* ‘низшие священнослужители’ [Тихонов, 2004, с. 43] (в отличие от *черного духовенства*) связан с цветовой характеристикой облачения монахов, и становится одним из образов, положенных в основу номинации функциональных имен в целом.

В ФЕ *белая раса* ‘европеоидная раса’ [Тихонов, 2004, с. 45], *белый арап* ‘араб, белокожий представитель Аравии’ [Бирих, 1996, с. 30], *белый царь* ‘о русском царе (от названия русского царя у восточных народов)’ [Тихонов, 2004, с. 43] компонент *белый* соотносится с цветом кожи человека.

Образная характеристика зимней Олимпиады реализована в ФЕ *белая Олимпиада* ‘о зимних Олимпийских играх’ [Тихонов, 2004, с. 43], где *белый* намекает на цвет снега – атрибута зимы.

Таким образом, в данной группе для экспликации цветового признака недостаточно простой трансформации, так как компонент *белый* указывает не

на цвет денотатов, а на цвет компонента, атрибута, являющегося составной частью денотатов. *Белый* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для обозначения функциональных имен лица (*белое духовенство, белый царь*), типа расы (*белая раса*), а также для обозначения мероприятия (*белая Олимпиада*);

3) ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов

В данном случае ФЕ репрезентируют необразное преобразование мотивирующих компонентов, актуализируя осложненное переосмысление. При этом колористические фразеологизмы, представленные бинарной моделью «прилагательное-цветообозначение + существительное» (где адъективный компонент выступает в качестве зависимого компонента, а субстантивный компонент играет роль опорного), используются для обозначения видовой, сортовой специфики. Эти ФЕ можно разделить на следующие тематические группы:

а) растительный массив: *белый лес* ‘лес с преобладанием лиственных деревьев (березы, осины, липы)’ [Тихонов, 2004, с. 44]; *белая акация* ‘дерево с белыми душистыми цветками, собранными обычно в метельчатые соцветия’ [Тихонов, 2004, с. 44];

б) биологический вид: *белый гриб* ‘боровик’ [Тихонов, 2004, с. 44]; *белая рыба* ‘а) то же, что белорыбица; б) рыба с белым мясом (плотва, судак, сиг и т. п.)’ [Тихонов, 2004, с. 44];

в) вид пищевых продуктов и напитков: *белое мясо* ‘куриное мясо или телятина’ [Тихонов, 2004, с. 44]; *белое вино* ‘светлое виноградное вино’ [Тихонов, 2004, с. 44]; *белый хлеб* ‘пшеничный хлеб’ [Устьянцева, 2017, с. 257];

г) вид природных материалов: *белый камень* ‘известняк’ [Тихонов, 2004, с. 43].

д) вид нервной системы: *белое вещество (мозга)* ‘вещество, состоящее из нервных мягкотных волокон’ [Тихонов, 2004, с. 44].

Промежуточные выводы

1. Деривационный потенциал ЦО *белый* в актах фразеоморфоза связан со степенью семантической слитности ФЕ. ФЕ с колоративом *белый* оказываются устойчивыми оборотами с живой образностью. Значения в их составе являются мотивированными. Поэтому в этой совокупности лексических единиц отсутствуют фразеологические сращения.

2. Фразеологические единства с компонентом *белый* характеризуются семантической цельностью. В них входят ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое (*белая ворона, белыми нитками шито* и т. д.) (20 единицы) и полное метонимическое (*белый билет, белая гниль* и т. д.) (10 единиц) преобразование мотивирующих компонентов, также ФЕ, созданные на основе метонимически-метафорического (*белый уголь, белое золото* и т. д.) (11 единицы) и метафорически-метонимического (*белая кость*) (2 единицы) переосмысления исходных единиц. Семантика колористических фразеологических единств обусловлена имплицитными связями между составляющими компонентом.

3. В процессе образования фразеологических сочетаний с компонентом *белый* сохраняется семантическая отдельность компонентов. Это значит, что в процессе образования колористических фразеологизмов значение компонента-цветообозначения *белый* либо непосредственно коррелирует с его первично-номинативным значением, т.е. в ФЕ адъективный компонент так или иначе сопряжен с соответствующим цветом (*белый хлеб, белый лес* и т. д.) (8 единиц), либо опосредованно связан с одним из его вторично-номинативных значений, в этом случае признак цвета еще более условно характеризует определяемое благодаря метафорическому (*белый зависть, белые эмигранты* и т. д.) (24 единицы) или метонимическому переносу (*белый духовенство, белая раса* и т. д.) (5 единиц). В данных случаях

фразеомообразовательная структура рассматриваемых единиц описывается по формулам КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип) или НК (номинативный тип + релятивно-компаративный тип).

4. Число ФЕ с компонентом *белый* – 81 из 317. ЦО *белый* в составе ФЕ обладает ярко выраженными положительными коннотациями. *Белый* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *белый*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек» (среди них внешность человека – 6, характер человека – 1, психическое состояние человека – 9, профессиональная или социальная принадлежность человека – 11, действие человека – 7), «социум» (среди них медицинские термины – 2, политический термин – 1, физический термин – 1, биологический термин – 1, названия разного рода организаций – 1, названия явлений и их знаково-символические обозначения – 6); «артефакт» – 14; «натурфакт» (среди них состояние природы и погодные явления – 6, растения – 5, животные – 1, минералы и химические вещества – 2); «время» – 7.

5. Древнейшее цветовое противопоставление – черный (плохое, отрицательное, не вызывающее одобрения) и белый (хорошее, положительное, вызывающее одобрение) – ясно отражается в различных фразеологизмах, где совместно встречаются компонент *белый* и *черный* (*черным по белому написано* ‘совершенно определенно, понятно, ясно’ [Бирих, 1996, с. 621]; *называть черное белым* ‘назвать дурное хорошим, принимать дурное за хорошее’ [Тихонов, 2004, с. 747]; *выдавать черное за белое* ‘выдавать плохое, ложное за хорошее, истинное’ [Бирих, 1996, с. 621]).

3.2.3. Фразеологизмы с цветообозначением «красный»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексики *красный*:

- 1) Х (Объект) символизирует огонь, солнце, и жизнь;

- 2) X символизирует радость, праздник, любовь;
- 3) X символизирует агрессивность, опасность, вражду, войну;
- 4) X символизирует физическую красоту;
- 5) X символизирует физическую силу и активность;
- 6) X символизирует шествие, парад и манифестацию.

На основании анализа материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *красный*:

- 1) X имеет окраску одного из основных цветов радуги; цвет крови и его близких оттенков;
- 2) X является знаком, связанным с революционной деятельностью, советским строем;
- 3) X является красивым, прекрасным;
- 4) X является высоко ценящимся, наилучшим;
- 5) X является ясным, ярким, светлым;
- 6) X является счастливым, радостным;
- 7) X является парадным, почетным.

Фразеологические единства с компонентом *красный*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

Метафорическая модель перекатегоризации действительности реализуется в том случае, когда познаваемый объект соотносится с познанным по подобию. Например, ФЕ (*для него*) **как красная тряпка для быка** ‘вызвать открытое возмущение, недовольство, агрессию’ [Жуков, 2015, с. 149] создается метафорой, уподобляющей источник раздражения и возбуждения человека ситуации приведения быка в ярость во время боя. В этом случае сфера-источник ЦВЕТ переходит в сферу-мишень ЧЕЛОВЕК, проецируя идею о раздражителе на человека.

Означаемое ФЕ *красной нитью (проходить, выделяться)* ‘(что-л.) выделяется, подчеркивается в качестве основной идеи’ [Тихонов, 2004, с. 516] и ее деривата *красная нить* ‘основное в чем-либо’ [Жуков, 2010, с. 272] осмысливается как нечто протяженное и зрительно выделяющееся на однородном фоне. Денотативные аспекты данных ФЕ формируются в интеграции ментальных пространств *красная* и *нить*, что приводит к созданию метафорического образа «X является важным, основным». Здесь выбран перцептивно воспринимаемый эмпирический образ: основная идея или главная мысль в образе ФЕ подобны заметной красной нити в полотне. Нить в полотне в функции соединяющего материала сходна с основной идеей, связывающей части рассуждения. Языковая единица *красный* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ДУХОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. В основе переноса лежит ассоциация по цвету: *красный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о яркости, заметности.

В ФЕ *красный следопыт* ‘о человеке (обычно пионере или комсомольце), ведущем на общественных началах поисковую работу по сбору материалов для музеев революционной, боевой и трудовой славы’ [Мокиенко, 2007, с. 617] отражено уподобление по сходству функции, которую выполняют следопыт и человек, занимающийся поисковой работой. *Красный* в данном случае соотносится с признаками РЕВОЛЮЦИОННЫЙ, СВЯЗАННЫЙ С БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВОЙ. В этом случае сфера-источник ЦВЕТ переходит в сферу-мишень ЧЕЛОВЕК, затрагивая такой признак, как характер работы человека. Компонент *красный* в силу связанных с ним ассоциативно-образных признаков вызывает в сознании представление о революции и коммунизме.

Таким образом, при полном метафорическом переосмыслении устанавливается сложная имплицитная связь между компонентами ФЕ.

Фразеологизмы с компонентом-цветообозначением образуются с помощью объединения ментальных пространств двух элементов, один из которых – ЦО *красный*. В процессе метафорического переосмысления представленных ФЕ *красный* актуализирует новые значения – такие семантические признаки, как *вызывающий раздражение, выделенность и имеющий отношение к революционной деятельности*. ЦО *красный* в качестве одного из источников создания фразеологической номинации проецируется на концептуальную сферу «человек», в которую входят такие субконцептуальные области, как «эмоциональное состояние человека» (как *красная тряпка для быка*), «духовная деятельность человека» (*красной нитью проходить*) и «характер работы человека» (*красный следопыт*);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

В данном случае ФЕ создаются на основе полного метонимического осмысления исходных сочетаний; компонент *красный* в сочетании с существительным выступает как ключевой элемент семантики ФЕ. Например, при обозначении партийной принадлежности человека наиболее продуктивным выступает признак цвета одежды, маркирующий принадлежность человека к рангу, группе и т.д. В ФЕ *красные ментики* ‘гусары’ [Савицкий, 2006, с. 89], *красные лампасы* ‘высший комсостав’ [Савицкий, 2006, с. 89], *красный галстук* ‘пионер’ [БАС, 2004, Т. 4, с. 36], *красная шапка* ‘солдат’ [Бирих, 1996, с. 634] (см. также ФЕ *под красную шапку (отдать, пойти и т. д.)* ‘в солдаты (отдавать, пойти и т.п.)’ [Бирих, 1996, с. 635]) все компоненты подвержены метонимическому переосмыслению, представленному по модели «одежда, имеющая характерную цветовую окраску → владелец этой одежды, имеющий какую-либо социальную принадлежность».

ФЕ *красный каблук* ‘щеголь’ [Мокиенко, 2007, с. 269] образована посредством актуализации механизма полного метонимического

переосмысления, осуществляющегося по схеме «обувь определенного цвета → владелец этой обуви, обладающий какими-то чертами характера». Стоит отметить, что для понимания мотивировочного признака необходимо учитывать фоновое знание (красные каблуки в XVIII в. считались отличительной приметой щегольского костюма).

Метонимические наименования организаций закрепляются в ФЕ *красный крест* ‘международная организация помощи больным и раненым во время войны, политическим заключенным, а также всем, нуждающимся в медицинском обслуживании’ [Тихонов, 2004, с. 518], *красный полумесяц* ‘у некоторых народов Востока: добровольное общество с тем же назначением, что у Красного Креста’ [Тихонов, 2004, с. 71], где знак организации используется для обозначения самой организации. Цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания является одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации.

Некоторые ФЕ образованы с помощью механизма полного метонимического переноса, осуществляющегося по схеме «предмет, имеющий знаковую функцию → знак». Ср. *красная ассигнация/бумажка* ‘десятирублевый денежный знак’ [Тихонов, 2014, с. 516], *красный фонарь* ‘условный знак публичного дома’ [Мокиенко, 2007, с. 703], *красная карточка* ‘знак удаления с поля’ [Сосенко, 2016, с. 134]. Компонент *красный* намекает на отличительный цветовой признак означаемого предмета.

Одной из метонимических моделей, значимых для создания ФЕ с ЦО *красный*, является модель «материал, из которого сделано изделия → изделия», что находит свое отражение в ФЕ *красные корочки* ‘1) советский паспорт; 2) диплом с отличием (в вузе, техникуме)’ [Мокиенко, 2007, с. 317]. Компонент *красный* указывает на цвет обложки документов.

ФЕ *красный дракон* ‘Китай’ [Жуков, 2015, с. 165] является образным альтернативным названием КНР. Типичная модель метонимических преобразований ФЕ может быть представлена следующим образом:

«символическое существо какой-л. страны → название страны». ЦО *красный* ассоциируется с китайской культурой, считается символом праздника и торжества.

Таким образом, в колористических фразеологизмах полного метонимического типа цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания становится одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации. ЦО *красный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как:

- «**человек**» и субконцептуальные области «социальная и партийная принадлежность человека» (*красный галстук, красная шапка*), «характер человека» (*красный каблук*);

- «**социум**» и субконцептуальные области «экономика» (*красная ассигнация/бумажка*), «спорт» (*красная карточка*); «страна» (*красный дракон*);

- «**артефакт**» и субконцептуальные области «организация» (*красный крест, красная фонарь*), «документ» (*красные корочки*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

В ФЕ *красный петух* ‘поджог, пожар’ [Жуков, 2010, с. 273] и созданной на ее основе ФЕ *пускать (пустить) красного петуха* ‘поджечь что-л., устроить пожар’ [Тихонов, 2004, с. 825] семантический перенос основывается на внешнем сходстве с птицей: вероятно, и окрас и поведение петуха напоминают языки пламени, что и делает рассматриваемую номинацию эвфемистическим выражением пожара. Компонент *красный* в качестве доминирующего признака огня положен в основу номинации.

В ФЕ *красная девица* ‘о застенчивом, скромном молодом человеке’ [Тихонов, 2004, с. 516] компонент *девица* метафорически подразумевает лицо другого пола, а компонент *красный* подвержен метонимическому

переосмыслению – симптом смущения указывает на личностное качество человека (застенчивость), что иронично оценивается говорящим.

Таким образом, при метонимически-метафорическом переносе компонент-цветообозначение *красный* в составе ФЕ сохраняет цветковое значение, выступая как доминирующий признак денотата. При этом ЦО *красный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» (субконцептуальную область «внешность человека») и «социум» (субконцептуальную область «явление»);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В данном случае компонент-цветообозначение метафорически переосмысливается, а другой компонент задает метонимические связи с означаемым. Например, значение ФЕ *красный угол* ‘культурно-просветительное учреждение клубного типа; помещение, занимаемое таким учреждением’ [Тихонов, 2004, с. 516]; в данном случае компонент *уголок* (часть) используется для идентификации денотата *помещение* (целое), а компонент *красный* метафорически означает то, что связано с революционной деятельностью.

Образ ФЕ *Красная книга* ‘международный реестр, в который заносятся сведения о подлежащих охране редких, исчезающих видах животных и растений’ [Шведова, 2008, с. 376] образуется посредством метонимии через перенос «вместилище – содержание»: реестр является содержанием книги. У компонента *красный* в данном случае активизируется коннотация «запрещающий, сигнализирующий о тревоге».

Таким образом, в колористических фразеологизмах при метафорически-метонимическом переносе компонент-цветообозначение *красный* подвержен метафорическому переосмыслению, а другой компонент метонимически соотносится с обозначаемым. *Красный* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «социум» и

далее субконцептуальную область «организация» (*красный уголок*); «артефакт» и далее субконцептуальную область «документ» (*Красная книга*).

Фразеологические сочетания с компонентом *красный*:

1) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае, компонент *красный* выступает как ономасиологический признак, метафорически конкретизируя основу названия, ономасиологический базис представлен вторым компонентом, который используется в свободном значении, непосредственно отражая явление действительности. Можно указать следующие разновидности тематических групп с точки зрения логико-семантических отношений между конститuentами рассматриваемых ФЕ:

а) ФЕ, характеризующие речь человека. Переосмысление ЦО *красный* основывается на образных представлениях, ассоциативно связанных с содержанием речи. См. ФЕ *для/ради красного словца* ‘о чем-л. сказанном лишь для того, чтобы показать свое остроумие, похвастать’ [Бирих, 1996, с. 532] и образованная от нее ФЕ *красное слово/словцо* ‘остроумное слово, выражение’ [Тихонов, 2004, с. 367]. Образ данных фразеологизмов включен в цветовой код культуры (выражение *красное слово* «в старину значило слово, написанное с красной строки четким красивым почерком [Бирих, 1996, с. 532]), где *красный* соотносится с оценочной, ценностной областью культуры, метафорически уподобляется КРАСИВОМУ;

б) ФЕ, указывающие на какую-л. общность и ее действия. См. *Красная армия* ‘армия Советского Союза’ [Тихонов, 2004, с. 516]; *Красная гвардия* ‘гвардия СССР’ [Тихонов, 2004, с. 516]; *Красный флот* ‘флот СССР’ [Тихонов, 2004, с. 516]; *красный террор* ‘крайние меры, принимаемые революционным правительством для подавления сопротивления классовых врагов и враждебных действий внутренней и внешней контрреволюции’ [Мокиенко, 2007, с. 663]. После Октябрьской революции слово *красный*

пополняется новым значением, символизирующим коммунизм, революцию, советский социалистический строй и «левую» идеологию, что показывает влияние экстралингвистических, особенно историко-культурных факторов на выбор ЦО для создания ФЕ;

в) ФЕ – названия артефактов. Ср. *красная доска* ‘доска, которая предназначена для записи имен и фотографий почетных и лучших производителей в чем-л. в Советском Союзе’ [Тихонов, 2004, с. 517]; *красный диплом* ‘диплом с отличием’ (цвет у такого диплома красный) [Шведова, 2008, с. 590]. Компонент *красный* в вышеуказанных примерах подвергается метафорическому переосмыслению, реализуя такие семантические признаки, как ПОЧЕТ и ОТЛИЧИЕ;

г) ФЕ, характеризующие метеорологические явления и временные отрезки. См. *красное солнце* ‘яркое солнце’ [Тихонов, 2004, с. 517]; *красная заря* ‘яркая заря’ [Тихонов, 2004, с. 517]; *красный день/денек* ‘ясный, погожий день, денек’ [Тихонов, 2004, с. 516]; *красная весна* ‘яркая весна’ [Тихонов, 2004, с. 516]; *красное лето* ‘яркая лето’ [Тихонов, 2004, с. 516]. Переосмысление ЦО *красный* основывается на образных представлениях, ассоциативно связанных с опорным компонентом (существительным). Образная характеристика погодных явлений и времен года посредством ЦО *красный* реализована во ФЕ для подчеркивания яркости и светлости. Р. В. Алимпиева выделяет семантический дифференциальный признак «яркость» как ядерный признак собственно красного цвета [Алимпиева, 1986, с. 69]. Следует отметить, что ФЕ *красная суббота* ‘первый из двух выходных дней недели, когда проводился так называемый субботник – сознательный организованный бесплатный труд на блага общества в свободное от работы время’ [Баранов, 2015, с. 835], *красный день календаря* ‘общегосударственный праздник, выделенный в календаре красным цветом’ [Баранов, 2015, с. 218] и ФЕ *красное число* ‘праздник, который является нерабочим днем’ [Мокиенко, 2007, с. 740] тоже используются для обозначения

временного отрезка, но ФЕ не несут информацию об объективном течении времени, а указывают на происшедшее в этот период. Таким образом, компонент *красный* метафорически переосмысливается, реализуя такие семантические признаки, как ЯРКОСТЬ, БЛАГО (что-то ХОРОШЕЕ);

д) ФЕ – названия мест. См. *Красный пояс* ‘регионы России, где в органах местной власти преобладают коммунисты’ [Мокиенко, 2007, с. 530]. Компонент *красный* указывает на партийную принадлежность власти, господствующей на некоторой территории, и символизирует КОММУНИСТИЧЕСКУЮ идеологию.

ЦО *красный* в качестве источника участвует в создании компаративных фразеологизмов *красный как рак / как кумач / как пион* ‘о покрасневшем от волнения, смущения и т. п. человеке’ [Бирих, 1996, с. 488] для выражения внутреннего состояния (волнения, смущения или застенчивости) человека. В данном случае колоратив выступает тем основанием, посредством которого осуществляется сближение определяемого с определяющим, а второй компонент (*рак, кумач, пион*) подвергается семантической трансформации, суть которой заключается в том, что средство сравнения претерпевает ослабление собственного лексического значения, уточняя цветовой оттенок определяемого: *Мне показалось, что весь зал смотрит на меня, я сидел красный как рак.* (Андрей Макаревич. «Сам овца». Автобиографическая проза (2000 – 2001))» [Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 23.05.2020)]; *Я помню, как поэт Н. А. Бруни, очень милый застенчивый мальчик, вышел оттуда красный, как кумач, со слезами на глазах.* (Г. В. Иванов. Китайские тени (1924–1930) [Там же]; *Она совершенно растерялась и стала бессвязно благодарить мальчика; он, весь красный, как пион, неловко поклонился и отошел к окну, став спиной к действующим лицам сцены.* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят (1871) [Там же].

Таким образом, в исследуемых ФЕ опорное существительное сохраняет прямое значение, а зависимое прилагательное *красный* метафорически переосмысливается. *Красный* служит источником создания ФЕ для образных наименований «человека», в том числе «характеристики речи человека» (*ради красного словца*); составляющих «социума», в том числе «политики» (*Красная армия, красный террор*), «локусы» (*Красный пояс*); «артефакта», в том числе «предметов» (*красный диплом*); «натурфакта», в том числе «погоды» (*красный день*) и «времени» (*красная суббота*).

Следует отметить, что в данную группу входят и компаративные обороты с компонентом *красный*, который способен вступать в ассоциативную связь с наименованием, представляющим собой сравниваемый элемент (*рак, кумач, пион*). Компаративные обороты с компонентом *красный* в большинстве случаев используются для обозначения внутреннего состояния человека;

2) ФЕ, репрезентирующие частично-метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип МН)

В эту группу входят те ФЕ, в которых компонент *красный* подвергается метонимическому переосмыслению, а второй компонент – сохранять свое буквальное значение. Например, в ФЕ *красный обоз* ‘обоз пожарных машин’ [Тихонов, 2004, с. 516] колоратив соотносится с цветовой характеристикой кузова пожарной машины, с одной стороны, а также ассоциируется с цветом огня, с другой стороны. ФЕ *красный звон* ‘звон во все колокола, кроме большого; пасхальный звон’ [Тихонов, 2004, с. 517] имеет отношение к празднику, к сфере ритуала; следовательно, *красный* актуален для пасхи, связан с некоторыми атрибутами этого праздника: пасхальным огнем, окрашенными яйцами.

В лингвистической терминологии встречаем ФЕ *красная строка/строчка* ‘строки в тексте, начинающиеся с отступа’ [Тихонов, 2004, с. 516] и созданная на ее основе ФЕ *с красной строки* ‘со строки, имеющей

небольшой отступ вправо' [Бирих, 1996, с. 555]. Для раскрытия значения ФЕ необходимо обращение к фоновому знанию (в древних рукописях первая буква такой строки отмечалась красной краской). К промышленной терминологии относится ФЕ *красное каление* 'нагрев металла докрасна' [Тихонов, 2004, с. 516], где компонент *красный* указывает на цветовой признак степени нагревания (при нагревании перед ковкой металл в зависимости от температуры сначала светится красным светом).

Таким образом, в данной группе для экспликации цветового признака недостаточно простой трансформации, т.к. компонент *красный* указывает не на цвет денотатов, а на цвет компонента, атрибута, являющегося составной частью денотатов. *Красный* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для обозначения функциональных предметов (*красный обоз*), при создании лингвистического (*красная строка*) и промышленного (*красное каление*) термина, для обозначения звука (*красный звон*);

3) ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов

В данном случае ФЕ с компонентом *красный* формируются посредством безобразного преобразования. Буквальные значения конститuentов входят составной частью в значение ФЕ, становятся внутренней формой ФЕ. Таким образом, компонент *красный* положен в основу номинации, обозначая не атрибуцию цветового признака, существенного для денотата опорного наименования, а новый, конкретизированный вид денотата. В ФЕ с компонентом *красный*, репрезентирующих необразное преобразование, представлены следующие понятийные сферы:

а) растительный массив: *красный лес* 'хвойный лес' [Тихонов, 2004, с. 517];

б) биологический вид: *красное дерево* 'южное дерево из сем. мелиевых с красноватой древесиной' [Тихонов, 2004, с. 516]; *красный перец* 'южное

растение из сем. пасленовых с плодами в виде стручков' [Тихонов, 2004, с. 516]; *красный гриб* 'подосиновик' [Тихонов, 2004, с. 516];

в) вид пищевых продуктов и напитков: *красная икра* 'икра лососевых рыб (кеты, горбуши, нельмы и др.)' [Тихонов, 2004, с. 516]; *красное вино* 'вино, изготовляемое из темных сортов винограда' [Тихонов, 2004, с. 516];

г) вид природных материалов: *красная медь* / *красное золото* 'медь, золото (без примеси других металлов), имеющий красный оттенок' [БАС, 2004, т. 8, с. 591]; *красный камень* 'аметист' [Мокиенко, 2007, с. 273]; *красный железняк* 'гематит' [Тихонов, 2004, с. 516].

Промежуточные выводы

1. Деривационный потенциал ЦО *красный* в актах фразеоморфоза связан со степенью семантической слитности ФЕ. ФЕ с колоративом *красный* имеют «живую», «нестершуюся» образность. Поэтому в этой группе ФЕ отсутствуют фразеологические сращения.

2. Фразеологические единства характеризуются семантической цельностью. Они создаются путем полного метафорического переосмысления (*красная нить*) (4 единицы), полного метонимического преобразования (*красная шапка*) (14 единицы), метонимически-метафорического (*красный петух*) (3 единицы) и метафорически-метонимического (*Красная горка*) (2 единицы) переноса.

3. В процессе образования фразеологических сочетаний сохраняется семантическая отдельность компонентов. Это значит, что в процессе образования колористических фразеологизмов значение компонента-цветообозначения *красный* либо непосредственно коррелирует со своим первично-номинативным значением, т.е. в ФЕ адъективный компонент так или иначе сопряжен с соответствующим цветом (*красный лес, красная рыба*) (11 единица), либо опосредованно связан с одним из вторично-номинативных значений (в этом случае признак цвета еще более условно характеризует определяемое благодаря метафорическому (*красная доска*) (20 единиц) или

метонимическому переносу (*красный обоз*) (6 единиц). В данном случае реализуются фразеоморфологические структуры КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип) или НК (номинативный тип + релятивно-компаративный тип).

4. В собранном материале представлено 60 единицы с ЦО *красный* из 317 ФЕ, включающих в свой состав колоративный компонент. ЦО *красный* в составе ФЕ в большинстве случаев обладает ярко выраженной положительной коннотацией. *Красный* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *красный*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие концептуальные сферы, как «**человек**» (включая характер человека – 2, ментальный мир человека – 2, эмоциональное состояние человека – 4, речь человека – 2, профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека – 6); «**социум**» (включая политика – 4, экономика – 2, культура – 4, события или явления – 3); «**артефакт**» (включая 7, пищевые продукты и напитки – 2, организация – 4), «**натурфакт**» (включая состояние природы и погодные явления – 1, растение – 4, животные – 1, минералы и химические вещества – 4, место – 1), «**время**» – 7. Количественные данные отражают частотность рассматриваемых ФЕ при номинировании таких концептуальных сфер, как «человек» и «артефакт».

5. ЦО *красный*, участвующее в создании ФЕ, соединяет лингвистическое и экстралингвистическое содержание. Значение ФЕ с колоративом *красный*, с одной стороны, универсальное для разных языков (см. номинацию-кальку *Красная книга*), с другой стороны, нагружено культурно-историческими ассоциациями и национальной культурной спецификой (*красный звон*).

3.2.4. Фразеологизмы с цветообозначением «желтый»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *желтый*:

- 1) X (Объект) символизирует тепло;
- 2) X символизирует дороговизну и высокое качество товара;
- 3) X символизирует предупреждение;
- 4) X символизирует болезнь, старость и грусть.

На основании анализа собранного материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *желтый*:

- 1) X имеет цвет яичного желтка, спелых злаков, золота;
- 2) X является низкопробным, безнравственным.

Фразеологические единства с компонентом *желтый*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

В процессе образования ФЕ *желторотый птенец* ‘неопытный человек, весьма молодой, наивный человека’ [Антонова, 2010, с. 202] происходит полный метафорический перенос. Образный компонент значения данного фразеологизма создается зооморфной метафорой – уподоблением по сходству недавно вылупившегося из яйца детеныша птицы и не достигшего зрелого возраста, не осведомленного в жизненных делах человека. Элемент *желторотый* при метафоризации переносит значение из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЧЕЛОВЕК, затрагивая свойства характера. При этом компонент *желторотый* осмысливается как ‘не готовый, не способный к самостоятельным действиям и поступкам’. Здесь ощущается отрицательная оценка личностных качеств человека, обусловленных его возрастом: *Ясно, что в его глазах я желторотый птенец*. [Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 25.09.2021)]; *Я так боюсь, что ты вывалишься из него как желторотый птенец!* [Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 25.09.2021)];

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

ФЕ, образованные путем полного метонимического переноса, составляют большинство единиц, представленных среди ФЕ с компонентом *желтый*. При создании колористических ФЕ на основе метонимического переноса сема прямого денотативного значения «цвет» сохраняется. Например, модель «часть → целое» представлена во фразеологизме *желтые страницы* ‘телефонный справочник компаний с общепринятой классификацией по продуктам или услугам’ [Буцева, 2009, с. 578], где компонент *страницы* (часть) используется для идентификации денотата *справочник* (целое), а колоратив намекает на цвет бумаги, на которой изначально печатался справочник.

Метонимический межзнаковый перенос, объективируемый фразеологизмом *желтый дом* ‘больница для страдающих психическими заболеваниями’ [Тихонов, 2004, с. 383] и созданной на его основе ФЕ *отправить в желтый дом* ‘отправить в сумасшедший дом, объявить кого-л. душевнобольным’ [Бирих, 1996, с. 164], происходит по схеме «часть здания для размещения учреждения → учреждение». Колоратив в составе фразеологизма соотносился с цветовой характеристикой стен больницы (стены психиатрической больницы были окрашены в желтый цвет) и стал одним из образов, положенных в основу номинации специализированных учреждений. Для образования ФЕ *желтый билет* ‘официальный документ, выдававшийся вместо паспорта проституткам’ [Тихонов, 2004, с. 383] характерна модель «часть документа → документ», где компонент *билет* представляет один из видов документа, который выдавался на желтом бланке. Стоит отметить, что ФЕ *желтый билет* и *желтый дом* – это устаревшие выражения, требующие для понимания мотивировочного признака обращения к фоновой информации.

В ФЕ *желтая карточка* ‘горчичник, предупреждение в футболе’ [Сосенко, 2016, с.134] объективирован метонимический перенос по модели

«предмет, имеющий знаковую функцию → знак». А признак *желтый* в данном случае представлен не в буквальном значении, а в связанном – ‘выполняющий функцию предупреждения’. Во фразеологизме ЦО *желтый* формирует представление о предупреждении какого-либо лица в связи с его действиями. Первоначально данный семантический признак закрепился за цветом *желтый*, используемым в знаковой системе, связанной с регулированием уличного движения, а затем был заимствован другой (игровой) семиотической системой, в том числе и номинациями, создающими ее.

К данной группе ФЕ с ЦО *желтый* относятся и единицы, выполняющие номинативную (терминативную) функцию: *желтая вода* ‘то же, что глаукома (заболевание глаз, заключающиеся в повышении внутриглазного давления)’ [Тихонов, 2007, с. 32], *желтое пятно* ‘анат. особенно чувствительное к свету место сетчатки глаза у входа зрительного нерва’ [Тихонов, 2007, с. 232]. С точки зрения фразеоморфоза их смысловое значение является осложненным. В этих двух ФЕ объективирован метонимический перенос, в результате которого симптоматический признак переносится на название состояния в целом.

Таким образом, в колористических фразеологизмах полного метонимического типа цветовой атрибут становится одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации. ЦО *желтый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «**болезнь**» (*желтая вода*); «**социум**» и субконцептуальные сферы «спорт» (*желтая карточка*), «организация» (*желтый дом*); «**артефакт**» и субконцептуальную сферу «предметы» (*желтые страницы, желтый билет*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

Создание фразеологических единств с включенным колоративом *желтый* может сопровождаться нетривиальным сочетанием компонентов, свидетельствующем о семантических преобразованиях исходных лексических

компонентов. Это проявляется в приписывании объекту не характерного для него цветового признака. Например, в ФЕ *желтый уголь* ‘о солнце как источнике электроэнергии’ [Тихонов, 2004, с. 383] изменение стандартизированной сочетаемости компонентов целого обусловлено тем, что определяемый элемент (уголь) уподобляется другому источнику энергии – солнцу, означающее которого устойчиво ассоциируется с ЦО *желтый*.

Во фразеологизме *желтый дьявол* ‘о золоте, деньгах, порабащающих людей; о власти капитала’ [Тихонов, 2004, с. 383] семантический перенос основывается на сходстве денег с дьяволом по характеру того влияния, которое они оказывают на человека и общество; включение колоратива *желтый* сужает денотативную область определяемого слова за счет актуализации семантического компонента, указывающего на связь признака с драгоценным металлом, используемым в качестве денежного эквивалента.

Таким образом, при метонимически-метафорическом переносе компонент-цветообозначение *желтый* в колористических фразеологизмах сохраняет цветное значение, выступает в качестве доминирующего признака денотативного образа. При этом ЦО *желтый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «социум» и субконцептуальную сферу «денежные средства» (*желтый дьявол*) и «натурфакт» и субконцептуальную сферу «энергетические ресурсы» (*желтый уголь*).

Фразеологические сочетания с компонентом *желтый*:

1) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае компонент *желтый* представлен как образно-мотивационный признак, а второй компонент – сохранять первичное значение. ФЕ *желтая пресса* ‘о прессе, публикующей в погоне за сенсацией дезинформацию, скандальные сообщения, рассчитанные на обывательские, мещанские вкусы’ [Тихонов, 2004, с. 383] представляет собой кальку

англоязычного эквивалента *Yellow press*, восходящего к тому периоду, когда журналисты более серьезных изданий так называли газеты, сделавшие ставку на преподнесение читателям сенсаций и эмоциональную подачу материала. Метафорическое значение ЦО *желтый* ‘низкопробный, бульварный’ в русском языке актуализируется только в сочетании с существительным *пресса*.

К данной группе относятся и сравнительные фразеологические обороты с ЦО. Компаративным фразеологизмам с колоративом *желтый* свойственно образное представление признака для актуализации цветового оттенка (*желтый как лимон, желтый как воск*). Стоит отметить, что исследуемые фразеологизмы характеризуются относительной свободой реализации сочетаемостных свойств:

желтый как воск:

1) о характеристике блюда: *За щами следовала ботвинья со льдом, с прозрачным балыком, желтой как воск соленой осетриной* (С. Аксаков) [Тихонов, 2004, с. 383];

2) о нездоровом цвете лица: *Зайдем. Иванов лежал, исхудалый, желтый, как воск, с белыми губами, с глубоко провалившимися, окруженными черной каймой глазами. Я взял его худую, еле теплую, маленькую руку* (В. М. Дорошевич. *Сахалин (Каторга)*, 1903) [Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 23.03.2020)].

желтый как лимон:

1) о внешности китайцев: *Индеец был действительно совершенно красный. Китаец – желтый, как лимон. Негр – чернее смолы*. (В. П. Катаев. *Белеет парус одинокий*, 1936) [Там же];

2) о внешнем виде, обусловленном психическим состоянием: *Тальников сделал несчастное лицо и добавил: – Иначе я сойду с ума. Он еще долго просидел на кровати, пугаясь биения своего сердца, жалкий и желтый, как*

лимон, вздрагивая коленями и даже слегка постукивая зубами. (А. Н. Будищев. *Тень*, 1897) [Там же].

Как видно из примеров, колоратив *желтый* сохраняет свое первичное номинативное значение, а второй компонент (*воск*, *лимон*) подвергается семантической трансформации, суть которой заключается в том, что средство сравнения претерпевает ослабление собственного лексического значения и наделяется цветовым признаком, традиционно заложенным в представление об означаемом предмете;

2) ФЕ, репрезентирующие частично-метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип МН)

В эту группу входят те ФЕ, в которых компонент *желтый* подвергается метонимическому переосмыслению, а другой компонент сохраняет свое буквальное значение. Цвет кожи, характеризующийся посредством колоратива *желтый*, может быть признаком, имманентно присущим субъекту или результатом физического недомогания, болезни: ср. *желтая раса* ‘монголоидная раса’ [Тихонов, 2004, с. 383]; *желтая лихорадка* ‘встречающаяся в тропических странах острая инфекционная болезнь, сопровождающаяся желтухой и повышением температуры’ [Тихонов, 2004, с. 383]. В обоих случаях желтоватый оттенок кожи рассматривается как отличительный признак, положенный в основу номинации людей или их болезни. А для понимания ФЕ *желтая сборка* ‘о производстве компьютера в странах Азии’ [Мокиенко, 2007, с. 595] недостаточно простой трансформации, необходимы такие мыслительные операции *желтая сборка* → сборка из Азии → у азиатов желтоватый цвет лица.

Таким образом, при частично-метонимическом преобразовании ЦО *желтый* в контексте ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «национальная принадлежность» (*желтая раса*), «болезнь» (*желтая лихорадка*) и «компьютерный термин» (*желтая сборка*).

Промежуточные выводы

1. Деривационный потенциал ЦО *желтый* в актах фразеоморфозования связан со степенью семантической слитности ФЕ. ФЕ с колоративом *желтый* оказываются устойчивым оборотами с живой образностью. Значения в их составе являются мотивированными.

2. При образовании фразеологических единств с компонентом *желтый* происходит полное метафорическое переосмысление (*желторотый птенец*) (1 единица), полное метонимическое преобразование (*желтый билет*) (6 единиц) и метонимически-метафорический перенос (*желтый уголь*) (2 единицы).

3. В процессе образования фразеологических сочетаний с компонентом *желтый* признак цвета условно характеризует определяемое благодаря метафорическому (*желтая пресса*) (3 единицы) или метонимическому (*желтая раса*) (3 единицы) переносу. В данном случае фразеоморфозовательная структура – КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип) или НК (номинативный тип + релятивно-компаративный тип).

4. Число ФЕ с компонентом *желтый* – 15 из 317. ЦО *желтый* довольно активно участвует в создании ФЕ с негативной окраской. *Желтый* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *желтый*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек» (физическое и психическое состояние – 3, национальная принадлежность – 1); «социум» (экономика – 2, спорт – 1, организация – 1, искусство – 1); «артефакт» (предметы – 2); «натурфакт» (энергетические ресурсы – 1); «болезнь» – 3. Количественные данные отражают высокую частотность рассматриваемых ФЕ в сфере «социум».

3.2.5. Фразеологизмы с цветообозначением «зеленый»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *зеленый*:

- 1) X (Объект) символизирует произрастание, весеннее возрождение природы;
- 2) X символизирует спокойствие и надежду;
- 3) X символизирует юность и неопытность;
- 4) X символизирует зависть, тоску.

На основании анализа собранного материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *зеленый*:

- 1) X характеризует цвет травы, листы, зелени;
- 2) X отождествляется с очень бледным, землистым оттенком (о лице);
- 3) X отождествляется с недозрелым, неспелым (о плодах, злаках).

Фразеологические единства с компонентом *зеленый*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

ФЕ полного метафорического типа характеризуются сопоставлением признаков именуемого объекта с прототипом какой-либо эталонной категории. Например, *зеленая улица* ‘благоприятные условия, дающие возможность кому-л. действовать или чему-л. осуществляться’ [Баранов, 2015, с. 892] и *дать зеленую улицу* ‘создавать благоприятные условия для кого-либо или чего-либо’ [Жуков, 2015, с. 89], а также синонимичные ФЕ *зеленый свет* ‘благоприятные условия, дающие возможность кому-л. действовать или чему-л. осуществляться’ [Баранов, 2015, с. 744] и *дать/открыть зеленый свет* ‘официально одобрить деятельность кого-л. и разрешить ему так же действовать и дальше или официально одобрить осуществление чего-л.’ [Баранов, 2015, с. 743-744]. При употреблении этих ФЕ возникает в сознании

ряд ассоциаций, которые могут быть эксплицированы следующим образом: перекресток; зеленый сигнал светофора; улица с оживленным движением; человек, который переходит улицу на разрешенный сигнал светофора. На основе этих ситуаций создается метафорический образ «что-либо является открытым, доступным, беспрепятственным для кого-либо». В данном случае ЦВЕТ как источник соотносится с понятийной сферой ЯВЛЕНИЕ, метафорически означая доступность, открытость для осуществления чего-либо.

ФЕ *зеленый змий* ‘о водке, алкогольных напитках’ [Бирих, 1996, с. 215] и созданная на ее основе ФЕ *до зеленого змия (пить)* ‘до сильной степени опьянения, до бреда’ [Тихонов, 2004, с. 435] указывают на образное название алкогольных напитков и состояние опьянения. Метафорический перенос основывается на сходстве воздействий, оказываемых алкоголем и змием-искусителем на человека, – обеим сравниваемым сущностям приписывается негативное воздействие на человека. При этом включение колоратива *зеленый* сужает денотативную область определяемого слова за счет актуализации семантического компонента, указывающего на связь с алкоголем (связанное значение единицы *зеленый*, значимое для рассматриваемого оборота, происходит, вероятно, от народнопоэтического оборота *зеленое вино*, в котором вино названо по цвету продукта, из которого оно делается) [Брагина, 1972, с. 88].

Таким образом, *зеленый* в качестве одного из источников создания ФЕ полного метафорического типа проецируется на такие концептуальные сферы, как «явление» (*дать зеленую улицу*) и «напитки» (*зеленый змий*);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

Создание функциональных имен может осуществляться посредством метонимической модели «униформа определенного цвета → человек в этой униформе». Ср. ФЕ *зеленые береты* ‘специальные часть или подразделения в

вооруженных силах США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах' [Мокиенко, 2007, с. 38]; *зеленые фуражки* 'о пограничниках' [Бирих, 1996, с. 598].

Пищевые продукты соотносятся с материалами, из которых приготовлены продукты. Типичная модель метонимических преобразований может быть представлена следующим образом: «материал → продукт, сделанный из него». Например, *зеленый горошек* 'пищевой продукт, изготавливаемый из молодых семян гороха' [Тихонов, 2004, с. 435].

Цветовой образ представлен в описании автоматической системы светофорного регулирования, что актуализируется в ФЕ *зеленая волна* 'свободный проезд (на зеленый сигнал светофора) на всем протяжении пути' [Бирих, 1996, с. 95] по метонимической схеме «знак → способ движения, обозначаемый им».

Таким образом, колористические ФЕ с компонентом *зеленый*, репрезентирующие полное метонимическое преобразование, могут использоваться для обозначения профессиональной принадлежности человека (*зеленые фуражки*), пищевых продуктов (*зеленый горошек*) и состояния уличного движения (*зеленая волна*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

В данном случае ФЕ образуются, как правило, на базе необычного сочетания слов, т.е. при образовании ФЕ совмещаются логически несовместимые понятия. При этом компонент-цветообозначение метонимически указывает на цвет денотата, а другой компонент метафорически соотносится с денотатом. Так, немало ФЕ с компонентом *зеленый* используются для обозначения леса, уподобляя лес близкому человеку, легким и золоту: ср. *зеленый друг* 'о лесе, зеленых насаждениях, отдельных деревьях' [Бирих, 1996, с. 169]; *зеленые легкие планеты* 'о растениях (особенно лесах)' [Мокиенко, 2007, с. 354]; *зеленое золото* '1) лес;

2) чай' [Мокиенко, 2007, с. 257]. ЦО *зеленый* указывает на типичный цвет леса, с одной стороны, а в целом ФЕ образованы посредством метафоризации референтов по сходству их функции (лес и друг – оказание нам поддержки; лес и легкие – предоставление кислорода, который является необходимым для жизни; лес и золото – ценные ресурсы) – с другой.

При описании листвы используется ФЕ *шлем зеленый* 'о листве на деревьях' [Бирих, 1996, с. 639]. Компонент *шлем* создает образную основу по сходству функции означающего и означаемого (листва, как шлем, закрывает ствол и ветви дерева), а компонент *зеленый*, указывающий на окраску листьев, выступает дифференцирующим элементом номинации.

В процессе метафоризации может происходить основанный на синестезии сдвиг из области зрительной модальности в сферу звукового чувственного восприятия, например, *зеленый шум* 'о пробуждении природы весной' [Бирих, 1996, с. 640]. Компонент *зеленый* в данном случае намекает на доминирующий признак определенного времени года, отличающий его от предшествующего – зимнего – сезона.

Таким образом, при образовании ФЕ метонимически-метафорического типа компонент *зеленый* выступает как доминирующий признак денотата. При этом ЦО *зеленый* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «**натурфакт**» и субконцептуальные сферы «растение» (*зеленое золото, шлем зеленый*), «состояние природы» (*зеленый шум*);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В ФЕ *зеленая голова* 'о несообразительном, недалеком человеке' [Мокиенко, 2007, с. 138] сфера-источник ЦВЕТ соотносится со сферой-мишенью ЧЕЛОВЕК для создания проекции на умственное состояние человека. Образ ФЕ формируется посредством метонимии через перенос «часть → целое»: «голова человека → это весь человека». Основанием для

метафоризации служит перенос по цвету: *зеленый* ассоциируется с состоянием незрелости человека. Аналогичная ассоциация также актуализируется в ФЕ *сопля зеленая* ‘о слишком молодом человеке, не способном понять что-л., разобраться в чем-л.’ [Мокиенко, 2007, с. 634], которая образуется по метонимическому переносу «выделения человека → весь человек». Рассматриваемая ФЕ обладает явно отрицательной оценочной окраской.

Таким образом, в колористических фразеологизмах при метафорически-метонимическом переносе компонент *зеленый* подвержен метафорическому переосмыслению. *Зеленый* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для характеристики личности и умственного состояния человека (*зеленая голова, сопля зеленая*).

Фразеологические сочетания с компонентом *зеленый*:

1) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае компонент *зеленый* выступает как ономаσιологический признак, метафорически конкретизируя основу названия, ономаσιологический базис представлен вторым компонентом, который используется в свободном значении, непосредственно отражая явление действительности. Можно указать следующие разновидности тематических групп с точки зрения логико-семантических отношений между конститuentами рассматриваемых ФЕ:

а) ФЕ, обозначающие характер, свойственный определенному возрастному периоду человека. Ср. *зеленый возраст* / *зеленая юность* ‘юношеский возраст’ [Тихонов, 2004, с. 435]; *зеленая молодежь* / *зеленый юнец* ‘неопытный, молодой человек’ [Гвоздарев, 1977, с. 28]; *молодо-зелено* ‘о молодом, неопытном человеке’ [Бирих, 1996, с. 384]; основанием для метафорического переноса выступает признак несформированности, в силу чего неопытные молодые люди уподобляются зеленым незрелым плодам;

б) ФЕ, служащие для обозначения психического состояния человека. Прилагательное *зеленый* указывает на высокую степень чувства. Ср. *зеленая тоска/скука* ‘о томительной тоске, скуке’ [Тихонов, 2004, с. 435]. *Зеленый* в сочетании с опорным компонентом, который означает душевную тревогу в соединении с грустью, указывает на интенсивность чувства;

в) ФЕ, характеризующие состояние объекта. Ср. *зеленая улица* ‘о свободном пути без препятствий и задержек для всех видов транспорта’ [Тихонов, 2004, с. 435]. Семантический признак закрепился за цветом *зеленый*, используемым в знаковой системе, связанной с регулированием уличного движения, за счет чего формируется представление о разрешении проезда.

Таким образом, *зеленый* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для описания характера человека определенного возраста (*зеленая юность*), психического состояния человека (*зеленая тоска*) и состояния объекта (*зеленая улица*);

2) ФЕ, репрезентирующие частично-метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип МН)

В данной группе для экспликации цветового признака недостаточно простой трансформации, так как компонент *зеленый* указывает не на цвет денотатов, а на цвет компонента, атрибута, являющегося составной частью денотатов. Ср. *зеленый стол* ‘карточный стол, обтянутый сукном такого цвета, предназначенный для записи мелом счета игры’ [Тихонов, 2004, с. 435] (обтяжка стола является зеленой); *зеленая карета* ‘о театральной, казенной карете, в которой ездили представители театра, артисты’ [Бирих, 1996, с. 252] (объективировано указание на цвет кареты).

Препозиционный образ *зеленый* «X приготовлен из зелени, растений; состоит из них; связан с ними» активизируется, когда он реализуется в ФЕ *зеленая аптека* ‘о лекарственных травах’ [Мокиенко, 2007, с. 18]; *зеленые насаждения* ‘деревья и кустарники, высаживаемые в городах и поселках’ [Тихонов, 2004, с. 435]; *зеленый корм* ‘травянистая растительность,

употребляемая в свежем виде для корма скота' [Тихонов, 2004, с. 435]; *зеленое удобрение* 'удобрение из травянистых растений (обычно бобовых, запахиваемых в почву)' [Тихонов, 2004, с. 435], *зеленая страда* 'сенокос, уборка кормовых трав' [Мокиенко, 2007, с. 646]. В данных ФЕ *зеленый* указывает на растительность и растительное происхождение чего-либо.

Таким образом, в данной группе компонент *зеленый* подвержен метонимическому переосмыслению. *Зеленый* в качестве источника создания данного типа ФЕ используется для обозначения предметов (*зеленый стол*), растения (*зеленая аптека*) и времени (*зеленая страда*);

3) ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов

В данной группе вторичное наименование имеет видо-родовое соотношение с переосмысляемой реалией. Данный механизм образования ФЕ с компонентом *зеленый* представлен в следующих случаях:

а) сорт предметов широкого потребления: *зеленое мыло* 'калийное мыло зеленовато-бурого цвета, применявшееся как дезинфицирующее средство' [Тихонов, 2004, с. 435];

б) разновидности пищевых продуктов: *зеленый сыр* 'остро-соленый сыр серовато-зеленого цвета со специфическим запахом, приготовляемый в виде небольших усеченных конусов' [Тихонов, 2004, с. 435];

в) разновидности напитков: *зеленый чай* 'разновидность чая, дающий зеленовато-желтый настой с сильным ароматом и терпким вяжущим вкусом' [Тихонов, 2004, с. 435]; *зеленое вино* 'о хлебном вине' [Тихонов, 2004, с. 435];

г) растительный массив: *зеленый лук* 'съедобные трубчатые листья и молодые луковички лука' [Тихонов, 2004, с. 435].

Промежуточные выводы

1. Деривационный потенциал ЦО *зеленый* связан со степенью семантической слитности ФЕ. Фразеологические единства с компонентом *зеленый* характеризуются семантической цельностью. В них входят ФЕ,

репрезентирующие полное метафорическое (*зеленая улица* и т. д.) (6 единицы) и полное метонимическое (*зеленые фуражки* и т. д.) (4 единицы) преобразование мотивирующих компонентов, а также ФЕ, в основе которых лежат механизмы метонимически-метафорического (*зеленое золото* т. д.) (5 единицы) и метафорически-метонимического (*зеленая голова*) (2 единицы) переосмысления исходных компонентов. Семантика колористических фразеологических единств обусловлена имплицитными связями между составляющими компонентом.

2. В процессе образования фразеологических сочетаний с колоративом *зеленый* сохраняется семантическая отдельность компонентов. Это значит, что в процессе образования колористических фразеологизмов значение компонента-цветообозначения *зеленый* либо непосредственно коррелирует с его первично-номинативным значением, т.е. в ФЕ адъективный член так или иначе сопряжен с соответствующим цветом (*зеленый чай, зеленый сыр и т. д.*) (5 единиц), либо опосредованно связан с одним из его вторично-номинативных значений, в этом случае признак цвета еще более условно характеризует определяемое благодаря метафорическому (*зеленый возраст и т. д.*) (8 единицы) или метонимическому переносу (*зеленый стол, зеленая карета и т. д.*) (7 единиц). В данных случаях фразеомообразовательная структура представлена моделями КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип) или НК (номинативный тип + релятивно-компаративный тип).

3. Число ФЕ с компонентом *зеленый* – 36 из 317. ЦО *зеленый* в составе ФЕ обладает ярко выраженной положительной коннотацией. ЦО *зеленый* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *зеленый*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» («характер человека» – 7, «психическое состояние человека» – 2, «профессиональная или социальная принадлежность человека» – 2);

«социум» («социальное явление» – 4, «состояние уличного движения» – 1); «артефакт» («предметы» – 5, «пищевые продукты» – 2, «напитки» – 4); «натурфакт» («растение» – 7); «время» – 1; «звук» – 1. Образ ЦО *зеленый* во фразеологической системе отражает опыт категоризации познаваемых объектов. При этом большая часть вторичных единиц создает и структурирует представления об объектах из концептуальных сфер «человек» и «артефакт».

3.2.6. Фразеологизмы с цветообозначением «синий»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *синий*:

- 1) X (Объект) символизирует божественность;
- 2) X символизирует духовную чистоту;
- 3) X символизирует спокойствие;
- 4) X символизирует крайнюю сдержанность, сухость и высокомерие.

На основании анализа собранного материала можно выделить следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *синий*:

- 1) X имеет окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым;
- 2) X является сильно побледневшим, приобретшим оттенок этого цвета (о коже).

Фразеологические единства с компонентом *синий*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

К этой группе относятся ФЕ, основанные на переменных сочетаниях, метафорически соотносимых с обозначаемым. В ФЕ *синее море* ‘об очень отдаленном месте’ [Бирих, 1996, с. 387] компонент *море* символизирует неизвестность, а сочетание *синее море* служит обозначением очень далекого места, конца света. Компонент *синее* не только передает сущность предмета,

но и служит своеобразным эпитетом, употребляющимся в значении ‘далекое место’. Элемент *синий* при метафоризации переносит значение из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу МЕСТО.

Образная характеристика, формирующая представление о таких когнитивных феноменах, как мечта, счастье, отражается в ФЕ *синяя птица* ‘символ счастья; прекрасная, но недостижимая мечта’ [Бирих, 1996, с. 477], *гоняться за синей птицей* ‘искать счастья’ [Бирих, 1996, с. 477]. В данных случаях сфера-источник ПТИЦА соотносится со сферой-мишенью СОСТОЯНИЕ человека. В ходе метафоризации делается акцент на недостижимости мечты. Номинация *синяя птица* происходит от названия пьесы М. Метерлинка, в которой дети ищут синюю птицу – «тайну вещей и счастья». В основе переноса лежит ассоциация по цвету птицы: *синий* является редким для птицы цветом, и поэтому ЦО проектируется на сферу состояние человека, означая нереальную мечту.

В ФЕ *гореть синим пламенем/огнем* ‘оказываться в трудном, незавидном положении, испытывать большие неприятности; находиться под угрозой срыва’ [Мокиенко, 2007, с. 502] сфера-источник ЦВЕТ также переходит в сферу-мишень ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ ИЛИ СОСТОЯНИЕ человека. В основе переноса лежит ассоциация по цвету: *синий* огонь ассоциируется с мытарствами неприкаянных душ. Поэтому выражение может применяться к ситуации, которую человек считает безнадежной, потерянной.

Таким образом, при полном метафорическом переосмыслении устанавливается сложная имплицитная связь между компонентами ФЕ. Компонент-цветообозначение *синий* участвует в создании целостного смысла колористических фразеологизмов, проектируется на такие концептуальные сферы, как «место» (*синее море*), «состояние человека» (*синяя птица*, *гореть синим огнем*);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов, одним из которых оказывается ЦО *синий*, могут использоваться для обозначения человека и его социальной роли. Ср. *синие мундиры* ‘о жандармах, носивших в дореволюционной России мундиры синего цвета’ [Тихонов, 2004, с. 360]; *синие воротнички* ‘о лицах наемного труда, занимающихся физической работой’ [Мокиенко, 2007, с. 103]; *синий чулок* ‘о сухой, черствой утратившей обаяние женщине, целиком поглощенной научными интересами, книгами и т. п.’ [Тихонов, 2004, с. 360]. При создании образа ФЕ происходит метонимическое отождествление «мундир – жандарм», «воротнички – наемный рабочий», «чулок – женщина, поглощенная работой», в основе которых лежит ассоциация по принадлежности «вещь → тот, кто ее носит».

ФЕ *синяя борода* ‘о ревнивом муже, зверски обращающемся с женой’ [Бирих, 1996, с. 54] восходит к старофранцузской сказке «Рауль, рыцарь Синяя Борода». ФЕ образована по метонимической схеме «составляющая часть организма человек, указывающая на его состояние/ характер → человек, которому свойственно определенное состояние, характер». Разумеется, для понимания этого выражения еще требуется фоновая информация.

Одной из метонимических моделей является модель «предмет, имеющий знаковую функцию → знак», которая отражается в ФЕ *синяя ассигнация/бумажка* ‘в дореволюционной России: пятирублевый денежный билет’ [Тихонов, 2004, с. 360]. Компонент *синий* участвует в номинации, намекающей на отличительный цветовой признак означаемого.

Таким образом, в колористических фразеологизмах полного метонимического типа цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания является одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации. ЦО *синий* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» и субконцептуальные области «социальная и профессиональная

принадлежность» (*синие мудирь*), «характер человека» (*синяя борода*); «социум» и субконцептуальную область «экономика» (*синяя ассигнация/бумажка*).

Промежуточные выводы

1. ФЕ с компонентом *синий* характеризуются семантической цельностью. В основу их образования положены операции полного метафорического переосмысления (*синяя птица*) (5 единиц), полного метонимического преобразования (*синие воротнички*) (6 единиц).

2. Число ФЕ с компонентом *синий* – 11 единиц из 317. Колоратив *синий* служит источником формирования образности в рассматриваемых ФЕ. ЦО *синий*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек» (подкатегории «характер человека» – 2, «ментальный мир человека» – 2, «профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека» – 2); «социум» (подкатегории «экономика» – 2, «события или явления» – 1); «натурфакт» (подкатегории «место» – 1). Количественные данные отражают высокую частотность рассматриваемых ФЕ в концептуальной сфере «человек».

3.2.7. Фразеологизмы с цветообозначением «голубой»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *голубой*:

- 1) Х (Объект) символизирует нежность и легкость;
- 2) Х символизирует высокое происхождение;
- 3) Х символизирует легкомыслие и пассивность;
- 4) Х является признаком принадлежности, отношения к мужскому полу.

На основании анализа собранного материала выделяется следующий образ, определяющий встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *голубой*: Х имеет цвет ясного неба, лазури.

Фразеологические единства с компонентом *голубой*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

Образ ФЕ *на блюдечке/тарелке с голубой каемочкой* (*поднести/преподнести*) ‘предоставить, дать в готовом виде что-л., освободить тем самым кого-л. от затрат времени, сил и т. п.’ [Тихонов, 2004, с. 64] формируется метафорой, уподобляющей что-либо искомое или желанное яству, лакомству. Здесь выбран перцептивно воспринимаемый эмпирический образ. Выражение связано с ритуальной символикой серебряного (голубого) или золотого блюда, на котором гостям подносили самые лакомые яства. Элемент *голубой* при метафоризации переносит образ из семантической сферы ЦВЕТ в семантическую сферу ЧЕЛОВЕК. Образным основанием для переноса выступает признак доступности чего-либо в такой степени, в которой это полагается преподносить дорогим гостям;

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

Наименование функциональных имен может реализоваться путем метонимической модели «детали одежды характерного цвета → человек». Ср. ФЕ *голубые береты* ‘вооруженные части и подразделения, предоставляемые Совету Безопасности ООН странами’ [Мокиенко, 2007, с. 38]; *голубые каски* ‘солдаты сил ООН’ [Бирих, 1996, с. 254].

Образное наименование телевизора закрепилось в ФЕ *голубой экран* ‘о телевизоре’ [Тихонов, 2004, с. 267], где экран (часть) используется для обозначения самого телевизора (целое). Цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания является одним из образов, положенных в основу фразеологической номинации.

Перифрастическое выражение *голубое топливо* ‘о природном газе’ [Тихонов, 2004, с. 267] используется для обозначения природного газа. Компонент *голубой* конкретизирует основу названия, указывая на цвет газового огня.

Таким образом, ЦО *голубой* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» и субконцептуальную область «принадлежность к организации» (*голубые береты*); «предмет» (*голубой экран*) и «природные ресурсы» (*голубое топливо*);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

В данном случае семантическая нетривиальность в согласовании компонентов ФЕ свидетельствует об их переосмыслении и использовании в качестве номинативного ресурса для обозначения фрагментов действительности. Образные наименования реки или водных путей представлены в ФЕ *голубая магистраль* ‘река’ [Мокиенко, 2007, с. 379] и синонимичном ей выражении *голубые дороги* ‘о водных путях, реках и морях’ [Бирих, 1996, с. 165]; в данных единицах колоратив указывает на типичный цвет воды. Кроме того, в ФЕ объективируется метафоризация референтов по сходству их формы и функции (водоемы отождествляются с магистралями, дорогами).

Образная характеристика энергических ресурсов запечатлена в колористических ФЕ *голубой уголь* ‘ветер как источник энергии’ [Мокиенко, 2007, с. 679]; *голубое золото* ‘природный горючий газ’ [Мокиенко, 2007, с. 257]. Семантический перенос основывается на сходстве ветра и газа с углем и золотом по функции и ценности, которую они представляют для человека. Компонент *голубой* в ФЕ *голубой уголь* ассоциируется с цветом неба, воздушного пространства, в ФЕ *голубое золото* колоратив указывает на цвет горения газа. В ФЕ *голубой лесник* ‘прокурор на воздушном транспорте’ [Мокиенко, 2007, с. 358] перенос основан на сходстве означаемого по выполняемым функциям с лесником (как и лесник, прокурор осуществляет функцию контроля за порядком); при этом перенос, помимо номинативной

функции, способствует реализации эвфемистического эффекта. Компонент *голубой* в данном случае тоже ассоциирует с воздушным пространством.

В ФЕ *голубой ящик* ‘о телевизоре’ [Мокиенко, 2007, с. 774] и *голубой корабль* ‘хлопкоуборочный комбайн’ [Мокиенко, 2007, с. 313] компоненты *ящик* и *корабль* создают образную основу вторичной номинации (*ящик* напоминает телевизор по форме; хлопкоуборочный комбайн в ситуации уборки хлопка создает иллюзию плавающего по морю корабля), при этом компонент *голубой* выступает в качестве дифференцирующего элемента номинации.

Таким образом, при метонимически-метафорическом переносе компонент-цветообозначение *голубой* в колористических фразеологизмах сохраняет цветное значение, выступая доминирующим признаком денотата. При этом ЦО *голубой* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «профессиональная принадлежность» (*голубой лесник*); «предмет» (*голубой ящик*) и «природные ресурсы» (*голубое золото*);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В ФЕ *голубая кровь* ‘о дворянском, аристократическом происхождении кого-л.’ [Тихонов, 2004, с. 267] и *голубая кость/косточка* ‘о человеке аристократического происхождения, барине, дворянине’ [Бирях, 1996, с.3 08] сфера-источник ЦВЕТ соотносится со сферой-мишенью ЧЕЛОВЕК, при этом затрагивая социальное положение человека. Образ ФЕ формируется посредством метонимии через перенос «часть – целое»: «кровь человека – это весь человек», «кость человека – это весь человек». *Голубой* при сочетании с компонентом *кровь/кость* метафорически дает семантический результат «необычный, экстраординарный человек».

ФЕ *на голубом глазу* ‘на полном доверии и/или притворяясь наивным, незнающим’ [Химик, 2017, с. 149] используется для выражения внутреннего

состояния человека через его внешний признак (мимику лица). *Голубой* имплицитно символизирует чистоту и наивность.

Таким образом, в колористических фразеологизмах при метафорически-метонимическом переносе компонент *голубой* подвержен метафорическому переосмыслению, а другой компонент метонимически соотносится с обозначаемым. *Голубой* в качестве одного из источников создания ФЕ проецируется на такие концептуальные сферы, как «человек» (субконцептуальную область «сословная принадлежность» – *голубая кровь*) и «состояние человека» (*на голубом глазу*).

Фразеологические сочетания с компонентом *голубой*

ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (структурный тип КН)

В данном случае компонент-цветообозначение подвергается метафорическому переносу, а второй компонент употребляется в своем первичном номинативном значении. Можно распределить сочетания по следующему тематическим группам:

а) ФЕ, обозначающий состояние человека. Ср. *голубая мечта* ‘самая заветная, сокровенная, но обычно несбыточная мечта’ [Тихонов, 2004, с. 377]; в данном случае образная трансформация колоратива актуализует такое связанное значение, как ‘нереальный, созданный воображением’;

б) ФЕ, характеризующие метеорологические явления. См. *голубой день/полдень/утро* ‘светлый, ясный, безоблачный день/полдень/утро’. Образная характеристика погодных явлений посредством ЦО *голубой* реализована в ФЕ для подчеркивания яркости и светлости времени суток.

Кроме того, ЦО *голубой* в качестве источника участвует в создании компаративных фразеологизмов *голубой как небо/незабудка*, которые в большинстве случаев используются для характеристики органа зрения человека и для описания воды:

а) о характеристике глаз: *Женищина вскинула на него глаза, большие и голубые как небо, ее полные губы дрогнули в сдержанной улыбке* [Картаслов.ру: URL: <https://kartaslov.ru/> Дата обращения: 08.03.2021]; *Он потрясающе красив! Высокий, широкоплечий, глаза голубые как незабудки, а волосы как зрелая пшеница* [Там же];

б) о цвете воды: *Вода в бассейне была теплая, прозрачная и голубая как небо* [Там же].

Промежуточные выводы

1. ФЕ с компонентом *голубой* характеризуются семантической цельностью. В их состав входят номинации, созданные посредством полного метафорического переосмысления (*на блюдечке/тарелке с голубой каемочкой*) (1 единица), полного метонимического преобразования (*голубые береты*) (4 единицы), метонимически-метафорического (*голубая кровь*) (7 единиц) и метафорически-метонимического (*голубая магистраль*) (2 единицы) переноса.

2. В процессе образования фразеологических сочетаний сохраняется семантическая отдельность компонентов. Признак цвета условно характеризует определяемое вследствие метафорического переосмысления колоратива (*голубая мечта*) (6 единиц).

3. Число ФЕ с компонентом *голубой* – 20 единиц из 317. ЦО *голубой*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек» (подкатегории «внешность человека» – 2, «ментальный мир человека» – 1, «психическое состояние человека» – 1, «отношение человека к жизни» – 1, «профессиональная, социальная и партийная принадлежность человека» – 6); «артефакт» (подкатегорию «предметы» – 2), «натурфакт» (подкатегории «состояние природы и погодные явления» – 3, «природные ресурсы» – 4). Количественные данные отражают относительно высокую частотность рассматриваемых ФЕ при обозначении концептуальной сферы «человек».

3.2.8. Фразеологизмы с цветообозначением «серый»

Учитывая символические значения рассматриваемого ЦО (подробнее см. в разделе 1.3), можно выделить следующие образы, ассоциирующиеся с основным значением лексемы *серый*:

- 1) X (Объект) символизирует посредственность, неприметность;
- 2) X символизирует депрессию, меланхолию;
- 3) X символизирует неясность и скрытость;
- 4) X символизирует безразличие;
- 5) X символизирует гармонию и стабильность.

На основании анализа собранного материала можно указать на следующие образы, определяющие встречаемость означаемого с признаком, выраженным прилагательным *серый*:

- 1) X имеет цвет пепла, дыма;
- 2) X является болезненно бледным;
- 3) X является пасмурным (о погоде).

Фразеологические единства с компонентом *серый*:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип КК)

ФЕ *серый кардинал* ‘человек, обладающий большой неформальной властью и оказывающий влияние на других людей, прежде всего высокопоставленных, и на принятие ими решений’ [Баранов, 2015, с. 345]. Образ ФЕ формируется посредством метафоры по сходному положению человека с кардиналом. *Серый* в данном случае метафорически означает «незаметный»;

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (структурный тип ММ)

ФЕ, репрезентирующая полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов, одним из которых оказывается ЦО *серый*, могут использоваться для характеристики должности человека в армии. Ср. *серые*

шинели ‘нижние чины царской армии’ [Савицкий, 2006, с. 89].
Метонимическая модель, лежащая в основе данной ФЕ, представлена следующим образом: «одежда, имеющая характерную цветовую окраску → владелец этой одежды, имеющий определенный воинский ранг»;

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (структурный тип МК)

ФЕ *серая скотинка* ‘до революции: пренебрежительное название солдат’ [Тихонов, 2004, с. 352] употребляется иронически-пренебрежительно или сочувственно в отношении определенной группы людей. Компонент *скотинка* создает образную основу по сходству качества двух референтов (без особых вопросов выполнять долг, обязанность, функцию в самых тяжелых условиях), а компонент *серый* отсылает к признаку, характеризующему одежду солдат;

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (структурный тип КМ)

В данную группу входит ФЕ *серая кость* ‘о человеке неаристократического происхождения’ [Бирих, 1996, с. 309], которая синонимична ФЕ *черная кость* (подробнее см. в разделе 3.2.1.).

Фразеологические сочетания с компонентом *серый*

ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов

В данном случае ФЕ репрезентируют необразное преобразование мотивирующих компонентов, но актуализируют осложненное переосмысление. При этом колористические фразеологизмы, представленные бинарными моделями «прилагательное-цветообозначение + существительное», где адъективный компонент выступает в качестве зависимого компонента, а субстантивный компонент играет роль опорного, характеризуются родовидовым членением. Эти ФЕ можно разделить на следующие тематические группы:

а) разновидности пищевых продуктов и напитков: *серый хлеб* ‘хлеб, выпеченный из пшеничной муки грубого помола’ [Тихонов, 2004, с. 332]; *серые щи* ‘щи, приготовленные из верхних, зеленых листов капусты’ [Тихонов, 2004, с. 332];

б) орган живого существа, человека: *серое вещество (мозга)* ‘вещество, состоящее из нервных клеток, в котором находятся нервные центры различных органов’ [Тихонов, 2004, с. 332];

в) разновидности артефактов: *серая бумага* ‘бумага низкого качества’ [Тихонов, 2004, с. 332]; *серое сукно/пряжа* ‘суровое, небеленое сукно; суровое, небеленое сукно’ [Тихонов, 2004, с. 332];

г) разновидность металла: *серый чугун* ‘вид чугуна, представляющий собой сплав железа с углеродом, марганцем, кремнием, серой и фосфором’ [Тихонов, 2004, с. 332].

Промежуточные выводы

1. ФЕ с компонентом *серый* характеризуются семантической цельностью. В основу их образования положены следующие механизмы: полное метонимическое преобразование (*серые шинели*) (1 единица), метонимически-метафорический перенос (*серая скотинка*) (1 единица) и метафорически-метонимический перенос (*серый кардинал*) (2 единицы).

2. В процессе образования фразеологических сочетаний сохраняется семантическая отдельность компонентов. В процессе образования колористических фразеологизмов значение компонента-цветообозначения *серый* непосредственно коррелирует со своим первично-номинативным значением, то есть в ФЕ адъективный член так или иначе сопряжен с соответствующим цветом (*серый хлеб, серая бумага*) (7 единиц).

3. Число ФЕ с компонентом *серый* – 11 единиц из 317. *Серый* служит источником создания ФЕ для образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности. ЦО *серый*, участвующее в создании ФЕ, проецируется на такие сферы, как «человек»

(подкатегории «характер человека» – 1, «профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека» – 4); «**артефакт**» (подкатегории «предметы» – 3, «пищевые продукты и напитки» – 2), «**натурфакт**» (подкатегории «биологический вид» – 1, «минералы и химические вещества» – 1). Таким образом, колоратив *серый* активно используется при создании ФЕ, принадлежащих концептуальным сферам «человек» и «артефакт».

Таким образом, ЦО в качестве одного из источников создания ФЕ номинируют разнообразные явления окружающей действительности, проецируются на различные результативные концептуальные сферы, такие как «человек», «социум», «артефакт», «натурфакт», «болезнь», «время», «звук» (подробное см. **Приложение Б**). В каждую концептуальную сферу входят субконцептуальные области. Количественные данные отражают высокую частотность отколористических ФЕ в концептуальных сферах «человек» и «артефакт».

Следует отметить, что при описании происхождения человека прилагательные *белый* и *голубой* в составе ФЕ выступают как синонимы, обозначая дворянское происхождение, а *черный* может заменяться синонимом *серый*, обозначая неаристократическое происхождение человека. Кроме того, данные ФЕ сформируются по одной фразеомообразовательной модели.

ФЕ с компонентом *красный* проявляет наибольший деривационный потенциал для наименования коллектива людей, характеризующихся политической, экономической, культурной общностью, и различных явлений, связанных с действиями человека. Второе место по степени реализованности деривационного потенциала занимают ФЕ с цветообозначением *белый*. Примечательно, что значения компонентов *красный* и *белый* в составе ФЕ в большинстве случаев антонимически противопоставлены, что показывает влияние экстралингвистических факторов на образование значений ФЕ. Кроме того, следует отметить, что семантические признаки «запрещение-предупреждение-разрешение» закрепились за колоративами *красный*,

желтый зеленый, были заимствованы игровой и социальной семиотической системой вместо обозначения семиотической системы, связанной с регулированием уличного движения.

ФЕ, характеризующие артефакт и натурфакт, в большинстве случаев образуются с помощью необразного преобразования исходных компонентов.

Выводы по главе 3

1. В ходе исследования когнитивных механизмов, лежащих в основе образования колористических фразеологизмов, выделилось семь групп, значимых для характеристики фразеомообразовательной структуры рассматриваемых языковых единиц. Структурные типы отражают разные когнитивные модели в образовании колористических фразеологизмов и разную степень семантической слитности их составляющих. Концептуализация действительности в ФЕ осуществляется по метафорической и метонимической модели, также на основе одновременного использования метонимии и метафоры. Кроме того, при образовании колористических ФЕ в качестве значимого когнитивного механизма выступает безобразное преобразование. При анализе устаревших выражений для понимания мотивировочного признака ФЕ требуется обращение к фоновым знаниям, что предполагает совмещение диахронного и синхронного подходов для реконструкции процессов фразеомообразования.

2. В процессе образования колористических ФЕ самой активной когнитивной моделью выступает метонимическая модель, реализующаяся по схеме «одежда, имеющая характерную цветовую окраску → владелец этой одежды как представитель какой-либо социальной группы» (*черные береты, белые воротнички, красная шапка, зеленые фуражки, голубые каски, синий чулок, серые шинели*).

3. ФЕ, включающие в свой состав колоратив, представляют собой преимущественно двучленные образования, построенные как словосочетание существительного с препозитивным прилагательным. Такая конструкция

реализуется в ФЕ с частично метафорическим переносом исходных сочетаний и построена по ономасиологической модели «ономасиологический базис + ономасиологический признак», что свидетельствует о сходстве фразеомообразования с словообразованием. В данном случае ономасиологический признак метафорически конкретизирует основу названия; ономасиологический базис представлен вторым компонентом и используется в свободном значении, непосредственно отражая явление действительности.

4. Деривационный потенциал ЦО *черный* (83 единицы), *белый* (81 единица), *красный* (71 единица) представлен достаточно большим количеством ФЕ. Это объясняется их высокой деривационной продуктивностью по сравнению с ЦО *желтый* (15 единиц), *зеленый* (36 единиц), *синий* (11 единиц), *голубой* (20 единиц) и *серый* (11 единиц).

5. ЦО в качестве одного из источников создания ФЕ номинируют разнообразные фрагменты окружающей действительности и проецируются на различные результативные концептуальные сферы, такие как «человек», «социум», «артефакт», «натурфакт», «болезнь», «время», «звук» и т. д. В каждую концептуальную сферу входят субконцептуальные области, такие как «внешность человека», «характер человека», «ментальный мир человека», «эмоциональное состояние человека», «речь человека», «профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека» (для концептуальной сферы «человек»); «политика», «экономика», «культура», «организация», «события или явления» (для концептуальной сферы «социум»); «предметы», «пищевые продукты и напитки» (для концептуальной сферы «артефакт»); «состояние природы и погодные явления», «растение», «животные», «минералы и химические вещества» (для концептуальной сферы «натурфакт») и т. д. Количественные данные отражают высокую частотность колористических ФЕ в концептуальных сферах «человек» и «артефакт».

6. Прилагательные-цветообозначения, будучи вовлеченными в процесс фразеологической номинации, приобретают эмоционально-оценочную маркированность, основанную на оппозиции «хорошо – плохо». Проведенный анализ показывает, что ЦО *черный* и *желтый* в составе ФЕ обладают ярко выраженной негативной коннотацией. ЦО *белый* и *красный* довольно активно участвуют в создании ФЕ с положительной окраской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предпринята попытка детального рассмотрения когнитивных механизмов образования ФЕ, в которые входит компонент-цветообозначение, подробно охарактеризована деривационная специфика ЦО как источников формирования фразеологической системы русского языка. Для выявления структурно-семантических и деривационных особенностей исследуемых ФЕ проведен комплексный анализ, учитывающий когнитивно-ономасиологический аспект фразеомообразования; суть этого анализа заключается в изучении процесса метальной переработки языковых структур для упорядочения и сохранения опыта человека средствами фраземосемиозиса. Проанализировано 317 ФЕ, в которые входят гнезда ФЕ с ЦО «черный» (83; 26,2 %), «белый» (81; 25,5 %), «красный» (60; 18,9 %), «зеленый» (36; 11,3 %), «голубой» (20; 6,3 %), «желтый» (15; 4,7 %), «синий» (11; 3,5 %), «серый» (11; 3,5 %).

Цветовая картина мира представляется одной из центральных в языковой картине мира благодаря своей роли в концептуализации и категоризации окружающей действительности.

В русском языке в ядро лексико-семантической группы ЦО входят следующие абсолютные/абстрактные колоративы: *черный, белый, серый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый*. Они обладают такими общими признаками, как немотивированность, первичность цветового значения, произвольность, высокая частотность употребления и неограниченная сочетаемость. У каждого абстрактного ЦО есть своя собственная смысловая структура, в центре которой находятся физиологически обусловленные архетипические значения, мифологические значения и символические значения. Цветовой символизм сформировался в русской культуре в зависимости от христианства и мифологии, а также определенных исторических событий.

Фразеологическая подсистема в качестве особой знаковой системы вносит свой вклад в формирование не прямой образной номинации элементов действительности. Фразеологическое значение отличается экспрессивностью, образностью, эмоциональностью и оценочностью.

Направление фраземообразующего процесса определяется структурно-семантическими свойствами компонентов ФЕ и закономерностями их синтактики, а именно: соотносённостью общего значения ФЕ с определенным компонентом, подвергающимся семантическому изменению в процессе семиозиса; комбинаторными особенностями составляющих ФЕ.

Изучение фразеологизмов в динамичном аспекте позволяет описать внутривидовое моделирование ФЕ. При этом выделяются 15 видов фразеологических структур исходя из особенности комбинации составляющих компонентов ФЕ разного типа. На основании данного исследования установлено, что структурные типы КК (релятивно-компаративный тип + релятивно-компаративный тип), ММ (релятивно-метонимический тип + релятивно-метонимический тип), МК (релятивно-метонимический тип + релятивно-компаративный тип), КМ (релятивно-компаративный тип + релятивно-метонимический тип), КН (релятивно-компаративный тип + номинативный тип), МН (релятивно-метонимический тип + номинативный тип) актуализируются в колористических ФЕ.

Вторичный семиозис с участием колоративов демонстрирует изоморфизм актов фраземообразования и словообразования, что делает актуальным исследование деривации ФЕ с позиции ономазиологии. Ономазиологический базис ФЕ отражает общую семантическую категорию, а ономазиологическим признаком считается та часть ФЕ, которая формирует признак и специфику вторичного языкового знака.

Когнитивной основой фразеологической номинации является перенос структуры одних мыслительных образов или концептов на другие по метафорической или метонимической модели, другими словами, когнитивные

метафорические и метонимические модели позволяют описывать концептуальные области с более высокой степенью абстракции (области-цели) в терминах области-источника. Как метафора, так и метонимия характеризуются образностью. Оба этих механизма относятся к числу тех, которые создают образность вторичной номинации. Кроме того, следует отметить, что безобразное преобразование также может использоваться для создания ФЕ, отражающих новый конкретизированный денотат.

В ходе исследования колористических фразеологизмов выделились семь групп, характеризующихся различными когнитивными моделями и фразеомообразовательными структурами:

1) ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (среди них ФЕ с ЦО «черный» представлены 12 ед., «белый» – 20 ед., «красный» – 4 ед., «зеленый» – 6 ед., «голубой» – 1 ед., «желтый» – 1 ед., «синий» – 5 ед.);

2) ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (среди них ФЕ с ЦО «черный» реализованы 5 ед., «белый» – 10 ед., «красный» – 14 ед., «зеленый» – 4 ед., «голубой» – 4 ед., «желтый» – 6 ед., «синий» – 6 ед., «серый» – 1 ед.);

3) ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (из них ФЕ с ЦО «черный» – 4 ед., «белый» – 11 ед., «красный» – 3 ед., «зеленый» – 5 ед., «голубой» – 7 ед., «желтый» – 2 ед., «серый» – 1 ед.);

4) ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (из них ФЕ с ЦО «черный» – 2 ед., «белый» – 5 ед., «красный» – 2 ед., «зеленый» – 2 ед., «голубой» – 2 ед., «серый» – 2 ед.);

5) ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (из них ФЕ с ЦО «черный» – 36 ед., «белый» – 24 ед., «красный» – 21 ед., «зеленый» – 8 ед., «голубой» – 6 ед., «желтый» – 3 ед.);

6) ФЕ, репрезентирующие частично-метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (из них ФЕ с ЦО «черный» – 7 ед., «белый» – 5 ед., «красный» – 6 ед., «зеленый» – 7 ед., «желтый» – 3 ед.);

7) ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов (из них ФЕ с ЦО «черный» – 11 ед., «белый» – 8 ед., «красный» – 11 ед., «зеленый» – 5 ед., «серый» – 7 ед.).

Первые четыре типа ФЕ реализуются в процессе образования фразеологических единств, последние три типа ФЕ относятся к фразеологическим сочетаниям.

Исследованный материал свидетельствует о том, что триада «белый – красный – черный» проявляет высокий деривационный потенциал в актах фразеомообразования, следовательно, сеть их значений более обширна, охватывает больше фрагментов внеязыковой действительности, а остальные ЦО оказываются менее активными в плане фразеомообразования. Так, семь когнитивных моделей актуализируется в процессе образования ФЕ с ЦО *черный, белый, красный, зеленый*; ЦО *желтый* и *голубой* как составляющие фраземосемиозиса концептуализуются посредством пяти когнитивных моделей, ЦО *серый* реализуется с помощью четырех когнитивных моделей, а *синий* включается в деривацию посредством лишь двух когнитивных моделей.

Среди всех когнитивных механизмов образования колористических ФЕ самой активной когнитивной моделью выступает метонимическая модель «одежда, имеющая характерную цветовую окраску → владелец этой одежды, маркирующей принадлежность человека к рангу, группе и т.д.» (*черные береты, белые воротнички, красная шапка, зеленые фуражки, голубые каски, синий чулок, серые шинели*). Кроме того, относительной регулярностью характеризуется частично-метафорическое преобразование мотивирующих компонентов как модель формирования ФЕ: ФЕ, обозначающие человека с подчеркиванием его социального статуса (*черный посудник, белая кухарка*); ФЕ, характеризующие артефакты: *черный двор, белый шар, красная доска*).

Это доказывает, что прилагательные-цветообозначения в составе ФЕ в большинстве случаев актуализует фразеологически связанное значение, выражая новый смысл при вступлении в ассоциативные связи с опорным компонентом. В данном случае объективируются вероятностные семантические признаки ЦО.

ЦО как источник создания ФЕ участвуют в обозначении разнообразных реалий, проецируясь на различные результативные концептуальные сферы, такие как «человек», «социум», «артефакт», «натурфакт», «болезнь», «время», «звук». В каждую концептуальную сферу входят субконцептуальные области. В составе концептуальной сферы «человек» особую значимость приобретают субконцептуальные области «внешность человека», «характер человека», «ментальный мир человека», «эмоциональное состояние человека», «речь человека», «профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека» и т. д. Концептуальная сфера «социум» представлена такими специфическими субкатегориями, как «политика», «экономика», «культура», «организация», «события или явления». ЦО также проецируется на концептуальную сферу «артефакт» с такими субконцептуальными областями, как «предметы», «пищевые продукты и напитки» и т. д. В рамках концептуальной сферы «натурфакт» особую значимость для образования колористических ФЕ имеют субконцептуальные области «состояние природы и погодные явления», «растения», «животные», «минералы и химические вещества» и т. д. При этом количественные данные отражают высокую частотность колористических ФЕ в концептуальных сферах «человек» и «артефакт».

Таким образом, теоретическая продуктивность когнитивного подхода к изучению отдельных зон фраземосемиозиса подтверждается результатами проведенного исследования. Его перспективы могут быть связаны с:

- дальнейшим исследованием закономерностей фраземосемиозиса при сопоставлении двух или более языков с целью выяснения общих или

национально специфичных механизмов знакообразования, так как представления о ценностной символике цвета обусловлены узуализированными цветовыми ассоциациями, которые не только обладают универсальным характером, но и варьируются в разных языках в зависимости от культурно-исторических факторов;

- изучением деривационных возможностей ЦО в актах словообразования, что позволяет сопоставить семиозис различных лексических классов вторичных языковых единиц;

- использованием полученных результатов в исследовании семантики фразеологизмов, включающих в свой состав исходные элементы, принадлежащие другим первичным семиотическим системам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982. – С.176-180.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – С. 391с.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2008а. – 150 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическая номинация: когнитивный аспект: монография / Алефиренко Н. Ф., Загриценко С. А., Федуленкова Т. Н.; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова». – Архангельск: Поморский университет, 2008. – 108 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические механизмы косвенной номинации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. – М., 2012. № 4. – С. 5-13.
6. Алефиренко Н.Ф. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления // Известия Южного федерального университета. филологические науки. – Издательство: Южный федеральный университет (Ростов-на-дону). 2017. – С. 50-73
7. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале прилагательных-цветообозначений русского языка. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. – 177, [4] с.
8. Алимпиева Р.В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в. // Вопросы семантики. – 1982. – № 2. – С. 49–60.
9. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры //

- Res Philologica: Филологические исследования. – Москва: Наука, 1990. – С. 71-88.
10. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д., 1964. – 315 с.
 11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: [лингвостилистика, синтаксис, морфология, фоморфология, фонетика, лексикология: около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. – Изд. 5-е. – Москва: Либроком: URSS, 2009. – 569, [2] с.
 12. Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. СПб., 2005.
 13. Барабанова И.Г. Понятие картины мира: взаимодействие языковой и концептуальной картин мира // Проблемы развития современной науки: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2016. – С. 117-119.
 14. Баранов А. Н. Знаковые функции вещных сущностей / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Язык – систем. Язык – текст. Язык – способность: Сб. статей / ред. Ю. С. Степанов. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С.80-90.
 15. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
 16. Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т ру. яз. АН СССР, 1991. – 193 с.
 17. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука. 1975. – 288 с.
 18. Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Москва, 2000. – 20 с.
 19. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
 20. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем / Общ. ред. и предисл.

- Свенцицкой И.С. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
21. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов. – Л., 1971. – С. 98.
 22. Борисова Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке // Вестник Челябинского государственного университета. – № 21. – С. 32-37.
 23. Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. – М., 1972. – С. 73-104.
 24. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. – М., 1981. – С. 112.
 25. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. – СПб.: Б.&К., 2000. – 212 с.
 26. Вардзелашвили, Ж. А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях // Славистика в Грузии: сб. науч. ст. – Тбилиси, 2000. № 1. – С. 62-68.
 27. Василевич А. П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (К методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика / ред. П. Аристэ, Х. Лийн. Тартуский государственный университет, 1981. С.135-143.
 28. Василевич А.П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихолингвистика / Отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
 29. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). – М.: Наука, 1987. – 138, [2] с.
 30. Василевич А. П. Этимология цветонаименований как зеркало

- национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 9-28.
31. Вендина Т. И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. – М.: Индрик, 1999. – С. 277-304.
 32. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык культура познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 235.
 33. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века: на материале поэтических текстов С.А. Есенина и Н.М. Рубцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2008. – 22 с.
 34. Гак В. Г. К диалектике семантических аспектах отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73-91.
 35. Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. – М., 1972. – С.144-157.
 36. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230-293.
 37. Гатаулина, Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: На материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2005. – 24 с.
 38. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1977. – 184 с.
 39. Глухов В. М. Фразеологическое значение в сопоставлении с лексическим // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989. – С. 27-37.

40. Горошко Е. И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета. // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.291-312.
41. Григорьева Т. В. Символ в русской языковой картине мира: семантическая интерпретация / Т.В. Григорьева, А.Р. Хамидова // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство. Ч. 1: материалы международной научной конференции / Самар. гос. ун-т, отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009 – С. 50-54.
42. Губарев В. П. О номинативных потенциях фразеологических единиц (на материале немецкого языка) / В. П. Губарев // Проблемы фразеологической номинации: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1988. – С. 3-10.
43. Гудков Д. Б. Телесный код культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. – 288 с
44. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Искусство, 1984. – 349, [1] с.
45. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М. «Прогресс». 1989. – 310 с.
46. Доржиева Г. С. Ономасиология vs ономастика: проблемы номинации: учебное пособие / Г. С. Доржиева, А. А. Щербакова. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. – 196 с.
47. Еркова Д.Н. Цветофразеологизмы в лингвокультурном аспекте (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Белгород, 2012. – 23 с.
48. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2007. – 28 с.
49. Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: дис. ... доктора филологических наук 10.02.01 [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т].

- Тюмень, 2008. – 438 с.
50. Жаркынбекова Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 32-40.
 51. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
 52. Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие для филол. спец. вузов – Москва: Высшая школа, 1986. – 310 с.
 53. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – Москва: Просвещение, 1978. – 160 с.
 54. Завьялова Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
 55. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 205 с.
 56. Звегинцев В. А. Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 321 с.
 57. Зольникова Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2010. – 343 с.
 58. Иванов Н. В. Проблемные аспекты языкового символизма. Опыт теоретического рассмотрения. – Минск: Пропилем, 2002. – 176 с.
 59. Иванова Т. К. Ономасиологические принципы классификации сложных существительных со значением лица // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17227> (дата обращения: 11.11.2020).
 60. Иллюстрированная энциклопедия символов/сост. А. Егазаров. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 723, [5] с.

61. Искандарова Г.Р. О когнитивно-ономасиологическом подходе к словообразованию (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Издательство общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2011. – С.18-25.
62. Иссерлин Е. М. История слова “красный” // Русский язык в школе. – 1951. – №3. – С.85-89.
63. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.7-е. / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, – 2010. – 264 с.
64. Климовских Ю. А. Цветовая картина мира О. Уайльда: когнитивно-лингвокультурологический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ставрополь, 2011. – 21 с.
65. Кнодель Л. В. Английская цветная идиоматика: монография. – Киев: ФОП Кандиба Т. П., 2019. – С.209.
66. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
67. Козлова Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами green/зеленый): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2010. – 178 с.
68. Колмогорова А. В. Языковое значение и речевой смысл: опыт функционально-семиологического исследования прилагательных – обозначений светлого и темного в современном русском и французском языках. – Новокузнецк: [б. и.], 2006. – 379 с.
69. Колшанский В. Г. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2006, – 128 с.
70. Команова А. Ю. Функционирование фразеологизмов с элементами цветообозначения в англоязычном медиадискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Словенск, 2018. – 20 с.
71. Козлова Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале

- фразеологизмов с колоративами green/зеленый): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2010. – 178 с.
72. Колшашский Г. В. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230-293.
 73. Корсаков С. В. Этноколористика: [учебное пособие]. – Москва: Граница, 2009. – 165 с.
 74. Коралова А. А. Характер информативности фразеологических единиц // Вопросы фразеологии английского языка. – Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 168. – 1980. – С. 120-134.
 75. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
 76. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
 77. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
 78. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований); под ред. Б. А. Серебренникова. – М., 1977. – С. 222-303.
 79. Кубрякова Е. С. Ономазиология // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 345-346.
 80. Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. – №4. – 1993. – С. 18-28.
 81. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – №4. – 1994. – С. 34-37.

82. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: (на материале германских языков). – Москва, 2012. – С.282.
83. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Московский Лицей, 2001. – 470 с.
84. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка (опыт систематизированного описания). – М.: Международные отношения, 1972. – 287, [1] с.
85. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 2005. – 488 с.
86. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996. – С.143-184.
87. Лакофф Дж. Метафоры, которым мы живем: Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. Под ред. И с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
88. Ли Аньфэн. Русские фразеологические единицы с цветовым компонентом на фоне китайской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Москва, 2009. – 19 с.
89. Логачева В. Г. Англоязычная специфика моделирования действительности (лингвосемиотический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. – Волгоград, 2007. – 21 с.
90. Лоренц К. По ту сторону зеркала // Эволюция. Язык. Познание. – М., 2000, – С.51.
91. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Тартуский ун-т. Ученые записки. Вып. 754. – Тарту, 1987. – 144, [1] с.
92. Лукашенко Е. С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в когнитивной парадигме: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Нижний Новгород, 2001. – 264 с.

93. Лыскова Т. В. Структурно-семиологический аспект ономаσιологического изучения перифразы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – С. 230-234.
94. Лю Фанбин. Сопоставительное исследование лингвокультурной коннотации имен основных цветов спектра в русском и китайском языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2020. – 24 с.
95. Люкина Е. В. Номинативное пространство фразеологических единиц с компонентами цветообозначения в немецком и английском языках: Когнитивно-номинативный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2004. – 236 с.
96. Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках: Универсальное и национальное: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1999. – 20 с.
97. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 482, [1] с.
98. Мерзлякова А.Х. Семантическая структура многозначных прилагательных // Филологические науки. Вестник удмуртского университета, 2007. – № 5 (2). – С.115-122.
99. Месяц С. В. Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете (часть первая). – Москва: Кругъ, 2012. – XXXII, 461, [1] с.
100. Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. – М., 1978. – С.249-338.
101. Миронова Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии: [Сборник] / Рос. АН, Ин-т психологии; [Отв. ред. А. А. Митькин, Н. Н. Корж]. – М.: Наука, 1993. – С.172-188.
102. Миронова Л. Н. Символика цвета. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/

103. Миронова Л. Н. Учение о цвете. – Мн.: Выш. шк., 1993. – 463 с.
104. Москович В. А. Статистика и семантика. Опыт статистического анализа семантического поля. – М.: Наука, 1969. – 303 с.
105. Морщинский В. С. Цветообозначения как смыслообразующие элементы индивидуально-авторской картины мира в ранней прозе Л. Н. Андреева: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2019. – 24 с.
106. Новиков Н. Ф. Динамика культурных кодов и ее отражение в сематическом поле цветообозначения (в русском, английском и французском языках) [текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Москва, 2012. – 235 с.
107. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикология: Лексикография: Культура речи. – М., 1974. – С.212-213.
108. Ольшанский И. Г. Модели представления знаний и когнитивные аспекты полисемии // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С.270-277.
109. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 286 с.
110. Пелевина Н. Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) // Семантика слова в диахронии. – Калининград, 1987. – С. 35-42.
111. Петренко В. Ф. Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. – М. 1997. – 214 с.
112. Пименова М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.; Филологический факультете СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
113. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

114. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8-69.
115. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1, 2. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
116. Потебня А. А. Из лекции по теории словесности. Басня, пословица, поговорка / Под ред. В. И. Харциева; Со вступ. статьями акад. Д. И. Багалея, А. М. Финкеля и В. И. Харциева. – Харьков: Гос. изд-во Украины, 1930. – 130, [2] с.
117. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
118. Радченко Е. И. Аксиологический аспект обозначений цвета в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2002. – 21 с.
119. Рахилина Е. В. О цветном и бесцветном // Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М, 2000. – 416 с.
120. Решетникова Е. А. Национально-культурный компонент семантики цветообозначений в русском и английском языках (в диахронии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2001. – 22 с.
121. Саванкова Е. В. Исследования в области взаимосвязи слово- и фразообразовательных процессов // Филологические науки и МГИМО: Сборник науч. трудов. – № 46 (61). – М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. – С. 67-75.
122. Савенкова Л. Б. Метонимизация переменного словосочетания как способ фразеологической номинации // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989. – С. 46-56.
123. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
124. Садыкова И. В. Обозначение красного цвета в русском языке в историко-

- этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2006. – 21 с.
125. Сафуанова О. В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 1994. – 270 с.
 126. Светличная Т. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2003. – 17 с.
 127. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
 128. Солодуб Ю. П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989. – С.4-12.
 129. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-204.
 130. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований); под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
 131. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
 132. Телия В. Н. Номинация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 336-337.
 133. Тобурокова В. М. К вопросу о специфике цветообозначений в профессиональной речи // И.А. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность / Красноярский гос. унт; Под ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск, 2000. – С. 255-259.
 134. Тресиддер Д. Словарь символов. [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/

135. Трубаева Е.И. К вопросу взаимосвязи понятий фрейм, гештальт, слот, топик, сценарий в когнитивной лингвистике // Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования: сб. материалов II междунар. заоч. науч.-практ. конф., Краснодар, 1 дек. 2011 г. – Краснодар, 2011. – С. 40-42.
136. Тяпкина Т. М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иваново, 2002. – 286 с.
137. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.
138. Устинова И.П. Тематическая группа как лексическая микросистема (на материале прилагательных цвета современного английского языка): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Л., 1986. – 244 с.
139. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (Виды наименований) / под ред. Б. А. Серебренникова. – М., 1977(а). – С. 5-84.
140. Уфимцева А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977(б). – С. 7-98.
141. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139-163.
142. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139-163
143. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/>
144. Фетисова С. А. Концептуализация имени цвета «красный»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2005. – 174 с.
145. Фомина В С. Семантика цветообозначений как объект исследования и

- изучения // IV международный симпозиум по лингвострановедению: тезисы докладов и сообщ. / Институт русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 1994. – С. 230-231.
146. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. – М.: Academia, 2001. – С.64-77.
147. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 78-84.
148. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Изд-во Урал гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.
149. Шабашева Е. А. Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в русском и английском языках: аксиологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Калининград, 2012. – 224 с.
150. Шанский Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов (к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборотообразования) // Русское и славянское языкознание [Текст]: [Сборник статей]: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р.И. Аванесова / [Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филин (отв. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1972. – С.300-308.
151. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е., изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная Литература, 1996. –192 с.
152. Шевченко, Е. В. Когнитивные аспекты фразеологических единиц, содержащих компонент «цвет», в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2007. – 26 с.
153. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. – № 4. – 1997. – С. 125-143.
154. Шерцль В. И. Названия цветов и символическое значение их. – Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884. – [2], 70 с.
155. Шеховцова Е. А. Формирование символической семантики

цветообозначений: культурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15. – Донецк, 2003. – 212 с.

156. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л.: Наука, 1974. – С.24-39.
157. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. – Москва: АСТ, Corpus, сор. 2016. – 637, [1] с.
158. Юдина О. В. Семантическая эволюция слов с праславянским корнем *RUD- в русском языке: авторефе. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2000. – 21 с.
159. Юнг Р. Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи // Психология цвета: Сб. пер. с англ. – М.: «Рефл-Бук», К.: «Ваклер», 1996. – С.135-181.
160. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. – Кокшетау, 2013. – 240 с.
161. Юрина Е. А. Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, в «Словаре русской кулинарной метафоры» / Е. А. Юрина, А. В. Боровкова // Вопросы лексикографии. – № 2(6). – 2014. – С. 106–121.
162. Ягафарова Г. Н. Основные ономаσιологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 43. – № 13 (194). – 2010. – С. 172–177.
163. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. – СПб.: Речь, 2006. – 368 с.
164. Kay, P. The linguistic significance of the meanings of basic color terms / P. Kay, Ch. K. McDaniel // Language, 1978. – Vol.54. – №3. – P. 610-646.

Словари и источники

165. Академический словарь русской фразеологии [Текст] / [А. Н. Баранов и др.]; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского ; Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова Российской акад. наук. - Изд. 2-е, испр. и доп. –

Москва: ЛЕКСРУС, 2015. – 1164 с.

166. Академический толковый словарь русского языка [Текст]. В 2-х т. / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; под редакцией Л. П. Крысина. – Москва: ЯСК, 2016.
167. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии [Текст]: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
168. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. – Москва: Наука; – Санкт-Петербург: Наука, 2004.
169. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст]. В 24-х т. / [сост. Антонова Л. В.]. – Москва: Дом Славянской книги, 2010. – 926 с.
170. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст]: значение, употребление, культурологический комментарий / [авт.-сост. И. С. Брилева и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва: Ридерз Дайджест, 2012. – 781 с.
171. Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография: сб. статей. – М.: Наука, 1972. – С. 73-105.
172. Буцева Т. Н. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2-х т. /сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонобоблева; отв. ред. Т. Н. Буцева; Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 816 с.
173. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е издание, перераб. и доп. Бодуэном де Куртенэ. Т.2. – СПб.-М.: изд. Тип.Товарищества М.О. Вольф, 1905. – 1017 с.
174. Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского русского языка: А - Я / В. И. Даль; [подгот. текста, современная версия А.

- Тереховой]. – Современная версия. – Москва: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 895 с.
175. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
 176. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: около 1600 фразеологических единиц / А. В. Жуков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: АСТ, 2010 (Нижний Новгород: Нижполиграф). – 703 с.
 177. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии [Текст] : свыше 2100 фразеологических единиц, значение, происхождение, употребление, примеры из современной прессы / А. В. Жуков, М. Е. Жукова; Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2015. – 411с.
 178. Картаслов.ру [Электронный ресурс]: URL: <https://kartaslov.ru/>.
 179. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
 180. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков, В.П. Жуков. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
 181. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
 182. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков, В.П. Жуков. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
 183. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – Москва: Технологии, 2007. – 938, [3] с.
 184. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
 185. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / АН СССР.

- Институт русского языка.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Рус.яз., 1991, Т.1. – 1991. – 864 с.
186. Словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovaronline.com/>
187. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Москва: Рипол-Норинт; Санкт-Петербург: Рипол-Норинт, 2008. – 959 с.
188. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / АН СССР. Институт русского языка.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Рус.яз., 1991, Т.1. – 1991. – 864 с.
189. Сосоеенко С. С. Фразеология спорта, колоративы и жаргон: русский и французский язык // Лексикография и коммуникация – 2016: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 21-22 апр. 2016 г.) / под ред. А. П. Седых. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2016. – С. 132-137.
190. Толковый словарь русского языка [Текст] / [сост. Михайлова О. В.]. – Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2014. – 761 с.
191. Устьянцева Е. В. Русские фразеологизмы со словом «хлеб» в лингвокультурологическом аспекте // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. – С. 253-260.
192. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва: Флинта: Наука, 2004. т. 1: (А-П). – 832 с.
193. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва: Флинта: Наука, 2004. т. 2: (П-Я). – 832 с.
194. Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.
195. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи

- [Текст] : в двух томах: [18+] / В. В. Химик. – Санкт-Петербург: Златоуст, Т. 1: А - Н. – 2017. – 525 с.
196. Фундаментальный электронная библиотека "Русская литература и фольклор": Словарь русского языка в 4 Т. (МАС). [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
197. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи [Текст] : в двух томах: [18+] / В. В. Химик. – Санкт-Петербург: Златоуст, Т. 2: О - Я. - 2017. – 530 с.
198. Шанский Н.М. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001. – 368 с.
199. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеологических выражений) /РАН. Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.
200. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – 845 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1

Смысловая структура компонента «белый»

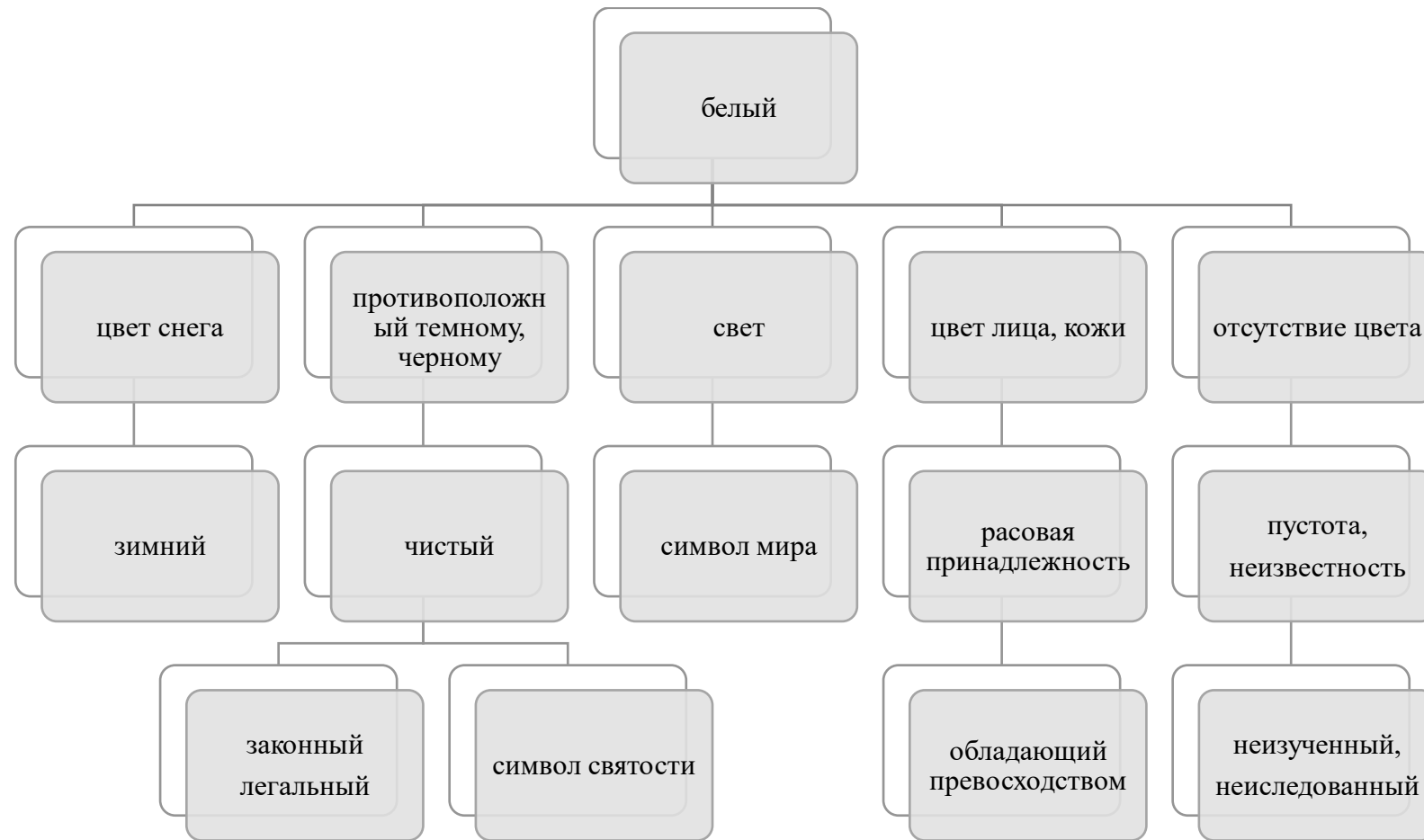

Таблица 2

Смысловая структура компонента «черный»

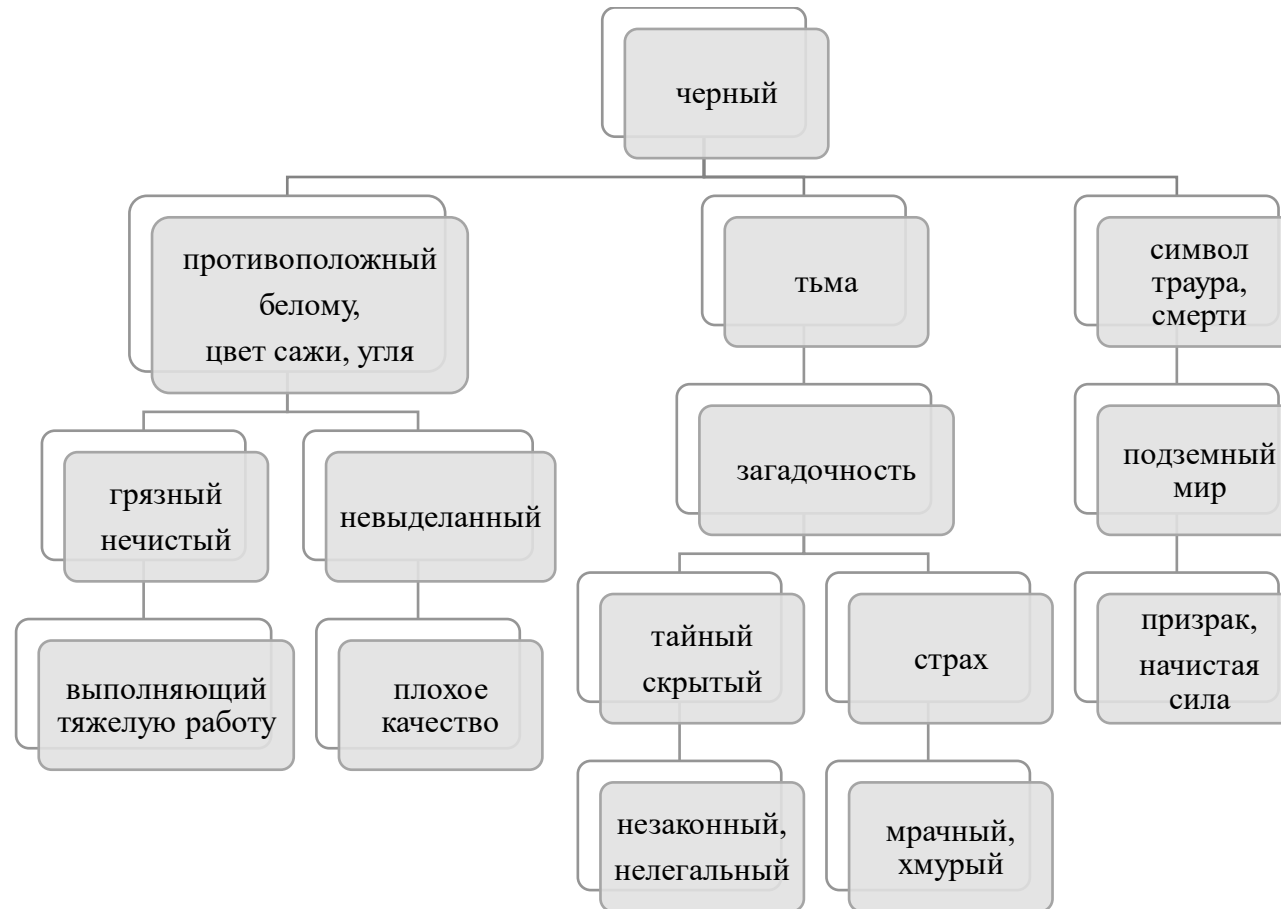

Таблица 3

Смысловая структура компонента «красный»

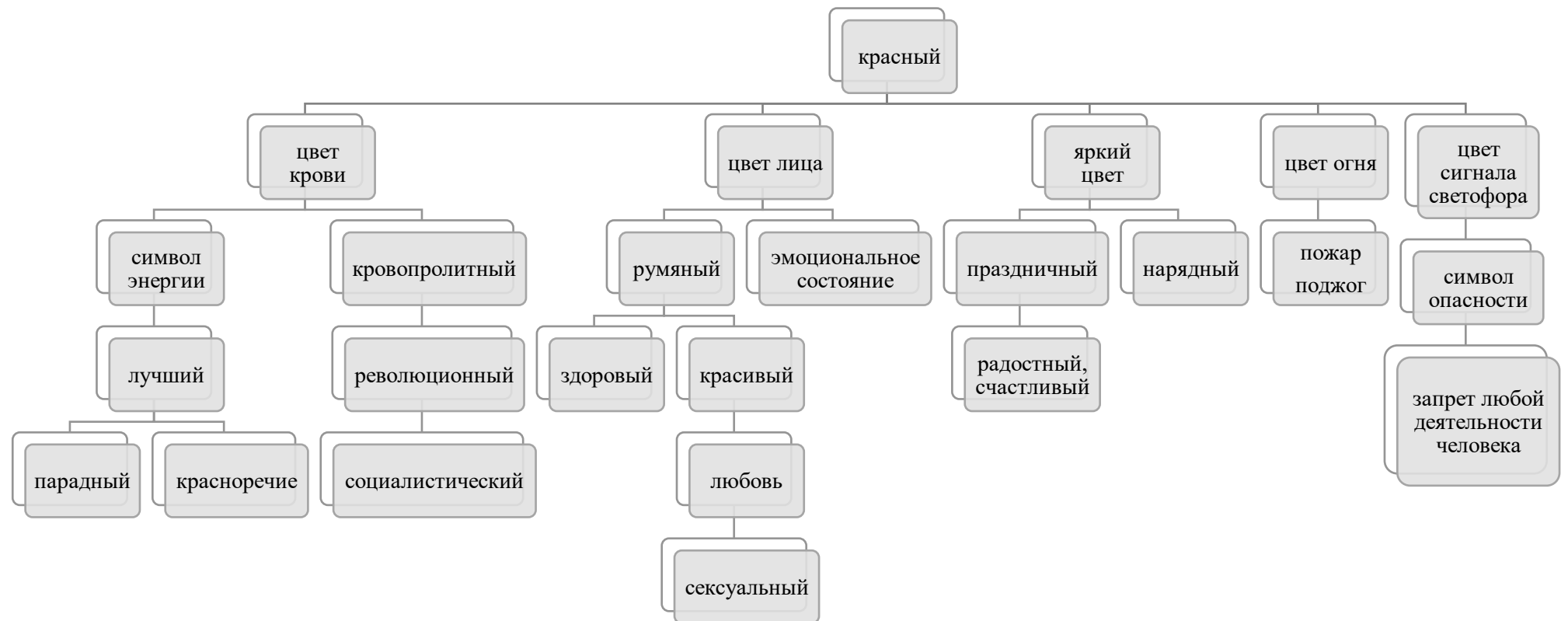

Таблица 4

Смысловая структура компонента «желтый»

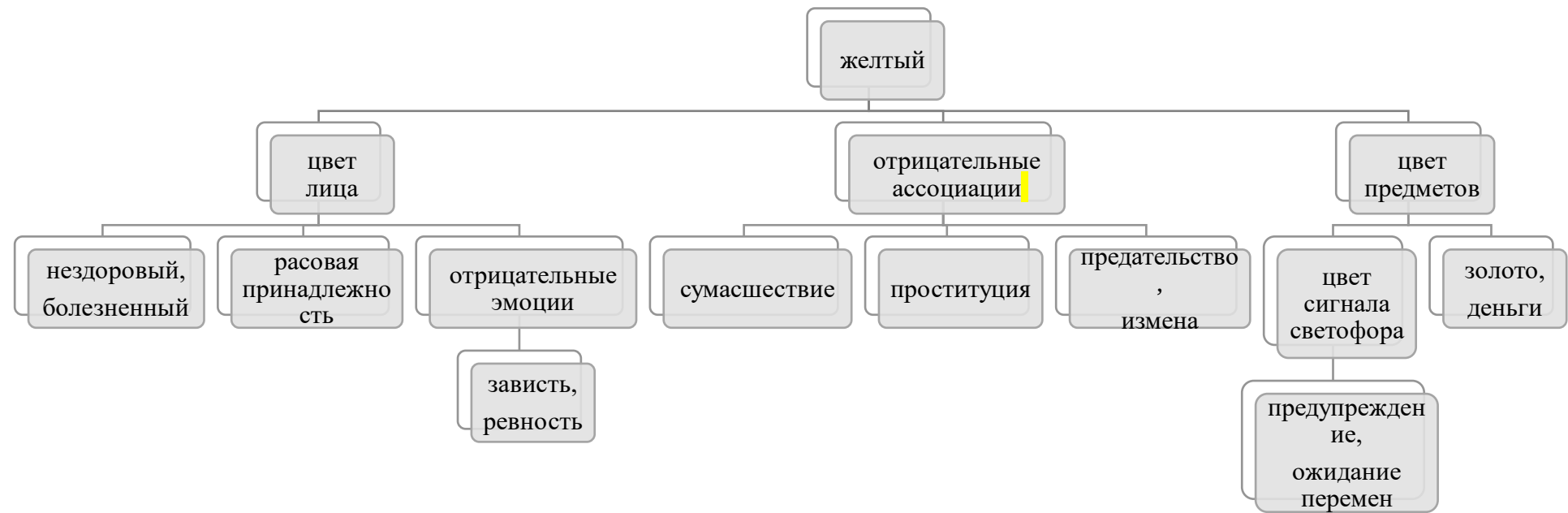

Таблица 5

Смысловая структура компонента «зеленый»

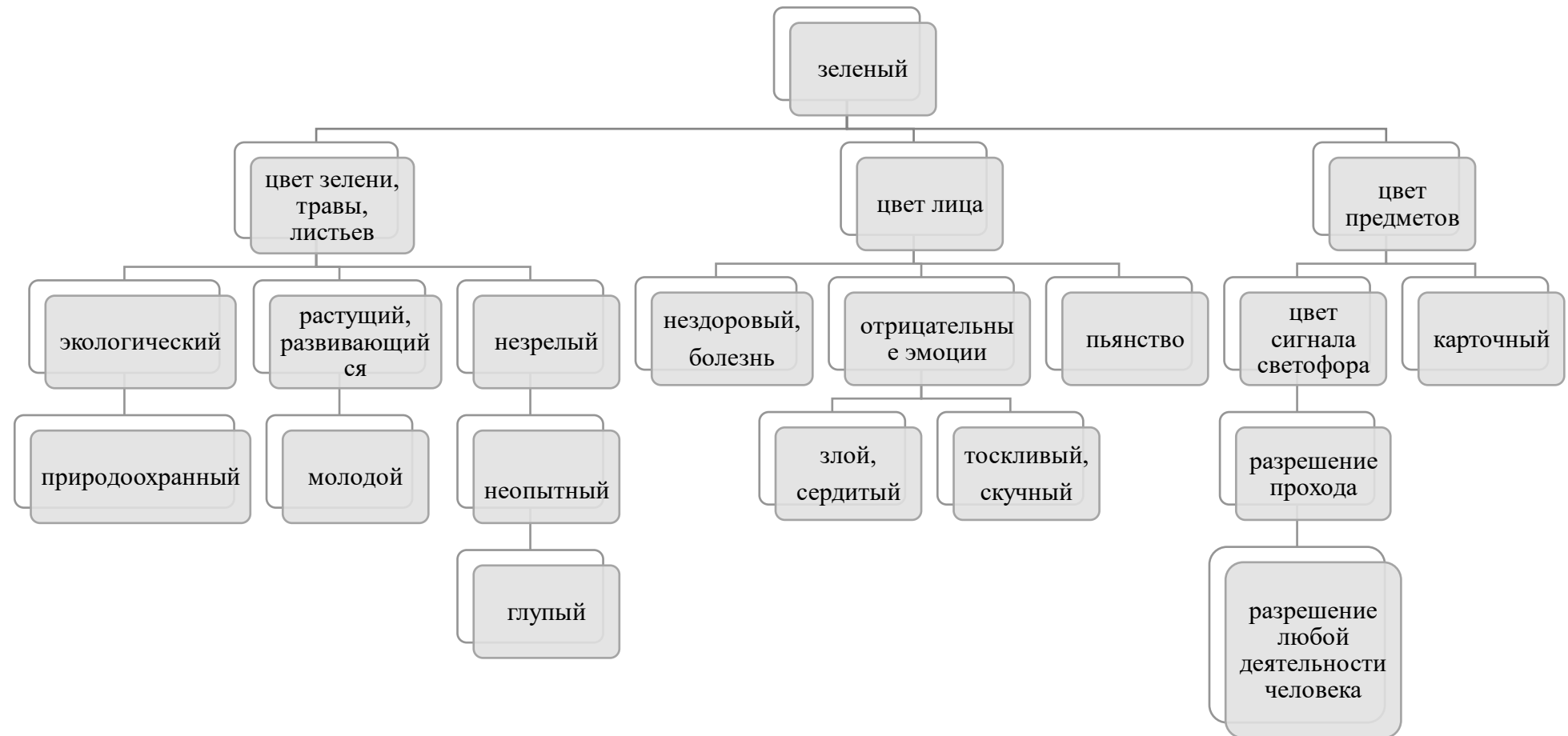

Таблица 6

Смысловая структура компонента «синий»

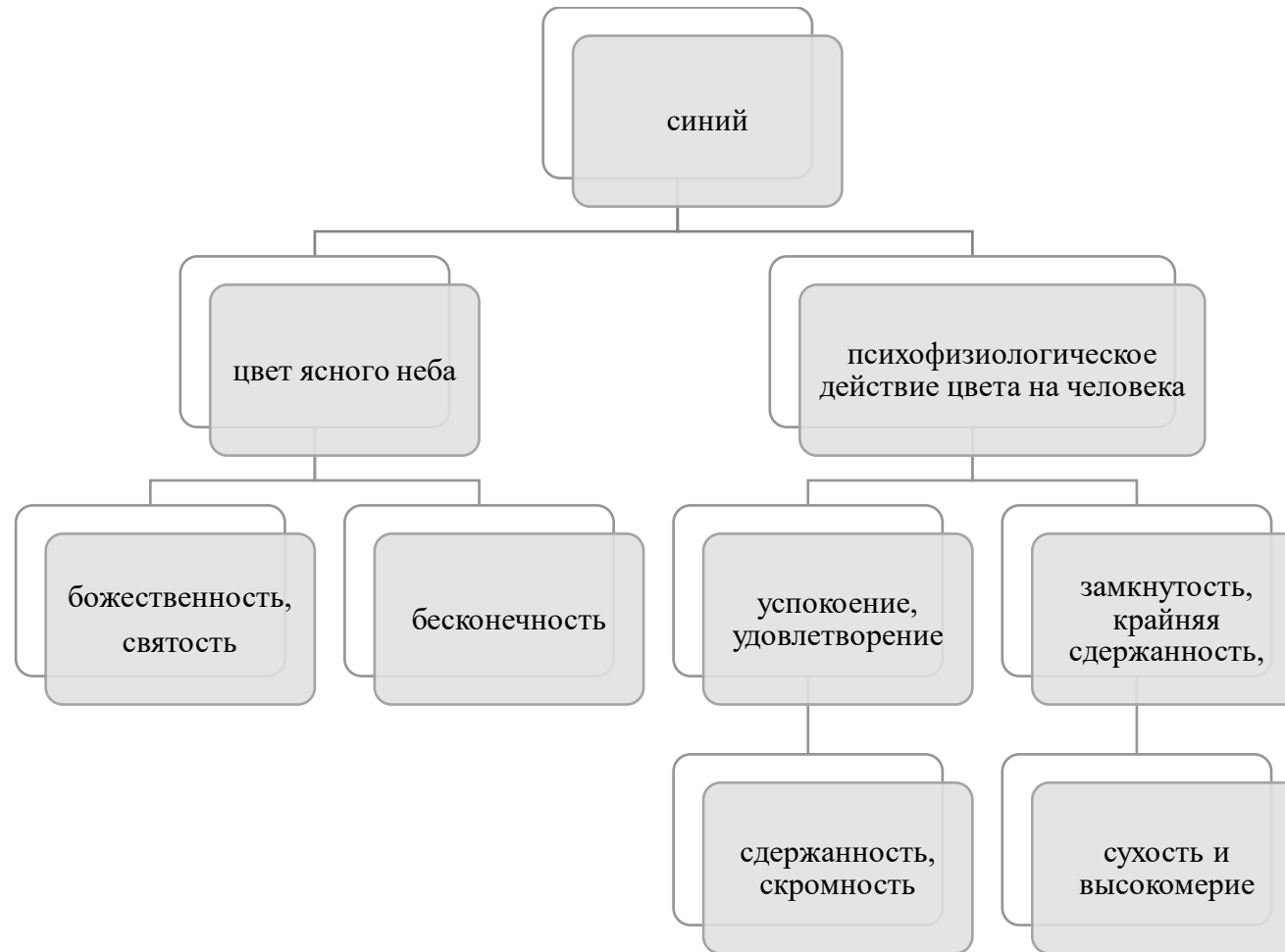

Таблица 7

Смысловая структура компонента «голубой»

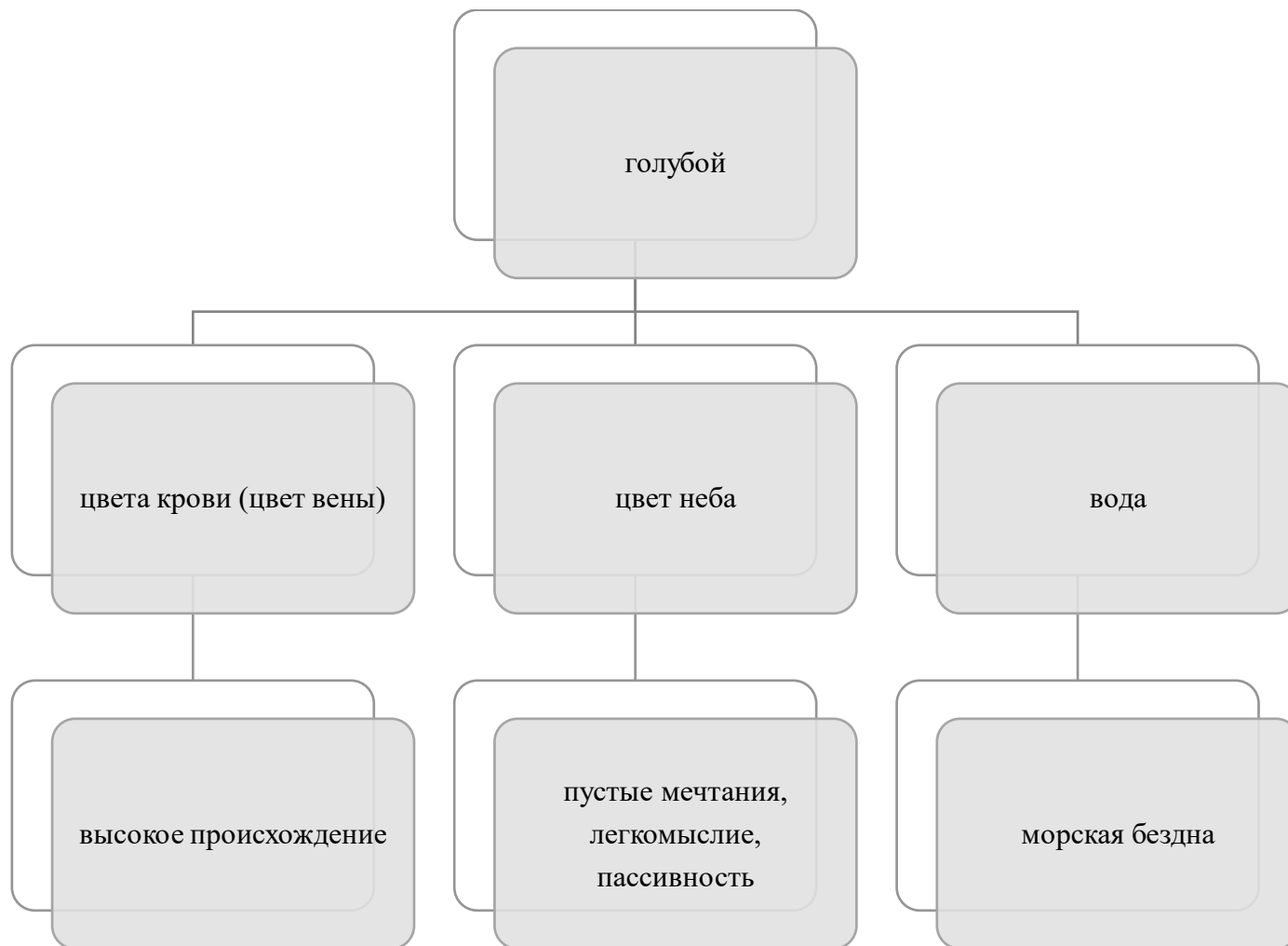
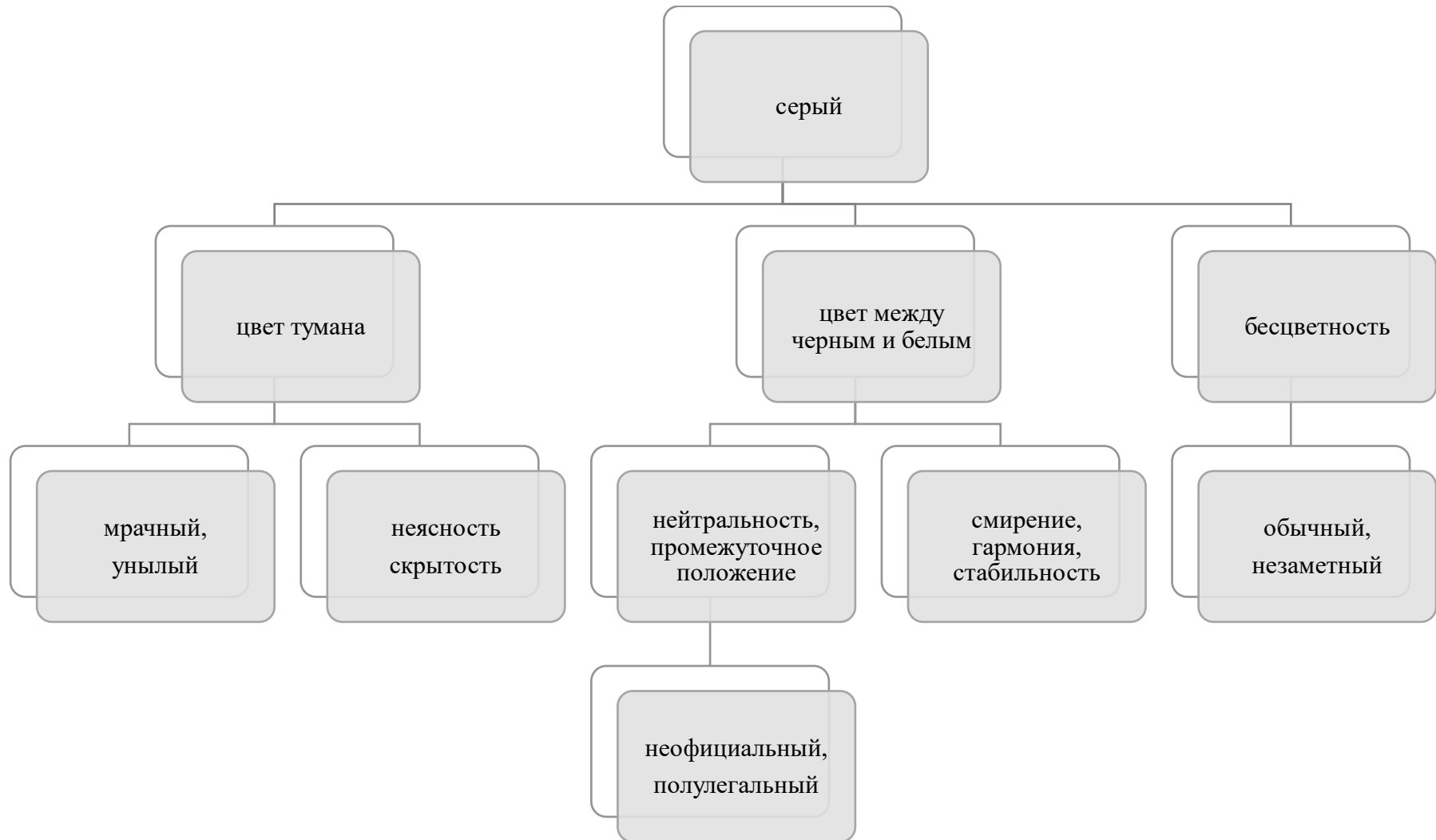

Таблица 8

Смысловая структура компонента «серый»

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «ЧЕЛОВЕК»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
внешность человека	черный глаз	ПОРОЧНОСТЬ
	белый как лунь	СТАРОСТЬ
характер человека	черная душа/совесть/сердце	ЗЛОБНОСТЬ
	белая ворона	НЕОБЫЧНОСТЬ
	красный каблук, красная девица	ЩЕГОЛЬСТВО, ЗАСТЕНЧИВОСТЬ
	зеленый возраст, зеленая юность, молодо-зелено, зеленая молодежь, зеленый юнец, зеленая голова, сопля зеленая	НЕОПЫТНОСТЬ, НЕЗРЕЛОСТЬ, НЕДАЛЕКОСТЬ
	желторотый птенец	НЕОПЫТНОСТЬ
	синяя борода	РЕВНОСТЬ
ментальный мир человека	черные мысли/думы	КОВАРСТВО
	красной нитью (проходить, выделяться), красная нить	<НЕЧТО> ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ЧЕМУ-ТО ГЛАВНОМУ, ОСНОВНОМУ
	голубая мечта	НЕСБЫТОЧНОСТЬ
физическое состояние человека	не жилец на белом свете	СМЕРТЬ
эмоциональное состояние человека	черная зависть, черная скука/тоска, черная неблагодарность, черная несправедливость, (видеть) в черном свете	ЗЛОБА, ИНТЕНСИВНОСТЬ ЧУВСТВА, МРАЧНОСТЬ

	доводить до белого каления, белая зависть, на весь белый свет (сердиться, обижаться), невзвидеть белого света, не белый свет не глядел бы, не видеть белого света, один на белом свете, оставлять (покинуть) белый свет	РАЗДРАЖАТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ ЧУВСТВА, СЕРДИТЬСЯ, СТРАДАНИЕ, СТРАХ, УЖАС
	для него как красная тряпка для быка	<НЕЧТО> ПРОВОЦИРУЮЩЕЕ РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ
	зеленая тоска, зеленая скука	ИНТЕНСИВНОСТЬ ЧУВСТВА
	на голубом глазу	НАИВНОСТЬ
речь человека	черное слово	РУГАТЕЛЬСТВО
	красное слово/словцо, для красного словца	КРАСНОРЕЧИВОСТЬ
профессиональная, социальная или партийная принадлежность человека	черные береты, черная кость, черные люди, черная сотня, черный посудник, черный кухарка, черное духовенство, черный поп, черный арап	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ, НЕЗНАТНОСТЬ, НЕВЕЖЕСТВЕННОСТЬ, НЕКВАЛИФИЦИРОВАННОСТЬ, СЛУЖЕНИЕ БОГУ, ЦВЕТ КОЖИ АРАПА
	белые воротнички, люди в белых халатах, белая кость/косточка, белая кухарка, белое духовенство, белая раса, белый арап, белый царь, принц на белом коне, на белом коне въезжать	СЛУЖАЩИЕ, ВРАЧ, ДВОРЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, КВАЛИФИЦИРОВАННОСТЬ, НИЗШИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ, РУССКИЙ ЦАРЬ, ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, ПОБЕДИТЕЛЬ

	красный следопыт, красная шапка, под красную шапку (отдать, пойти и т.д.), красный галстук, красные ментики, красные лампасы	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ОРГАНИЗАЦИИ
	зеленые береты, зеленые фуражки	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ
	желтая раса	РАСОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
	синие мундиры, синие воротнички, синий чулок	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ, ФИЗИЧЕСКАЯ РАБОТА, ПЕДАНТИЧНОСТЬ
	голубые береты, голубые каски, голубой лесник, голубая кость/косточка, голубая кровь	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ, ВОЗДУШНЫЙ, ДВОРЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
	серые шинели, серая скотинка, серый кардинал, серая кость	ЦВЕТ ФОРМЫ СОЛДАТОВ, НЕЗАМЕТНОСТЬ, ВЛАСТНОСТЬ, НЕЗНАТНОСТЬ
действие человека	с черного хода, черным ходом, держать в черном теле, рисовать черными красками, мазать черной краской, записан на черной доске, мазать черной краской, черная кошка пробежала, черное дело/дела, делать свое черное дело, черная контрреволюция	НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ КОМФОРТА, НЕПРИГЛЯДНОСТЬ, ПОЗОР, ДУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ, ССОР, КОВАРСТВО, КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
	белыми нитками шито, белый свет не клином сошелся, сказка про белого бычка, в белый свет как а копеечку стрелять	ЗАМЕТНОСТЬ, БЫТЬ НЕЕСТЕСТВЕННЫМ, ПОВТОРЯЕМОСТЬ, НАУГАД
отношение человека к жизни	на блюдечке/тарелке с голубой каемочкой (поднести/преподнести)	ГОТОВНОСТЬ
	синяя птица, гоняться за синей птицей, гореть синим пламенем/огнем	СЧАСТЬЕ

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «СОЦИУМ»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
политика	черный шар	<НЕЧТО> СИМВОЛИЗИРУЮЩЕЕ ОТСУТСТВИЕ ПОДДЕРЖКИ
	белый шар, белая гвардия, белые эмигранты, белый террор	<НЕЧТО> СИМВОЛИЗИРУЮЩЕЕ ПОДДЕРЖКУ, КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
	красная армия, красная флот, красная гвардия, красный террор	РЕВОЛЮЦИЯ, КОММУНИЗМ
	красный дракон, красный пояс	<НЕЧТО> ВЫСТУПАЮЩЕЕ СИМВОЛОМ СТРАНЫ (КИТАЯ), КОММУНИЗМ
экономика	черный рынок/биржа, черная металлургия	НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ, ТЯЖЕЛАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
	красная ассигнация, красная бумажка	<НЕЧТО> ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ДЕНЕЖНОЙ БАНКНОТЕ, ЕЕ НОМИНАЛУ
	синяя ассигнация/бумажка	<НЕЧТО>

		ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ДЕНЕЖНОЙ БАНКНОТЕ, ЕЕ НОМИНАЛУ
культура	черная книга, черный список, черные списки	НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТЬ
спорт	белая Олимпиада	ЦВЕТ СНЕГА – АТРИБУТ ЗИМВ
	красная карточка	ЗАПРЕЩЕНИЕ
	желтая карточка	ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
организация	черный пиар	НЕГАТИВНЫЙ ОБРАЗ
	Белый дом	<НЕЧТО> ВХОДЯЩЕЕ В СОСТАВ НАЗВАНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ
	красный крест, красный полумесяц, красный фонарь, красный уголок	БОЛЬНИЦА, ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ, КУЛЬТУРНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
	желтый дом,	СУМАСШЕСТВИЕ
печатное издание или документы	белый билет	ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
	красный диплом, красная книга	ОТЛИЧИЕ, <НЕЧТО> УКАЗЫВАЮЩЕЕ НА УСИЛЕННЫЕ МЕРЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ

		ЗАПРЕЩАЮЩЕГО ХАРАКТЕРА
	желтая пресса, желтый билет, желтые страницы	ПРОСТИТУЦИЯ, ТЕЛЕФОННЫЙ СПРАВОЧНИК
явление	черное пятно, черный ящик, черная метка	ПОЗОР, ЗАГАДОЧНОСТЬ, УГРОЗА
	белое пятно/место, дела как сажа бела, на белом свете существовать, на весь белый свет (прославить)	НЕИЗВЕДАННОСТЬ, БЫТЬ ПЛОХИМ, МИР
	красный петух, пускать (пустить) красного петух, красное каление	<НЕЧТО> ИМЕЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ОГНЮ, К СТЕПЕНИ НАГРЕВА
	зеленый свет, дать/открыть зеленый свет, дать зеленую улицу, зеленая волна, зеленая улица	ОТКРЫТОСТЬ
	желтая сборка	ПРОИЗВОДСТВО В СТРАНАХ АЗИИ
лингвистический термин	красная строка, с красной строки	ОТСТУП

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «АРТЕФАКТ»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
предметы	черный тюльпан, черный квадрат, черный замок, черная доска черный двор, черная дорога, черный пол черная печь, черная изба, черная баня	вид, качество различных материальных объектов
	красные корочки, красная доска, красный обоз	
	зеленый стол, зеленая карета, зеленое мыло, зеленое удобрение, зеленый корм	
	голубой экран, голубой ящик, голубой корабль	
	серая бумага, серое сукно/пряжа	
напитки	черный кирпич, черный кофе, черный чай	вид, сорт, качество продуктов питания и напитков
	белое вино, белая головка	
	красное вино	
	зеленый чай, зеленое вино, зеленый змий, до зеленого змия (пить)	
продукты питания	черный хлеб	
	белое мясо, белая смерть, белый хлеб	
	красная икра	
	зеленый сыр, зеленый горошек	
	серый хлеб, серый щи	
наркотика	белая женщина/леди, белый порошок, белая пудра, белая чума, белый дьявол	НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «НАТУРФАКТ»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
состояние природы, погодные явления	черная буря	ЧЕРНОЗЕМ
	белые мухи, Белый панцирь	СНЕГ, ЛЕД
	красное солнце, красная весна, красное лето	ЯРКОСТЬ
	зеленый шум	<НЕЧТО> СВЯЗАННОЕ С ТЕПЛЫМ ВРЕМЕНЕМ ГОДА (ВЕСНОЙ)
стихийные бедствия	черный дракон	СЕЛЕВОЙ ПОТОК
	белая смерть, белый тигр	СНЕЖНАЯ ЛАВИНА
растения	черные грибы, черный лес, черный дуб, черное дерево	ВИД, КАЧЕСТВА РАСТЕНИЙ
	белый гриб, белый лес, белая акация	
	красное дерево, красный перец, красный лес, красный гриб	
	шлем зеленый, зеленое золото, зеленый друг, зеленые легкие планеты, зеленые насаждения, зеленый лук, зеленая аптека	
животные	красная рыба	ВИД ЖИВОТНЫХ
минералы, горные породы, химические вещества, металлов	черное золото, черные металл, черный порошок	ВИД, КАЧЕСТВА МИНЕРАЛОВ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
	белый уголь, белый камень	
	красная медь /золото, красный камень, красный железняк	
	желтый дьявол, желтый уголь	

	голубое топливо, голубой уголь, голубое золото	
	серый чугун	
астрономические объекты	черная дыра	БЕССЛЕДНОСТЬ
	белый свет	ЗЕМЛЯ
биологический термин	белое вещество (мозга)	ВИД, КАЧЕСТВА НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ
	серое вещество (мозга)	
пространство	белое безмолвие	ЗАСНЕЖЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО
земля	белые земли	ЗЕМЛИ
вода	голубая магистраль, голубые дороги	ВОДА
место		
	синее море	<НЕЧТО> УКАЗЫВАЮЩЕЕ НА ДАЛЬ
сверхъестественное	черная магия, черная сила	НЕЧИСТОТА

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «БОЛЕЗНЬ»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
названия болезни	черная оспа, черное немочь, черная смерть, черная вода, черная ножка	СИМПТОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК БОЛЕЗНИ
	белая горячка, белая гниль	
	желтая лихорадка, желтое пятно, желтая вода	

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «ВРЕМЯ»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
время	черная страница, черная полоса, черная суббота, черный день, про(на) черный день, черный пар, черная тропа	НЕУДАЧА, НЕПРИЯТНОСТЬ, МРАЧНОСТЬ, ЧИСТЫЙ ПАР, ОСЕННИЕ ХОЛОДА
	белое утро, до белого света/зари, белый день, белым днем, среди бела дня, в белый день и по ночам, белые ночи/ белая ночь	СВЕТЛОСТЬ
	красная суббота, красный день календаря, красное число, красная заря, красный день/денек	ЯРКОСТЬ, БЛАГА
	зеленая страда	СЕНОКОС
	голубой день/полдень/утро	ЯСНОСТЬ

Проекция ЦО в составе ФЕ на концептуальную сферу «ЗВУК»

Концептуальные сферы	ФЕ	Семантические признаки, ассоциирующиеся с ЦО
звук	белый шум	РАВНОПРАВНЫЙ
	красный звон	АТРИБУТ ПРАЗДНИКА

Компаративные ФЕ с ЦО

ФЕ	
черный как смоль/уголь/сажа	*Компаративные ФЕ с ЦО характеризуются относительной свободой реализации сочетаемостных свойств
белый как мел/бумага/полотно/стена/смерть	
красный как рак / как кумач / как пион	
желтый как лимон, желтый как воск	
голубой как небо/незабудка	